Комосса Герд-Хельмут

Немецкая карта: тайная игра секретных служб

Москва. Фолио, 2009

Предисловие----------2

Прелюдия на Рейне и Руре----------4

Начало послевоенного диалога между немцами и русскими----------4
В духе Шарнхорста----------6
В очередной раз браться за оружие?----------9
Федеративная Республика Германия создаёт свои вооружённые силы в целях обороны 12
Решение принято----------13

Новое начало----------14

Новое обмундирование----------14
Идар-Оберштайн: служить делу мира, стоять на страже свободы----------15
В министерстве обороны----------18
Германский союз военнослужащих бундесвера----------19
Как я говорю об этом моим солдатам?----------20
Солдат на службе НАТО----------22
В Высшей командно-штабной академии----------23
Военное планирование ядерных операций----------27
Проект «Першинг» и германо-американское сотрудничество----------29
На холме под сенью театра, в котором проводятся музыкальные фестивали----------33
Байройт и военная музыка----------36
Амберг----------37
Министр, всем сердцем любивший армию----------39
Отставка Федерального канцлера Вилли Брандта----------41
Что обязан знать новичок----------45
Мимо Бонна не проходит ни один офицер службы генерального штаба----------47
Военный оперативный совет----------52
Поездка в Испанию----------56
Король Норвегии Улаф V в бункере НАТО----------59
Искусство в министерстве обороны----------61
Адъютант-спичрайтер----------63

Под командованием США----------65

12-я танковая дивизия в местечке Вюрцбургер-Штайн----------65
Мой командир и прямой путь----------66
Что я говорю своим солдатам перед их демобилизацией?----------69
Личная аудиенция у Папы----------71
Как один африканский президент плакал на надгробии Фридриха Великого----------72
Слабые карты Германии в игре с США----------74
Разыгрывается польская карта----------75
Взаимоотношения между Германией и США в целом----------77

Скрытая игра тайных сил----------82

Звонок из министерства обороны----------82
Будни спецслужбы----------84
Что представляет собой работа спецслужб----------86
Отношение спецслужб к политике----------88

Руководитель ведомства и его будни----------90
Изменение ситуации в области безопасности после 11 сентября 2001 г.----------94
О пользе и вреде контрразведки----------95
Успешные встречные операции----------99
В поисках иголки в стоге сена----------99
«Леопард II» - вожделенный объект----------101
Интерес представляет всё, что летает----------104
Шпионаж нарушает гармонию Кильской недели----------105
Для чего нам нужны «эти чёртовы службы»----------106
Роль секретных служб в демократическом государстве----------110
Взгляд на другую сторону----------114
Задание выполнено - прощание со службой----------118

На стыке политики и дел военных----------119
Вторжение партийной политики в казармы----------119
Австрийская карта----------121
Немецкая карта----------123
Игра краплёными картами - предложение стать атташе в Москве----------124
Генерал Кнырков: противник и друг одновременно?----------125
Сотрудничество под скрещёнными знамёнами----------127
Первые шаги к примирению - новое начало и новые аспекты----------128
О честных солдатах и чёрных овцах----------132
И у дружественных государств есть спецслужбы----------137
Террор меняет мир. Неужели разведслужбы ослепли?----------139
Борьба со шпионажем и терроризмом----------140

Карты вновь перетасовываются----------145
Научно-исследовательский центр международной безопасности----------145
Значение внешней безопасности для Германии----------147

В лучах осеннего солнца на берегах Эльбы и Эсте----------148

Приложения----------152
Перечень сокращений----------152
Именной указатель----------154

Эту книгу я посвящаю моим товарищам, солдатам, которые служили нашей стране в дни войны и мира и были готовы всегда, равно как готовы и сегодня, отдать свои жизни ради безопасности нашего народа и процветания нашей прекрасной страны.

Выражаю свою признательность издательству «Арес Ферлаг», его издателю Вольфгангу Двораку-Штайнеру, господину Хансу Беккеру фон Зотену, редактору издательства «Арес Ферлаг», и особую благодарность моей дочери Герлинд, которая на всём протяжении работы над книгой оказывала мне помощь в качестве самого первого редактора

Всё, что говоришь вслух, должно быть правдой, но не всё, что является правдой, говори вслух. Фома Аквинский.

Предисловие

2005 г., пожалуй, как никакой другой, дал множество поводов прийти к полноценному осознанию сущности ряда памятных исторических событий, прежде всего в России, Польше, Англии, Франции и Соединённых Штатах Америки, во всех странах Европы. Особенно же отчётливо это осознание проявилось в Германии. Многие из тех, кто отмечал переломные даты новейшей истории, испытали глубокое и искреннее волнение.

Минуло шестьдесят лет с тех пор, как союзники одержали победу над Германией и рухнул германский рейх, пятьдесят лет - с тех пор, как были воссозданы вооружённые силы в Федеративной Республике (в 1956 г. то же произошло и в ГДР), шестьдесят лет - с тех пор, как с американского бомбардировщика была сброшена первая атомная бомба на Японскую империю, что означало появление нового, особо жестокого измерения в способе ведения войны, шестьдесят лет - с тех пор, как варварским образом были испепелены Гамбург, Кёльн, Вюрцбург, Дрезден, Данциг, Кёнигсберг, в котором короновались прусские короли, и многие другие немецкие города.

Однако главным среди всех вопросов, связанных с событиями минувшего столетия, будет, по-видимому, стоять вечный вопрос о вине и покаянии немецкого народа. Бремя вины тех двенадцати лет - как хотят того многие - наш народ должен нести до скончания веков. При этом немцы, многие их политические деятели, учёные и публицисты, никогда не перестанут сами вновь и вновь ставить вопрос о вине и ответственности поколения своих дедов и отцов и побуждать идущие им на смену поколения не только к признанию исторической вины немцев, что ожидаемо, но и к признанию ими необходимости наследовать определённую долю ответственности. Мы, немцы, не можем уклоняться от анализа нашей истории без учёта фактора ответственности. Нам и не следует этого делать. Есть много путей, ведущих к исторической правде. Однако многие из тех, что уже опробованы, как правило, вели в тупик ложных или лишь отчасти верных выводов. Ставшее возможным теперь исследование российских источников открывает перед наукой возможности получения совершенно новых сведений о протекавших в прошедшем веке процессах, которые ещё только предстоит использовать. К сожалению, не ко всем российским архивам пока открыт доступ.

Так нужно ли заново переписывать новейшую историю немцев? Конечно же, нет, тем не менее она всё-таки нуждается в определённых дополнениях в некоторых областях. В этом, пожалуй, не может быть никаких сомнений.

Настоящая книга, предлагаемая вниманию читающей публики бывшим генералом бундесвера, оценивающим политическую деятельность через призму ответственности, а значит, без партийной пристрастности или оглядки на партийную дисциплину, рассказывает об этом «времени, наступившем после», с позиции немецкого солдата - солдата, испытавшего все лишения и страдания на передовой во время войны и в течение четырёх лет плена. Позже, по прошествии определённого времени, его деятельность была равно связана с решением как сугубо политических, так и чисто военных задач в министерстве обороны и высоких штабах НАТО, что

позволяло ему получать информацию, которая для многих его товарищей оставалась закрытой и по сей день не стала достоянием всеобщей гласности.

Пусть эта книга позволит читателю заглянуть за кулисы исторической драмы. В основном она рассказывает о том пятидесятилетнем периоде, который начался в 1955-м и завершился в 2005 г.

Герд-Хельмут Комосса, весна 2007 года

Прелюдия на Рейне и Руре

Начало послевоенного диалога между немцами и русскими

Всё началось с моего письма Булганину. Хотя кто теперь об этом знает?

В отношении многих важных вопросов того времени я до сих пор хранил молчание, причём не из соображений сугубо литературного или коммерческого толка, как это было с Гюнтером Грассом, а потому, что считал, что пока ещё не наступила пора для опубликования всех известных мне фактов. Поэтому я по сей день ни разу ни единым словом не обмолвился о попытке, предпринятой лично мной, по собственной инициативе, в 1953 г., после смерти Иосифа Сталина, за спиной великого канцлера Конрада Аденауэра, с помощью составленного по-русски письма к Николаю Александровичу Булганину установить связь с советским руководством в Кремле. Это письмо Булганину, в ту пору Маршалу Советского Союза, а с 1953 по 1958 гг. Председателю Совета Министров СССР, содержало предложение взять на себя инициативу по примирению немцев и русских после страшной войны между обоими народами, которую я молодым офицером так близко наблюдал в качестве непосредственного её участника и которая оставила во мне столько скорбных воспоминаний. При составлении письма я имел сознательное намерение добиться, чтобы оно производило такое впечатление, будто этот шаг совершается по поручению или по меньшей мере с одобрения или с ведома Конрада Аденауэра. Такой весьма необычный способ был обусловлен и мотивирован моими переживаниями, связанными с военными мытарствами в России и моим четырёхлетним пребыванием в советском плену после окончания войны. Мной, сочинителем этого «первого» письма, направленного советскому руководству после 1945 г., двигало прежде всего желание помочь моим остававшимся в Советском Союзе товарищам обрести свободу. Сам я вернулся на родину в 1949 г. в числе последних отпущенных военнопленных. Сделать это я считал своей обязанностью.

Решение написать письмо советскому руководству пришло после беседы, которая состоялась у меня в стенах моей гельзенкирхенской квартиры с одним русским офицером, а именно с капитаном Олегом К., рекомендованным мне для возможного сотрудничества моим тестем,

доктором Артуром Руппертом. Спустя короткое время после окончания войны Артур Рупперт, как бывший главный редактор газеты «Гельзенкирхенер цайтунг» («Gelsenkirchener Zeitung»), издал первый информационный вестник пресс-службы ХДС и в связи с этим изданием в первые послевоенные годы имел возможность поддерживать личную связь с Конрадом Аденауэром. Моя супруга иногда с едва приметной улыбкой рассказывала, как однажды видела «по-домашнему одетого» Аденауэра в его кёльнской квартире, когда, выполняя роль своего рода курьера, передавала будущему федеральному канцлеру рукопись своего отца.

Во время войны Олег К., как он мне рассказал, попал в немецкий плен и со временем стал убеждённым противником коммунизма. Он искал контакта с теми немцами, которые были бы заинтересованы в сотрудничестве между немцами и русскими. Кроме того, он изъявлял готовность читать лекции о германо-российских отношениях и коммунизме. В тот вечер мне не удалось с достаточной ясностью определить его политическую ориентацию. Тем не менее он произвёл на меня впечатление человека, которому можно доверять.

После смерти Иосифа Виссарионовича Сталина я чувствовал себя обязанным предпринять всё, что могу, всё, что от меня зависит, чтобы мои фронтовые товарищи перестали страдать в лагерях, разбросанных от Восточной Пруссии до Сибири, и умирать там в условиях, унизительных для человеческого достоинства. Движимый этим чувством долга, я и написал тогда это письмо, которое, возможно, в какой-то мере способствовало тому, что уже в 1953 г. Конрад Аденауэр отправился-таки в Москву.

Текст этого письма Булганину я больше двадцати лет храню в одном из ящиков моего письменного стола и в моей памяти.

Историку, наверное, было бы интересно узнать, что во время визита Аденауэра в Москву, который проходил с 8 по 14 сентября 1955 г., непосредственно перед подписанием соглашения об установлении дипломатических отношений между СССР и Федеративной Республикой Германией тогдашний Председатель Совета Министров Советского Союза Николай Булганин за несколько минут до начала банкета в Кремле отвёл Конрада Аденауэра в сторонку и сказал ему: «Напишите мне письмо, господин федеральный канцлер, и мы передадим вам всех - всех до единого! Даём вам честное слово! Напишите мне письмо в ближайшее время».

Конрад Аденауэр пообещал написать такое письмо, и согласие благодаря этому было достигнуто. Де-факто же Конрад Аденауэр, дав такое обещание советскому руководству, отступил от доктрины Хальштейна в обмен на освобождение 9626 немецких военнопленных из лагерей Советского Союза. Доктрина Хальштейна, опираясь на Основной закон, выражала требование федерального правительства единолично представлять интересы всей Германии в соответствии с нормами международного права. Цель этой доктрины заключалась в международной изоляции ГДР, то есть в недопущении её признания государствами, не входящими в Восточный блок. Согласно этой доктрине, федеральное

правительство не имело права устанавливать или поддерживать отношения на основе международного права с какими бы то ни было, за исключением СССР, странами, признавшими её на дипломатическом уровне. Так, следуя этому принципу, Федеративная Республика после 1957 г. разорвала дипломатические отношения с Югославией, а в 1963 г. и с Кубой. Официально от доктрины Хальштейна в ходе осуществления новой политики в отношении германского вопроса и восточной политики лишь в 1973 г. отказался тогдашний Федеральный канцлер Вилли Брандт.

Для Советского Союза установление дипломатических отношений с Федеративной Республикой было настолько важным делом, что они тут же приостановили разработку плана по похищению главы Федеральной разведывательной службы (Bundesnachrichtendienst = BND) Рейнхарда Гелена.

Репатриация немецких военнопленных была первым случаем «торговли людьми» после окончания Второй мировой войны, за которым в дальнейшем последовали многие другие, осуществлявшиеся в рамках развития внутригерманских отношений. Возвращение военнопленных на родину стоило той уступки, на которую пошёл Конрад Аденауэр. За это мы должны быть ему вечно благодарны. Те немецкие военнопленные, что были отпущены домой в 1955 г., никогда не забывали об этой его заслуге.

Осенью 1979 г. русский генерал Кнырков, первый советский военный атташе в Федеративной Республике Германии, во время нашей первой с ним беседы в Бонне определённым образом намекал, что «письмо» тогда «было получено» и в конечном итоге привело к приглашению Конрада Аденауэра посетить Москву. Было ли это первым письмом, за которым потом по инициативе Булганина, возможно, последовало «настоящее», второе, подписанное Конрадом Аденауэром? Советское руководство испытывало тогда, с уходом Сталина, чувство неуверенности, тем не менее, оно хотело прозондировать, какие намерения могли бы скрываться за этим весьма своеобразным письмом Булганину. Булганин, Хрущёв, Маленков и Берия, тогдашний глава советской разведки, прочли это письмо - в этом я после беседы с Кнырковым в Бонне совершенно уверен. Это письмо, вероятно, можно найти в каком-нибудь сейфе в подвалах КГБ, ныне именуемого ФСБ (Федеральная служба безопасности), в Москве. ФСБ располагается в том же здании, в каком располагался прежде КГБ, и живёт и действует по тем же традициям. Письмо было написано от руки, а не напечатано на пишущей машинке с кириллической клавиатурой, как это можно было бы сделать сегодня; но для русских специалистов, которым пришлось его переводить, это не имело особого значения. Тут самое время заметить, что в русских канцеляриях вплоть до конца 50-х гг. рабочий процесс обеспечивался самыми примитивными техническими средствами. Русские готовились к осуществлению космического полёта, приступили к строительству самых современных подводных лодок, привлекая для этой цели немецких офицеров-подводников, сидевших в лагерях военнопленных. Однако в областях, которые казались им гораздо менее важными, для них был

характерен поистине умопомрачительный бюрократический примитивизм. При всём том во главу угла ставился итоговый результат. При такой постановке вопроса было совершенно не важно, достигался ли этот результат с помощью электрической пишущей машинки новейшего образца марки IBM или же «детской арфы», если выражаться нашей уничижительной терминологией, принятой среди военнопленных. «Арфа» эта представляла собой не что иное, как счёты, на каких считали в детских садах, тем не менее, пусть со скрипом, она приводила «специалиста» к результатам, получаемым на удивление быстро. Но так ведь, как считали мы до 1945 г., невозможно выиграть войну! А вот и нет - выиграть было можно!

Пребывание в плену было, между прочим, своеобразной высшей школой жизни, благодаря которой мы, немецкие солдаты, поняли, на что способны люди в крайних ситуациях, какие страдания и лишения способны перетерпеть, но вместе с тем и на какие жертвы готовы пойти ради товарищей. К тому же мы узнали истинный характер русских людей, которых мы прежде совершенно неверно оценивали.

В 1953 г. я мечтал о новом времени в отношениях между Германией и Россией. При этом, однако, я вовсе не думал вновь стать когда-нибудь солдатом. Исходя из содержания бесед с представителями русской «интеллигенции» (автор употребляет написанное латиницей русское слово, заключая его в кавычки. - Примеч. ред.) во время нахождения в плену, я полагал, что тайная надежда русских на взаимопонимание с немцами воплотится в реальность ещё в этом столетии. Русские стремятся, как я полагал, к прочному миру с Германией. Россия с новой Германией в качестве друга способна противостоять всему миру, считали образованные русские. Они воспринимали войну уже как прошлое. Но они опасались высказывать такие мысли открыто.

Возвращение домой из советского плена последнего военнопленного спустя десять лет после окончания Второй мировой войны я воспринимал как момент счастья. Глядя на фотографии, сделанные при этапировании военнопленных на родину, я плакал, как плакали многие вокруг меня. Вернувшись домой из плена на чужбину, на Рейн, я, между прочим, восстановил связь с русскими, которые были моими собеседниками в годы плена, и долгое время мне удавалось не давать ей оборваться. Уже совсем недавно один русский тех времён пытался связаться со мной через Красный Крест. Но мне думается, что сегодня установление связи таким способом, пожалуй, утрачивает свой смысл. То время кануло в Лету. Пусть оно покоится там с миром.

В духе Шарнхорста

Спустя два года после того, как я послал письмо Булганину, 12 ноября 1953 г., тогдашний Федеральный канцлер Конрад Аденауэр приветствовал в окутанном романтической дымкой городе Андернахе на Рейне первые части новых немецких вооружённых сил. Солдаты стояли, выстроившись в линию в

три ряда, офицеры - на правом фланге. Внешний облик нового солдата был несколько непривычен для стороннего наблюдателя этой сцены. Обмундирование представляло собой традиционную солдатскую форму с элементами американского стиля. Даже знаки различия ничем не напоминали те, что были приняты во времена рейхсвера и вермахта. В этот день, специально выбранный политическим и военным руководством в Бонне, исполнялось 250 лет со дня рождения прусского военного реформатора генерала Герхарда фон Шарнхорста. Шарнхорст в своё время указал прусскому солдату новые пути в будущее, по сей день не утратившие своей значимости. Благодаря ему гражданские лица наконец-то получили возможность производства в офицеры, он отменил в армии телесные наказания и ввёл принцип повышения в звании «за заслуги».

Основополагающий тезис генерала, заключающийся в том, что все жители государства обязаны защищать его по факту своего рождения, привёл к созданию народного ополчения, а в конечном итоге и к введению всеобщей воинской повинности. Шарнхорст был военным мыслителем, теоретиком, стратегом и боевым командиром. Он был тяжело ранен в битве под Гроссгёршеном, а 28 июня 1813 г. в Праге.

Герхард Шарнхорст являет собой пример того, чему должен следовать современный солдат, в том числе солдат бундесвера. Его мысли простирались далеко за горизонты своего времени. В его личности характерные особенности кадрового военного удивительным образом соединялись с качествами политика и государственного мужа. Если сегодня, спустя несколько лет после 250-летнего юбилея Шарнхорста, возникает необходимость серьёзно поразмышлять о новой системе устройства вооружённых сил в Германии и Европе, то политикам и военным стоит вспомнить о реформаторах Шарнхорсте, Гнейзенау, Бойене, Грольмане и Карле фон Клаузевице - как это уже было в 1955 г. Эти реформаторы ещё 200 лет тому назад предвидели контуры современных вооружённых сил и смотрели на многие, многие годы вперёд. В сущности, они создали основные предпосылки для обеспечения солдатского бытия в условиях существования демократии при том, что служили в ту пору королю.

Исходя из этих идей прусских военных реформаторов, я представляю свою третью книгу, посвящённую теме, в которой основными объектами осмысления и обсуждения являются Германия и немцы, служившие и служащие своей стране в качестве солдат. Вместе с тем эта работа предоставляет читателю возможность заглянуть за кулисы новейшей и новой истории. Её можно считать своеобразным продолжением книги «Из Мазур на Рейн - возвращение на чужбину» (Грац, 2003). А ещё она имеет целью рассказать о том, каким образом солдаты различных народов в особом качестве и в особых ситуациях, связанных как с политической, так и с военной сферой, должны выполнять свой долг и в равной мере сознавать и соблюдать границы, в рамках которых они могут действовать, что приобрело очевидную актуальность именно в последнее время в связи с акциями бундесвера за пределами ФРГ. Солдат - будь то американец, англичанин,

француз, немец, итальянец или австриец - обязан соблюдать требования международного права, причём, в частности, и там, где международное и гуманитарное право нарушается другими. Действие этого принципа распространяется теперь и на подготовку, предусматривающую действия в боевых условиях.

Инциденты в казармах бундесвера, участниками которых были младшие командиры после своей опасной зарубежной миссии в Косово или Афганистане, обременённые ужасом, пережитым в ходе боевых столкновений, не только свидетельствуют о неверном понимании подготовки, нацеленной на «войну в современных условиях», но и побуждают сделать заключение о том, что военное руководство и военная подготовка должны соответствовать существующим свойствам личности человека. В этом вопросе, как утверждал кёнигсбергский философ Иммануил Кант, недопустима половинчатость.

Насколько тяжело соблюдать международное право и законы гуманности, показывает сегодня борьба против международного терроризма. Террорист не подчиняется нормам международного права. Он воюет в зонах военного противостояния, которые сам определяет, и по законам, которые сам устанавливает. Что же касается защищающейся стороны, то она при осуществлении мер, направленных на отражение террористических операций, не обладает неограниченным выбором средств. Она обязана и при осуществлении своих военных акций, связанных с обеспечением безопасности, в любой ситуации неукоснительно соблюдать международное право.

С учётом опыта второй иракской войны 2003 г. с её предысторией и связанными с нею разногласиями, прежде всего между США и Великобританией с одной стороны и Германией, Францией и Россией с другой стороны, а также с намеренной сдержанностью Китайской Народной Республики мы предпринимаем здесь попытку показать взаимоотношения и взаимодействие немецких и союзных солдат в повседневной армейской жизни. Для сотрудничества солдат в НАТО характерны взаимное уважение и очевидное стремление к взаимодействию, хотя, конечно же, в иных случаях бывают и недоразумения. Такого рода взаимодействие, отличающееся духом гуманности и нацеленное на некую общую цель, естественно, не может быть совершенно свободно от трений и нестыковок, тем не менее с момента принятия Федеративной Республики Германии в НАТО и Европейский союз сформировалась и постоянно укрепляется атмосфера взаимного доверия, способствующая возникновению личных дружеских отношений между многими солдатами разных стран. Правда, на фоне Второй мировой войны процесс создания этой атмосферы можно уподобить выхаживанию нежного и легкоуязвимого росточка. Этот процесс идёт с момента преодоления европейского разделения в отношении новых государств - членов НАТО.

Есть много примеров, ясно показывающих, что каждый солдат сознаёт, что в первую очередь служит своей собственной стране и подчиняется союзу

не всецело, а в ограниченных рамках. Тому есть и примеры, и объяснения. И в самом деле, разве обязаны немцы с их грузом прошлого на плечах постоянно быть образцовыми учениками в международных организациях? Обязаны ли они быть лучше, старательней, отважней и смелей французов или поляков? Обязаны ли они, если на юге Афганистана военное положение становится более критичным, чем на севере страны, перебрасывать свои части с юга на север, и вообще обязаны ли они при этом в принципе подчинять интересы собственного государства интересам альянса? Должны ли они брать на себя основную часть расходов и при этом, однако же, отказываться от своего влияния в Совете Безопасности Организации Объединённых Наций?

Пока стоит мир, британский офицер будет понимать свою службу прежде всего как обязательство перед своей страной. «Правь, Британия, правь, Британия, морями!» - вот его мотивация и вчера, и сегодня, такой же она будет и завтра. Американский солдат всегда поёт гимн Соединённых Штатов Америки с искренней страстью, прижимая кулак к сердцу и ощущая при этом, как бегут у него по спине мурашки, что свидетельствует об очень глубоком внутреннем переживании, как однажды признался мне майор Боб Данн в натовской штаб-квартире Центральной группы армий (CENTAG).

В очередной раз браться за оружие?

Самое дивное место на этой земле, как я думал до сих пор, - это, конечно же, то место на берегу озера Нидерзее в Восточной Пруссии, у которого я в нескольких сотнях метров от террас санатория, напоминавших мне Сан-Суси, в юные годы много часов провёл в тени елей, пуская камешки по водной глади - так, чтобы они, чуть подскакивая, скользили по ней в направлении Королевского острова, расположенного в самой середине озера, - и наблюдал за облаками, словно бы застывшими в высоком голубом восточнопрусском небе. А на светло-голубом горизонте вздымалась белыми горками крепость с устремлёнными ввысь башенками.

- Что может быть красивей облака? - спросил однажды Герман Гессе. Эти слова я внёс когда-то в текст прощальной речи моего генерального инспектора, но он не произнёс их перед своими гостями в офицерском клубе министерства обороны в боннской гостинице «Хардтберг». Когда позже я спросил его, почему он так поступил, он сожалел («Ну почему же вы мне не подсказали!») о том, что не сделал этого, оправдываясь тем, что прежде никогда не слышал этих слов Германа Гессе.

Я в своей жизни не раз проводил целые часы на берегу какой-нибудь реки или озера, наблюдая за причудливыми скоплениями облаков, каждое мгновение изменяющих свою конфигурацию, за тем, как они - точно мягкой нежной вуалью - прикрывают горизонт, как легко двигаются в такт мелодии ветра, а потом, порой совершенно внезапно, вздымаются мощными горными громадами и наконец преображаются в непроницаемые, местами тёмно-серые, местами жгуче-чёрные стены, из которых ярким холодным светом

выстреливают молнии.

Тянуться к облакам побуждала меня и вода. Самой красивой казалась мне вода в тех местах, где берега были окаймлены густой зеленью тёмного леса. Или, опять же, если в середине озера находился остров, покрытый высокими елями, заслонявшими обзор противоположного берега. Так было на Нидерзее в Мазурах, как ни на каком ином озере. Другие же берега рек, на которые приводил меня мой Создатель или забрасывала судьба, чаще всего берега Вислы, Днепра и Днестра, Дуная, Одера, Эльбы и Рейна, на которых я также часто сиживал, не были похожи на берега озера Нидерзее в Мазурах, моей любимой отчизны, не оставляющей меня и в старости. Я никогда не забуду этой земли; подобно тому, как коренной житель Кёльна никогда не забудет свой любимый город на берегу Рейна.

В сентябре 1955 г., сидя на берегу Рейна, я размышлял о смысле солдатского служения в наше время. Моральный облик солдата в условиях демократии - что это такое? Я глядел на воду, наблюдая за тем, как она образует завихрения, как здесь и там тащит за собой отломанную ветку, бутылку из-под пива или пустую бутылку из-под вина. Ведь я сидел на берегу Рейна, а его воды вбирали в себя притоки из городов, славных своим вином и весёлыми праздниками, - Рюдесхайма, Кобленца, где из года в год на исходе зимы проводится карнавал, посвящённый слиянию Рейна и Мозеля, и Кёнигсвинтера. День выдался жаркий. Близился вечер. Тонкие высокие тополя отбрасывали с берега на воду длинные тени. Особенно вяло, даже как-то лениво тёк здесь Рейн в извилине ниже Скалы Дракона навстречу своему устью. Грузовые суда плыли и на север, но всё больше на юг. Скоро, через час-два, они где-нибудь пришвартуются к берегу, чтобы стать на ночёвку, а может, поплывут дальше и ночью до своего порта назначения. С какой-то баржи доносились протяжные звуки аккордеона, которыми матрос выплёскивал в сумерки свою грусть о девушке в далёкой стране.

В тихом рукаве Рейна между берегом и островом, близ моста, протянувшегося от Бад Хонефа к острову Графенвёр, стоял пришвартованный старый ялик, который когда-то, возможно, сотни лет назад, использовали для рыбной ловли. Теперь ему не было применения. Слегка покачиваясь на волнах, старое дерево беспрерывно, монотонно, день и ночь, в ровном ритме движущегося потока кряхтело, скрипело, вздыхало и охало.

Я прошёл по перемычке, до самого её конца, присел на большой валун, тронул носками туфель воду и устремил взгляд на Скалу Дракона, на вершине которой виднелись развалины крепости. Я долго просидел в тот осенний день на своём привычном месте на берегу Рейна. Перед моим взором словно прокручивалась кинолента о второй - после несчастного случая на Нидерзее - жизни, наполненной кадрами разрывов гранат, скрежетом танков, дико лязгающих гусеницами, раздирающего нервы рёва «органа Сталина» (жаргонное название «катюш» в гитлеровских войсках. - Примеч. ред.), стреляющего сотней стволов, горящих домов и бегущих из деревень

кричащих и плачущих людей - стариков, женщин и детей. В Николаеве или в Грауденце и Торне (Торунь. - Примеч. ред.) на Висле.

Я видел горящие Кёльн, Гамбург, Вюрцбург, Дрезден, Кёнигсберг, Данциг, Гельзенкирхен и всю огромную Рурскую область. Вся прекрасная земля полыхала пожарищами.

«Эта проклятая война...» - думал я.

Откуда-то издалека послышался громкий смех, вызванный, очевидно, обильным возлиянием, и покатился в сторону острова. Юная парочка нашла в густых укромных кустах речного берега своё молодое счастье. Они смеялись от удовольствия.

В этот день я должен был принять решение. Я встал с травы и медленно побрёл по мелководью босиком обратно по перемычке, держа туфли в руке. Было холодно, но я чувствовал себя бодрым. Закатывая штанины, я вдруг услышал у себя за спиной зовущий меня женский голос. Я не понял, что она кричит мне, но голос её звучал взволнованно. Ей было - как мне показалось с первого взгляда - лет сорок пять, на ней были красная юбка, белая блузка с чёрным поясом и традиционные мазурские аксессуары женщин Восточной Пруссии. Как показалось мне на мгновение, это была женщина, жившая в Нидерзее на опушке леса напротив кладбища, которую я однажды видел на том месте, где из лесной мшистой топи торчал притопленный и потрёпанный ветрами и дождями ялик. Но ведь та женщина из Нидерзее была одета в изящное белое платье.

Не делайте этого! Не надо! Эй! Послушайте! - взволнованно кричала она мне. - Ради Бога, не надо, не делайте этого, ведь из любого тупика есть выход!

Я сообразил, что женщина, видимо, совершенно неправильно истолковала мои намерения.

Да нет, - сказал я, - вы что думали? Я просто хочу босиком пройти до Скалы Дракона.

Дойти босиком? До Скалы Дракона? По Рейну? - «Совсем чокнутый парень», - наверное, подумала она. Кто знает! Наконец мы оба вдруг в одно и то же мгновение рассмеялись.

Женщин, которым за сорок, я считал тогда настоящими старухами. Мне-то самому было тогда лишь чуть за тридцать, но я заметил, что эта женщина хоть и «старая», но при этом ещё очень красивая. К тому же у неё были длинные белокурые волосы, обрамлявшие её лицо словно золотистой рамкой. Я люблю белокурые волосы. Я вышел из воды на берег острова. Мы сели на травку и долго беседовали, пока не стемнело. Её звали Анна, а родом она была из Силезии. В конце войны она бежала из Бреслау. Странно, подумал я, как много женщин зовутся Аннами. В Бреслау она потеряла своего ребёнка; её муж, учитель гимназии, не вернулся из России, рассказала она. Она долго его ждала, как вынуждены были тогда ждать многие другие женщины в

Германии - до 1955 г., наверное, когда из сталинских лагерей военнопленных вернулись последние наши военнослужащие. Но её мужа среди возвращенцев не было, а ведь она надеялась до последнего дня. Она так ничего и не узнала о его конце. Но теперь она хотя бы совершенно точно знала, что дальнейшее ожидание бессмысленно и что его больше нет среди живых.

Анна напомнила мне медсестру нашей сельской поликлиники в Нидерзее. Она была «женщиной на все руки». В этом местечке у озера Нидерзее она перед началом богослужения зажигала свечи в маленькой церкви, которая скорее была общинным домом, звонила в маленький, почти миниатюрный колокол на низенькой колокольне и обслуживала больных на дому. Так что ничего удивительного не было в том, что когда я в январе 1943 г. на перроне в Нидерзее на неопределённое и неизвестное время прощался со своей семьёй и своей юностью, чтобы отправиться на фронт и выполнить свой долг перед отечеством, среди тех, кто составлял нашу маленькую группу, находилась и Анна, наша медсестра из пасторского дома. Она была в своём скромном тёмном платье, волосы прикрывал белый чепчик, а на воротничке блузки была приколота брошь женского монашеского ордена иоаннитов, члены которого посвящали себя миссии милосердия и благотворительности.

С 1693 г. главой этого ордена, пользовавшегося в Пруссии значительным авторитетом, его магистром и штатгальтером неизменно являлся наследный принц Пруссии. Это был евангелический орден, основной своей задачей считавший защиту христианской веры и служение больным и немощным. Небесным заступником и покровителем иоаннитов является Иоанн Креститель.

Незадолго до отхода поезда сестра Анна вложила мне в ладонь маленькую открытку, на которой был изображён страдающий Христос с терновым венцом на главе, а внизу было начертано утешающее изречение: «Во всех бурях, во всякой беде он тебя защитит, верный Бог».

Эту скромную открытку я как зеницу ока хранил все долгие и тяжкие шесть лет войны и плена. Вместе со мной она пережила «уплотнения» и дезинфекции. Однажды её обнаружил у меня один русский и бросил открытку себе под ноги. Но я её поднял, русский ничего не сказал, и я принёс её с собой на новую родину в Гармиш-Партенкирхен.

Открыточка, которую дала мне сестра Анна на перроне, была знаком расположения и выражением надежды на возвращение и встречу, - точно таким, каким в грустный час моего расставания со школой Берлинга в Хоэнштайне одарила меня Рут, дочь хозяина лесопильни, у которого я квартировал, провожавшая меня и своего брата Арнольда до вокзала. Рут вложила мне в руку вязаную наручную повязку. На повязке мелкой буквенной вязью было вышито то ли «Возвращайся!», то ли «Храни тебя Бог!», уж не помню точно. Прошёл не один десяток лет, прежде чем я узнал, что обе они живы и здоровы. Это были по-настоящему счастливые минуты моей жизни

после возвращения из советского плена.

После возвращения из плена меня свалило заражение крови. Это произошло всего лишь через несколько недель пребывания у матери в Фарханте под Гармиш-Партенкирхеном, где мы - мать, сестра, её дочь Розвита и я - жили у хозяина мясной лавки Минхольца в однокомнатной квартире под крышей. Под вечер до опасной отметки поднялась температура, а на коже появилась красная полоска. Моя сестра Рут побежала за помощью. Бодрствовал я или находился в бреду? Кто знает! Но я увидел вдруг медсестру Анну из Нидерзее - вроде бы она сидит у моей постели, держит мою руку и гладит её. Да, конечно, это была Анна, наша медсестра Анна из скромного общинного дома, служившего нам церковью в Нидерзее, которая дала мне с собой в дорогу на фронт открытку «Во всех бурях...». Она делала мне холодные компрессы и всю ночь проводила у моей постели на деревянном кухонном стуле.

Мать сидела у плиты и плакала. Нервно вышагивала туда-сюда по комнате Рут, она то садилась, то вскакивала, вновь садилась и не знала, что ей делать. «Нет, о Боже, нет, только не теперь! - восклицала она вновь и вновь. Я всё это вижу как сейчас. - Не теперь, когда он всё-таки вернулся домой!» «Как это домой?» - подумал я. Ведь родительский дом остался далеко на Востоке. Потом вокруг меня всё вдруг сначала потемнело, потом просветлело. Неужели я проспал целый день? Похоже на то. Ощущение было почти такое же, как тогда, когда я от смерти утопленника в озере Нидерзее был возвращён к жизни молодым двадцатилетним рабочим с лесопильни советника коммерции Андерса.

Как-то, спустя короткое время после возвращения домой летом 1949 г., над Гармиш-Партенкирхеном буйствовала страшная гроза. Мы перепугались - так плотно били молнии. Я сидел на кушетке и ждал. И вот, совершенно неожиданно, прямо у меня за спиной вдоль стены пробежала в направлении окна шаровая молния, выплыла через него наружу и тотчас исчезла. Потом всё стихло. Наступила абсолютная тишина. Лишённая всяких звуков. Беды в этой мансардной комнатушке на втором этаже хозяина мясной лавки Минхольца не случилось.

Разве больше не случаются чудеса? Действительно не случаются? Медсестру Анну я позже потерял из виду и никогда уже больше с ней не встречался. Если не считать одного этого раза в Гармиш-Партенкирхене, когда она совершенно внезапно - спустя шесть лет - оказалась у моей постели и гладила мою руку, вновь и вновь гладила и гладила мою руку, ни на мгновение не сходя со своего жёсткого стула. Она, как мне показалось, очень устала..

Федеративная Республика Германия создаёт свои вооружённые силы в целях обороны

Осенью 1955 г. было принято знаменательное решение: Федеративная

Республика Германия воссоздаст вооружённые силы для решения оборонительных задач. Назначение бундесвера недвусмысленно было сформулировано в Основном законе; он должен служить обороне! Решение невозможно было интерпретировать иначе. Да в ту пору ни один политик и не хотел его интерпретировать. Это же было ясно!

Федеральная разведывательная служба присвоила тайному государственному договору от 21 мая 1949 г. степень «строжайшей секретности». В договоре были закреплены основополагающие ограничения, наложенные победителями на суверенитет Федеративной Республики на период до 2099 г., факт существования которых вряд ли у кого сегодня, думается, может уложиться в сознании. В соответствии с условиями договора за союзными державами закреплялось также «право на осуществление полного контроля за немецкими средствами массовой информации» вплоть до 2099 г. К тому же договор предусматривал, что перед принятием присяги каждый вступающий в должность Федеральный канцлер Германии по распоряжению союзников обязан подписать так называемый «канцлерский акт». Кроме того, союзники наложили арест на золотой запас Федеративной Республики.

Как бы то ни было, Федеративной Республике Германии всё-таки была возвращена часть её суверенитета, но только часть. Причём в том лишь объёме, в каком это было необходимо, чтобы обосновать воссоздание немецких общевойсковых соединений.

Спустя десять лет после окончания страшной Второй мировой войны, несмотря на эти и другие ограничения союзников, немецким солдатам предстояло принять от французов, англичан и американцев казармы и приступить к несению своей службы для защиты свободы и сохранения и обеспечения мира. Следует ли и мне вновь становиться солдатом? Предстояло дать ответ на этот вопрос.

Спросом пользовались люди вроде меня, бывшие фронтовики, имевшие за плечами боевой опыт Второй мировой войны, особенно на русском театре военных действий. Но я на тот момент ещё не избавился от жалящих шипов воспоминаний о военных событиях и тяготах плена. Другими же, теми, кто отвергал саму возможность воссоздания немецкой армии в 1955 г., в основном двигало просто недоверие по отношению к солдатам и армии вообще. Ведь прошло всего шесть лет с тех пор, как я на маленьком вокзале в Нидерзее вновь обрёл свою семью и видел плачущей свою мать с забинтованной головой после операции на ухе, прислонившуюся к деревянному забору. Теперь же, в начале лета 1949 г., моя мать плакала от счастья.

Наши бывшие противники и новые друзья наседали на нас, желая получить себе в помощь немецкого солдата, главное, такого, каким они его знали по Второй мировой войне. Они охотно восстановили бы старые фронтовые дивизии, хотя, конечно же, ограниченной численностью, даже, возможно, одели бы солдат в старую форму вермахта. Во всяком случае, им

грезился образ немецкого солдата, который смело сражался на широких просторах России с 1941 по 1945 г. В тех же вопросах, в каких они делали поправки на дух времени, это происходило, как они сами считали, под давлением обстоятельств, исключительно в интересах немецкой политической оппозиции. В самом деле, так ли уж волновало тогда американцев, в какую форму будут облачены немецкие солдаты? Союзники могли бы пойти на многие уступки, лишь бы только получить наконец себе в соратники немецкого солдата в составе союзных войск. Как можно быстрей! И числом по возможности в 500 000 человек.

Решение принято

Когда я спустя несколько дней после принятия мною решения сообщил тогдашнему моему патрону, регирунгсдиректору Отдела по вопросам труда и трудоустройства Гельзенкирхена, доктору Ф., что намерен подать прошение о зачислении меня на офицерскую должность в ряды бундесвера, он, как мне показалось, вздрогнул от неожиданности. «Но зачем это вам? - спросил он и заметил: - У вас же есть отличные перспективы сделать себе хорошую карьеру в Управлении труда. К чему же вам снова идти в солдаты?»

Я тогда только что стал руководителем отдела статистики с перспективой повышения, успешно проявил себя в Гельзенкирхене в качестве политика, был членом окружного президиума одной партии, председателем комитета беженцев, пресс-атташе окружного отделения молодёжной организации той же партии и имел разные весьма благоприятные перспективы на будущее. То есть меня наверняка выбрали бы в ландтаг земли Северный Рейн-Вестфалия, а позднее, вероятно, и в бундестаг. Так что особой нужды идти в солдаты не было. А ещё через несколько дней после этого мне поступило, при том, что никаких запросов я не делал, письмо с предложением должности начальника отдела по технике безопасности в компании «Айзенверке Гельзенкирхен». Это была бы, безусловно, интересная работа и, разумеется, более выгодная, чем в Управлении труда. Предложение действительно было чрезвычайно привлекательным. Жалованье, на которое можно было рассчитывать в ближайшем будущем, как я очень скоро выяснил, было вдвое выше денежного обер-лейтенантского содержания в бундесвере. Ведь у меня, надо упомянуть, к тому времени было двое детей; это обстоятельство сулило определённые дополнительные трудности и уж точно на первых порах означало в течение какого-то времени разлуку с семьёй. Да, добрые друзья хотели отлучить меня от армии, в которую я решил пойти. Стоит заметить, что все мои доброжелатели принадлежали к той партии, которая решительно выступала за перевооружение Германии. Но я уже принял своё решение.

Почему же мужчины вроде меня, пережившие столько невзгод на войне, вновь взяли в руки оружие? Чисто материальные основания очень редко имели определяющее значение, потому что многие из тех, кто летом 1956 г.

«вступил» в ряды армии, были учителями, служащими, журналистами, клерками, студентами, были устроены на хорошо оплачиваемой и стабильной работе в сфере экономики и даже - как, например, генерал Гюнтер Кислинг - имели докторскую степень и тем не менее стали солдатами. Почему?

Среди первых офицеров, откликнувшихся на зов страны, было не так много мужчин, которым после войны пришлось довольствоваться низким доходом, к примеру, в сельском хозяйстве в Шлезвиг-Гольштейне или Нижней Саксонии, в качестве простых рабочих или в шахтах, где имелась большая потребность в рабочей силе. В большинстве своём эти офицеры сумели освоить востребованные профессии, которые в любом случае обеспечивали им более высокий доход, чем тот, который они получали в первые месяцы в армии. Значит, были, по-видимому, и иные причины, побудившие их летом 1956 г., а может, даже и раньше, принять решение снова стать солдатами. Может быть, меня манили в какой-то, пусть и малой, степени жажда приключений и предвкушение радости от предстоящего воплощения в жизнь хоть и знакомой, но всё-таки новой задачи? Новый вызов? И злость на унижения и страдания в плену - даже если моё пребывание в нём складывалось не так уж трагично, как у других. Конечно, были и иные причины, и не все они сводились к стремлению участвовать в защите отечества от внешних угроз. Каждый отдавал себе отчёт в том, что решение служить в бундесвере может иметь серьёзные последствия, а в иных случаях означает и необходимость пожертвовать самой жизнью, тем не менее все эти мужчины в возрасте тридцати - тридцати пяти лет подали заявление о зачислении в вооружённые силы и вскоре после этого дали присягу «верно служить Федеративной Республики Германии и храбро защищать право на жизнь и свободу немецкого народа».

Новое начало

Новое обмундирование

Ради соблюдения определённого порядка в настоящем повествовании, ведущемся от лица очевидца, нужно более пристально вглядеться в прошлое, поскольку решение, принятое на берегу Рейна, и первую встречу с министром обороны Георгом Лебером разделяют насыщенные многими событиями годы, которые, разумеется, мы не можем просто взять и вынести за скобки.

Итак, я снова стал солдатом, во второй раз в моей жизни, на этот раз в новом, непривычном обмундировании солдата Федеративной Республики Германии. Оно было неудобно и сверху, и снизу, и спереди, и сзади. В то время как солдат Национальной народной армии ГДР носил модифицированную серую форму бывшего германского вермахта, солдат бундесвера, как уже упоминалось, был облачён в форму-попурри с элементами американского стиля. Внешне это обмундирование бундесвера

мало чем напоминало традиционное обмундирование немецких солдат. Было очевидно, что его политически озабоченные творцы позволяли себе сохранять черты немецкой армейской традиции лишь в тех случаях, когда этого вроде бы совсем нельзя было избежать. Правда, по прошествии некоторого времени выяснилось, что эта первая внешняя попытка американизации молодой немецкой армии оказалась неудачной. Это обмундирование никому не нравилось, а те, кто его носил, скоро стали насмехаться над «обезьяньими курточками». Форма просто не соответствовала традиционному образу немецкого солдата. Она скорее походила на униформу портье на гамбургском Санкт-Паули, чем на форму солдата вермахта. Это произошло вследствие того, что политики были озабочены тем, как бы в максимально возможной степени политически корректно потрафить американским союзникам, хотя самих американцев и англичан совершенно не волновало, как солдаты новой немецкой армии себя публично позиционируют. Действительно важным союзники считали усиление собственных войск за счёт немецких солдат, в максимально возможной мере денацифицированных, но по своим сугубо боевым качествам не уступающих солдатам вермахта времён Второй мировой войны, только иначе обмундированных. А ещё им было важно, чтобы немцы как можно больше вооружений и боевой техники приобретали в США. Они уже тогда пришли к выводу, что в перспективе воспрепятствовать немцам наладить своё собственное производство вооружений не смогут.

В 1983 г., после одного из натовских учений, главнокомандующий вооружёнными силами США в Европе генерал Отис уважительно спросил командующего десантно-диверсионными войсками территориальной обороны «Юг»: «А как далеко ты во время войны прошёл в глубь России, Герд?» Услышав мой ответ: «Я дошёл до Никополя и Запорожья», - американский генерал устремил взгляд на карту, ища указанные мной города в районе, находившемся километрах в пятистах западнёй, а именно где-то в районе Кривого Рога и рядом с ним.

Нет-нет, - сказал я. - Надо искать намного, намного дальше в восточном направлении! Это было вот здесь, генерал Гленн Отис, - чуть западнёй Сталинграда.

Вот чёрт, - воскликнул американец, - ну да, конечно, вы же дошли до Сталинграда. - Он призадумался. «Да, - вероятно, сказал он сам себе, - если мы хотим воевать так же успешно, нам нужны именно такие солдаты». Но вслух он этого не произнёс.

Он одобрительно похлопал меня по плечу, как будто наши военные успехи в период Второй мировой войны были моей личной заслугой. А про себя, видимо, подумал также: «Как же это вам удалось при отсутствии преимущества в военном потенциале?» При этом он, вероятно, размышлял о соотношении пространства, времени и живой силы - тогда, в период с 1941 по 1945 г., и сегодня.

Идар-Оберштайн: служить делу мира, стоять на страже свободы

2 июля 1956 г. я, с чемоданчиком в руке - но теперь не с деревянным, как это было в 1949-м, а с настоящим, кожаным, - двинулся с вокзала Идар-Оберштайн вверх по Клотцберг и, несмотря на то что подъём был довольно крутой, перевёл дух только перед самыми воротами. А надо ли в самом деле входить в них? На контрольно-пропускном пункте нёс дежурство французский солдат. Он окинул меня критическим взглядом, бегло проверил документы и разрешил пройти на территорию. Во взгляде француза сквозили одновременно и насмешливость, и высокомерие. И я никак не мог отделаться от этого ощущения. Мимо нас прошёл куда-то по своим делам американский офицер. Он коротко взглянул в мою сторону, сказал «Hi» и двинулся дальше.

С этого дня я был солдатом бундесвера в составе НАТО в звании обер-лейтенанта и, следовательно, находился в подсудности органов военной юстиции. Мы прекрасно отдавали себе отчёт в том, на что мы идём, подавая заявление о добровольном поступлении на военную службу. Мы прекрасно понимали также, что не можем начинать с того, на чём остановились 9 мая 1945 г. Не могли мы, разумеется, вести отсчёт и от 2 апреля 1949 г., дня, в который мы были освобождены из советского плена. С той даты прошёл временной отрезок продолжительностью в семь лет, который я прожил вне армии, отправляя гражданскую должность в Управлении труда, параллельно подрабатывая в качестве свободного журналиста и занимаясь политикой.

Но я стремился в бундесвер. Меня манил вызов. Тем не менее 2 июля на Клотцберг я всё-таки не вполне был уверен в том, что всё сложится хорошо. Прежде чем пройти через ворота, я ещё раз оглянулся. Городок, лежавший там, внизу, у подножия горы, представлял собой исключительно живописную картину. На противоположном кряже, ниже вершины, в скальном углублении, словно выдолбленном резцом, стояла церковь. Дивное зрелище, которое я с удовольствием перенёс бы на полотно. Может, когда-нибудь и напишу эту картину, подумал я, ведь написал же я в 1944 г. панораму Варшавы, увиденную мной с берега Вислы. Куда пропала эта картина? Некоторые из моих картин, которые я написал ещё школьником, сумела спасти моя сестра Рут. Я по сей день не могу понять, как ей удалось сделать это в неразберихе бегства в январе 1945 г. Картины, в том числе портрет маслом Фридриха Великого, а также один портрет, написанный с неё самой в нежно-розовом платье, и сегодня висят в её квартире, охраняемые и оберегаемые ею как совершенно бесценное сокровище.

Один за другим на Клотцберг поднимались всё новые и новые мужчины моего возраста со своей немудрёной поклажей. Нас коротко приветствовал полковник, а потом распределял по комнатам - по шесть офицеров в одну.

Что было делать в тот вечер, с которого начался новый период жизни? Мы сидели в столовой и пили - сначала пиво, потом ром с колой, а от наступившей великой жажды - снова пиво. Вот чем был заполнен первый

солдатский вечер в бундесвере. Потом мы, тридцатилетние солдаты, каждый из которых последние семь лет занимался каким-нибудь сугубо гражданским делом, разошлись по своим комнатам. Было так странно, когда на следующее утро, ровно в шесть часов, нас и в самом деле пронзительным сигнальным свистком разбудил фельдфебель, причём точно так же, как тогда, когда мы были юными рекрутами германского вермахта.

Того, что последовало затем, мы в том виде, в каком это произошло, не ожидали. Нам, естественно, выдали форму, процесс переодевания проходил точно так же, как в старом вермахте. Неизменно звучал один и тот же вердикт - «Годится!», даже если такое заключение никак не вязалось с действительностью. Фельдфебель и в бундесвере имел серьёзный авторитет, использовавшийся с большой охотой. Распределение по аудиториям прошло в рутинном режиме. Была поставлена задача за восемь недель освежить основы наших военных знаний, освоить воинские приветствия и строевой шаг, научиться сходиться и расходиться, делать повороты направо и налево, разворачиваться на сто восемьдесят градусов, научиться в каждую минуту вести себя и двигаться по-солдатски.

Сначала мы занимались строевой подготовкой. Ухарство, чрезмерное выпячивание внешних форм, как мы очень скоро заметили, не приветствовались. Существовала установка на устранение чрезмерной прусскости. Отбраковали даже подбитые гвоздями сапоги с коротким голенищем. Солдат бундесвера ходил на мягких резиновых подошвах. Если раньше при стойке смирно мы держали пальцы по швам брюк, то теперь должны были держать их согнутыми в кулак, но не до конца, а только наполовину. Всё должно было выглядеть в максимальной степени «гражданским». Занятия в аудитории чередовались практическими занятиями. Сначала в ящике с песком, а потом всё чаще на гарнизонном полигоне - в полевых, приближённых к боевым условиях. Эти занятия вёл инструктор, пришедший в бундесвер из федеральной пограничной охраны. Всё в нём напоминало мне вермахт. В том числе форма. И манера держать себя была, разумеется, сугубо солдатской. В ней не чувствовалось никакого влияния американцев.

Увидев, насколько не впечатляющими являются наши артиллерийские познания, наш инструктор по артиллерийскому делу, подполковник, пришёл в полное отчаяние. «Боже ты мой! - воскликнул он однажды. - Чем же вы, собственно, занимались все эти годы?» По его словам, он не мог себе и представить, чтобы артиллерийский офицер после войны перестал заниматься измерением, логарифмами и другими теоретическими вопросами артиллерийской науки. Во всяком случае, сам он изо дня в день продолжал это делать с 1945 г. «Изо дня вдень, господа, изо дня в день!» Он не очень-то скрывал, в сколь малой мере мы отвечали его представлениям об артиллерийском офицере. Сам он, видимо, с 1945 г. действительно ни на мгновение не терял надежды когда-нибудь снова стать солдатом. Эта мечта была естественной нормой его жизни.

Так почему же, в самом деле, 2 июля 1956 г. я снова стал солдатом? Позднее я жёстко и неоднократно задавал себе этот вопрос, однако ответ на него не прост. Тогда все мы - и я, и мои товарищи - в профессиональном отношении твёрдо стояли на ногах, я был женат, у меня было двое очаровательных детей.

Перед набором на офицерскую вакансию каждого соискателя экзаменовали на профпригодность. Принципиальный вопрос, ставившийся каждому кандидату, гласил: «Каково ваше отношение к участникам акции 20 июля 1944 г.?» Мнения на этот счёт в моём поколении были ещё очень разными - от измены родине до осознания необходимости действий после Сталинграда и прежде всего после сражения под Курском в июле 1943 г. Кто не считал, что действия фрондёров 20 июля 1944 г. заслуживают безусловного одобрения или по меньшей мере уважения или признания, тому поступление в бундесвер было заказано. Кто впоследствии, как это порой случалось, подвергал критике военных, оказавших сопротивление Гитлеру, не был искренним. Основополагающим для принятия решения стать солдатом было, вероятно, обострение международной обстановки в связи с блокадой Берлина Советами.

Сталинград был потрясением для моего поколения. Нельзя было допустить повторения подобной драмы. Для этого нужно было предпринять все необходимые меры. Разумеется, не могу этого не признать, мне нравилось ходить в строю, петь при этом солдатские песни, командовать - но разве это было определяющей мотивацией? Мы видели, что свободному миру и нашему народу угрожает новая опасность. Мы видели русских и воспринимали их коммунизм как подавление личности. Думаю, что определяющим было желание предотвратить новую войну, а в случае необходимости защитить нашу страну. Но в сущности, все поступки были обусловлены ярко выраженным чувством национального самосознания. Кто отрицает это, тот лжёт. Кроме того, нам не хотелось, если уж дело действительно дойдёт до войны, снова оказаться проигравшими. На сей раз мы хотели быть вместе с победителем, а именно на стороне США. Советский Союз не был для нас приемлемой моделью существования.

Мы прошли ускоренный курс общей военной подготовки. Оружие выдали американское, а инструкторами по стрелковой дисциплине - как уже упоминалось - были в основном военнослужащие из службы пограничной охраны. Разумеется, раньше они тоже были солдатами вермахта. От нас они отличались тем, что из вермахта ушли позднее, а в бундесвер пришли раньше нас - и потому имели по отношению к нам психологическое преимущество.

Апогеем обучения были стрельбы в нашем тире на учебном полигоне «Баумхольдер» батареей 105-мм самоходных гаубиц. Там нам однажды показывали американское подразделение со всем его вооружением. Нас сильно удивило, что рядом с каждой инвентарной единицей и каждым видом оружия - будь то кухонный котелок или автомат - был выставлен щит с

указанием цены в американских долларах. Каждый американский солдат обязан знать, какие деньги приходится платить налогоплательщику за его вооружение и обеспечение, и поэтому он должен с надлежащей аккуратностью обходиться и с материальными средствами, и с боевой техникой. В вермахте нас такими знаниями не загружали. Немецкого солдата в войну не интересовало, сколько стоит его вооружение. Важно, чтобы оно было качественным и удобным в применении, чтобы оно было лучше, чем у противника, - вот это действительно было важно. И когда мы в войну поняли, что простой и неказистый русский автомат лучше сложного немецкого, то при первой же подвернувшейся возможности старались завладеть таким русским автоматом и стреляли из него. Я тоже поступил таким образом и скоро обзавёлся русским ППШ, с которым мне пришлось не расставаться до 9 мая 1945 г.

Американская танковая рота, которую нам показывали, была отлично вымуштрована. Солдаты стояли ровным строем по прямой линии, предварительно проведённой мелом на асфальте, касаясь её носками своих сапог. Перед ними на новом, начисто вымытом до блеска, как сапоги и каски, отполированном палаточном брезенте лежал прибор, который они должны были то ли обслуживать, то ли использовать. Прежде чем нас пригласили осмотреть его, я услышал, как подполковник говорит своим солдатам: «Покажите, на что вы способны. Это лучшие солдаты в мире». В это мгновение я невольно вспомнил советского майора, мимо которого мы, немецкие военнопленные, в мае 1945 г. прошли строем по Тухельской пустоши, - он то же самое сказал тогда своим солдатам: «Мимо вас идут лучшие в мире солдаты!» Американец и русский были едины в оценке немецкого солдата. И этого немецкого солдата, прошедшего через ад войны от Данцига до Сталинграда и обратно, этого солдата американцы хотели теперь заполучить себе в союзники. Но получат ли они его в том состоянии, в каком они этого бы хотели?

В министерстве обороны

После общего курса переподготовки в Бремен-Гроне и нескольких недель в качестве старшего офицера батареи меня неожиданно перевели в министерство обороны на должность начальника Контрольной комиссии по проведению ПМ (профилактические мероприятия) - предшественницы созданной позже Службы военной контрразведки (Militaerischer Abschirmdinst = MAD). Работа в этой должности, допускавшей большую самостоятельность при проверке материалов и сведений, была весьма интересной. В этом ведомстве соискатели на основе их личных дел проверялись на предмет профессиональной пригодности, возможности допуска к службе в вооружённых силах и в соответствующих случаях отклонялись по соображениям безопасности. Процесс отбора был организован здесь с особой тщательностью не только в целях оберегания бундесвера от неподходящих соискателей, но и в целях соблюдения принципов справедливости в отношении каждого. Я очень переживал, когда мне иной раз приходилось

отказывать какому-нибудь бывшему генералу вермахта в его желании быть принятым на службу в бундесвер. Но что поделаешь, если в плену он вёл себя и некорректно, и хамовито?

Казалось, мне уже предначертано стать кадровым офицером контрразведки. Но не тут-то было. Да и сам я после долгих и мучительных размышлений понял, что хотел бы быть полезным армии в другой сфере. Я хотел руководить. В ноябре 1956 г. мой непосредственный начальник, командир третьего артиллерийского полка, полковник А., уговорил отдел личного состава откомандировать меня из министерства обороны в третий артиллерийский полк, хотя отдел личного состава к тому моменту уже издал письменное распоряжение о моём переводе в министерство обороны.

Германский союз военнослужащих бундесвера

К нам пожаловал гость. Из мюнстерского лагеря приехал подполковник Молинари из танковой школы, который намеревался провести в новой воинской части агитацию в пользу своего рода солдатского профсоюза, как мы тогда понимали это объединение. Мы, офицеры, считали такое объединение абсолютно излишним. В армии за всё, что нужно солдату, ответственность несёт и впредь будет нести исключительно командир. Он обязан заботиться о том, чтобы его солдат был обеспечен всем, в чём он нуждается и что ему положено иметь. Он осуществляет руководство и обеспечивает наилучшую экипировку и надлежащее обучение. Так у нас было поставлено дело в войну. Соблюдение этого принципа показало свою эффективность на фронте, особенно на Восточном. К чему тогда это новшество? Однако довольно скоро наше мнение изменилось, а именно после того, как мы узнали, что Управление вооружёнными силами ограничило полномочия командира в новой армии, бундесвере. Многие сотрудники административно-хозяйственной службы бундесвера ложно интерпретировали положение Клаузевица о главенстве политики, воспринимая его как требование о главенстве гражданского начала, и соответственным образом вели себя, к неудовольствию генералитета. Идейным главой этой новой и иной программы был министериаль-директор Вирмер. В первые годы существования бундесвера он играл значительную роль в министерстве обороны. В стенах министерства между военным и политическим руководством постоянно происходили столкновения и недоразумения. Вирмер яростно боролся против уравнивания статусов генерального инспектора и статс-секретаря. Требовал, чтобы различие статусов обязательно было отражено даже в классификации денежного содержания. Он настоял на своём. Главенство политики означало для министериаль-директора, что генеральный инспектор при любых обстоятельствах является «подчиняющейся инстанцией». Во всяком случае, он боролся за то, чтобы было так.

Своей деятельностью в течение всего периода своего существования Германский союз военнослужащих бундесвера завоевал расположение

солдат. Старания основных профсоюзов, в первую очередь профсоюза общественной службы, транспорта и коммуникаций (TV), добиться влияния в армейской среде, тем более пополнить свои ряды за счёт военнослужащих бундесвера какого-либо мало-мальски приметного результата не дали. Причины неудачи были очевидны. Как можно было доверять профсоюзу, использующему любой возможный повод, чтобы провести демонстрацию против возрождения армии? Как бы то ни было, Германский союз военнослужащих бундесвера со временем завоевал доверие солдат.

Вначале он рекрутировал своих членов из рядов унтер-офицеров, впоследствии в союз стали вступать и офицеры. Однако в силу того, что он, естественно, в первую очередь всегда заботился о младших чинах, командиры практически с самого начала его существования воспринимали его прежде всего как организацию, представляющую интересы унтер-офицеров. Так - cum grano salis (с известной долей скептицизма) - они воспринимают его и сегодня. Атмосфера, в которой устанавливались отношения между армией и профсоюзами, была отнюдь не дружественной. Но она определялась не армией, которая всегда стремилась к повышению степени эффективности отношений - как правило, втуне. Холодность по отношению к бундесверу, а отчасти и его неприятие со стороны профсоюзов, а в равной мере и со стороны социал-демократов, вели к напряжённости, отнюдь не желательной для армии. Старания армии вплоть до середины 80-х гг. установить доверительный диалог с профсоюзами, как правило, не давали результата из-за скептицизма функционеров в Объединении немецких профсоюзов (ОНП), прежде всего его среднего и низового звена. Во время демонстраций, направленных против бундесвера, на каждой публично устраиваемой Большой вечерней зорьке профсоюзы стояли бок о бок с молодыми социалистами, членами Коммунистического союза Западной Германии или Германской коммунистической партии (ГКП) и срывали мероприятия.

Солдат способен в два счёта определить, когда политик говорит с ним честно, а когда врёт в глаза, обещая армии то, о чём через несколько дней ни слова не проронит на пленарном заседании немецкого бундестага - видимо, от внезапно наступившего беспамятства. Возможно, не каждый командир имеет дар заглядывать в человеческое нутро, но большинство из них всё-таки способны делать это. Политика, играющего с ним краплёными картами, он легко выведет на чистую воду.

С годами отношения между бундесвером и немецкими профсоюзами явно смягчились. Возможно, это в значительной мере обусловлено и тем обстоятельством, что во главе профсоюзов встали люди, сумевшие выработать совершенно нормальное отношение к армии. Как бы то ни было, большинство солдат, стремящихся установить какую-либо связь вне иерархии, присоединится к Германскому союзу военнослужащих бундесвера и будет искать у него поддержку в социальной сфере, которую в соответствии с действующим законодательством ему не может оказать его армейский командир. Председателями союза избирались толковые люди,

которые очень много сделали для создания ему доброй репутации в армии и среди общественности. Сегодня ни одна политическая партия не может игнорировать Германский союз военнослужащих бундесвера. Большинство политиков, вероятно, и не имеют такого намерения. А многие из них - те, кто каким-либо образом связан с армией и сам является членом союза, - состоят в организации солдатской взаимопомощи или в организации социальной помощи военнослужащих бундесвера. Официальные представители союза сумели снискать себе признание и уважение в армии. Во многих сферах они стали подлинными партнёрами командиров и командующих.

В Идар-Оберштайне солдаты новой немецкой армии, вначале не очень комфортно чувствовавшие себя в новом обмундировании, вскоре были распределены по формирующимся частям. Меня же солдатская судьба сначала привела в Бремен-Грон. Там после кратковременной подготовки мне предстояло обучить военному делу первую партию только что призванных на службу солдат.

Как я говорю об этом моим солдатам?

В начале октября 1956 г. я в первый раз после Второй мировой войны предстал перед построенной ротой молодых солдат первого призыва. Вначале я чувствовал себя несколько неуверенно. Последний раз перед относительно крупным подразделением солдат я стоял в советском лагере. Что должен был я сказать парням, призванным в бундесвер спустя одиннадцать лет после окончания войны? Тем парням, которым образ солдата вермахта был известен по средствам массовой информации, рисовавшим его в чёрных красках. Что должен был я с моим опытом почти шести лет войны и советского плена сказать им? Разве так уж здорово быть солдатом? Мои сверстники ещё в школе узнали, что «умереть за отчизну и сладостно и почётно». Такими словами в Третьем рейхе пытались побудить 12-14-летних подростков немедленно взяться за оружие и броситься навстречу врагу. Да, за отчизну, как тогда, в 1914 г., под Лангемарком. Но в 1956-м ни о какой «сладостности» не могло быть и речи. Мы снова жили мирной жизнью. Руины были убраны. Конечно, многие здания ещё были отмечены следами от разрывов гранат и бомбёжек. И на стенах Кёльнского собора по-прежнему виднелись отметины от бомбардировок. Офицер в 1956 г. не мог уклониться от вопроса своих солдат о том, зачем ему, равно как и им, нужно было стать солдатами. Он обязан был дать ответ и на те вопросы, которые они не задали, но которые, как он совершенно точно знал, беспокоили стоящих перед ним парней. Тогда я, помимо прочего, сказал моим солдатам следующее:

Солдаты третьей батареи, мои юные товарищи!

Надев на себя форму, такую же непривычную для вас, как и для ваших командиров, вы стали солдатами бундесвера, солдатами армии в условиях и в интересах демократии. Стали солдатами прежде всего ради сохранения мира! Начался совершенно новый период в вашей жизни, в новой среде, в

сообществе молодых парней, которых свёл вместе случай. [...]. Чтобы ходить по улицам в военной форме, требуется мужество. Меня самого в прошлый выходной в одном городке Рурской области оскорбили и оплевали. Но было и другое: в том же городке водитель остановил свой автобус и потребовал немедленно покинуть салон женщину, обозвавшую меня убийцей.

Не делайте ложных выводов, если вам придётся столкнуться с чем-нибудь подобным. Наша страна нуждается в нас, солдатах, чтобы обеспечить свою безопасность.

А наш народ определит нам место в обществе, соответствующее нашим задачам [...].

Угроза нашей свободе - в том числе внутри страны - это реальность, истина. Будем помнить слова Шопенгауэра, говорившего: «Истина может ждать, потому что ей уготована долгая жизнь». Никогда нельзя терять присутствия духа, напротив - всегда будем действовать по принципу гусар: «Если тебя сбрасывает с крупа лошадь, надо тут же вновь на неё вскочить, чтобы не успеть испугаться».

Если вы в первый раз покидаете казарму в форме, вы обязаны помнить, что по своему настроению к армии наше население делится на три группы. Одни будут относиться к вам дружелюбно, другие безразлично, третьи откровенно враждебно. Как вы должны вести себя с ними? Старайтесь своим поведением демонстрировать, что достойны дружелюбного отношения, проявляйте сдержанность, избегайте ссор, в любой ситуации оставайтесь спокойными, дисциплинированными и корректными, побуждайте население повернуться лицом к бундесверу.

Нашёл ли я тогда в Бремен-Гроне нужные слова? Думаю, да. Думаю так на том основании, что при заполнении опросного листа призывники указали, как они оценивают своих командиров. Некоторые - анонимно - отозвались обо мне с похвалой. Один из молодых солдат написал в анкете, что процесс обучения приносил ему большое удовольствие, потому что командир, то есть я, орал меньше других и всегда с пониманием относился к солдатским проблемам. Ничто не радует сердце любого командира так, как похвала вверенного ему и руководимого им солдата.

Сегодня я спрашиваю себя: какие слова говорит какой-нибудь командир роты в 2007 г. своим солдатам, поздравляя их с началом службы в армии? А в глубине души задаюсь вопросом: мог бы я представить себе, что ещё раз в своей жизни способен всё начать с самого начала в качестве солдата? С ответом же на вопрос, «здорово» ли вообще быть солдатом, я бы хотел несколько повременить.

Солдат на службе НАТО

После богатого переживаниями периода, в который я исполнял обязанности командира отдельной воинской части - такая должность

формирует любого офицера, - меня перевели в расквартированный в Мюнстере (Вестфалия) Первый корпус на должность офицера-адъютанта начальника штаба, полковника Йоахима фон Брунна, а позднее адъютанта командира корпуса.

Пока я не подыскал себе «гражданскую» квартиру, я жил в служебном помещении флигеля школы, ведущей курсы верховой и автомобильной езды в бывшем здании казармы. Вечерами жизнь здесь в определённом смысле била ключом. Ученики и ученицы школы верховой езды, юные дамы и господа, чьи родители в большинстве своём не испытывали стеснения в средствах, устраивали вечеринки в баре. Подниматься же, как это ни неприятно, обязаны были очень рано, что было обусловлено просто вполне естественной необходимостью ухода за лошадьми в конюшне. Нои здесь можно было иной раз отлично провести время. Ведь когда-то в вермахте некоторые из нас, солдат, служили в конных частях, как я, например, в первые месяцы солдатской службы в дивной Померании, причём заслужил себе шпоры в конной артиллерии. Боже мой, как только нас, 18-летних, не мучили там в самый разгар войны! Нас заставляли заниматься выездкой. На полном скаку спрыгивать с лошади через её голову. Преодолевать барьеры на манер испытанных мастеров конкура. Стоять на крупе бегущей лошади и скакать по озёрной отмели.

К сожалению, при такой суровой подготовке мы потеряли товарища: во время скачки по лесной просеке его сбросил с себя шедший галопом белый берберский жеребец, которого мы не без применения силы «приняли на баланс» от французской армии летом 1940 г. Наездник неудачно ударился головой о ствол дерева. Спасти его не мог бы никакой врач. Так я впервые в своей жизни стал очевидцем смерти товарища.

Второй раз это случилось на полигоне в Графенвёре. Мы учились метать из стрелкового окопа ручные гранаты со вставленными запалами. Вытянув шнур, нужно было посчитать минимум до 21 и максимум до 25, после чего бросить гранату в направлении противника. Один из наших товарищей стоял в окопе, потянул за шнур, а потом вдруг застыл, словно окаменел. Он так и не бросил гранату. Третий раз один из моих товарищей погиб на моих глазах уже на фронте, во время боя близ города Никополя. В дальнейшем такие встречи со смертью стали рутинным делом. Действительно рутинным? Нет, конечно, смерть солдата не может быть рутинным делом. Никогда. Точно так же, как не может быть ни сладостной, ни героической - она навсегда обрывает юную человеческую жизнь.

Обучение становилось всё более и более жёстким; такого рода обучение называли «приближённым к боевым условиям». Это означает, что шквальный огонь из автоматов, ведущийся условным противником, заставлял зарываться головой в землю. Очень своеобразное чувство - слышать, как над тобой со свистом проносится смертоносный свинец. Пущенные спереди или сзади пули летели над нашими головами. Потерь в процессе обучения, слава Богу, не было.

Служба в Первом корпусе была, как я думаю, определяющей для всего моего дальнейшего пути в армии. В лице полковника фон Брунна, генерал-лейтенанта Герхарда Матцки и генерал-лейтенанта Хайнца Треттнера у меня были командиры, которые, каждый на свой манер, всегда были для меня образцами. Начальник штаба, полковник фон Брунн, всегда предоставлял мне по службе много свободы. Вместе с тем он рассчитывал и на высокую степень отдачи. Я прошёл великолепную подготовку, облегчившую мне последующее обучение в Академии руководящего состава, готовящей офицеров для работы в генеральных штабах.

Йоахим фон Брунн был офицером генерального штаба старой школы. Я нашёл в нём учителя, чьи наставления определили моё будущее. Он участвовал даже в тактическом образовании офицеров генерального штаба в корпусе. Во время командировок командиров общевойсковых соединений - традиции, перенятой у вермахта, - я вёл учёт оценок, выставляемых офицерам, так что мог уже тогда спрогнозировать, кто из них впоследствии может сделать карьеру, а по прошествии времени знал, почему тот или иной из них оступился.

По отношению к своим подчинённым фон Брунн мог быть суровым. Очень суровым. Он требовал трудолюбия, ещё раз трудолюбия и ещё большего трудолюбия - только оно обеспечивало профессиональную подготовку молодого офицера. Однажды в пять минут девятого встретив на лестнице, ведущей в здание штаба корпуса на Гинденбургштрассе, спешащего на службу офицера генерального штаба, он не нашёл оправдания этому опозданию. Мне он тогда сказал: «Комосса, запомните раз и навсегда - в восемь ноль-ноль офицер генерального штаба сидит за своим письменным столом с казённым остро заточенным карандашом в руке и начинает трудиться». (Шариковые ручки были тогда ещё большой редкостью.) Когда потом моё товарищеское сочувствие подвигло меня объяснить полковнику вынужденность опоздания и таким образом заступиться за опоздавшего, прошла целая вечность, прежде чем он согласился принять извинения. Само собой разумеется, что полковник фон Брунн был образцом исключительной трудоспособности и эффективности. Думаю, что тогда было очень мало офицеров, которые имели бы столь высокую квалификацию, как офицеры генерального штаба. Однако он всё-таки не вполне вписывался в схему времени. Он это сознавал, и это избавляло его от разочарований.

Оба командира корпуса - и Матцки, и Третгнер - были образцовыми командующими: Герхард Матцки, истинный представитель старой школы и солдат-аналитик, и Хайнц Третгнер, полевой командир, который возглавлял десант, высадившийся в Голландии, и участвовавший в битве за остров Крит. Они не были похожи друг на друга ни личностными качествами, ни чертами характера, но оба были командирами, подававшими находящимся в их подчинении офицерам примеры высочайшего профессионализма. Они были живыми эталонами воинского долга, реликтами старого вермахта, которые стопроцентно соответствовали идеальному образу нового бундесвера. В процессе перехода от вермахта к бундесверу оба оказали своей стране

большие услуги. Позже я расскажу об этих генералах более подробно.

В Высшей командно-штабной академии

«Два года солдатской жизни просыпались как песок сквозь пальцы!»- таковы были мои прощальные слова на торжественных проводах по случаю окончания курса обучения в Высшей командно-штабной академии бундесверав Гамбург-Бланкензее. В академии мне было вменено в обязанность исполнять определённую роль, когда в связи с каким-нибудь торжеством требовалось выразить благодарность начальникам каким-нибудь совершенно особенным образом. Полковник фон Брунн, а также генералы Матцки и Третгнер рекомендовали мою кандидатуру как исключительно подходящую для надлежащего выполнения этой задачи.

Обучение в Высшей командно-штабной академии бундесвера закончилось быстрей, чем задумывалось. Об этом периоде военного обучения - и, что крайне важно, военного образования - можно было бы поведать гораздо больше, однако такой экскурс нарушил бы рамки настоящей хроники. Хотя всё-таки одно можно, пожалуй, сказать: это были два замечательных и наполненных событиями года. Учителя и старшие преподаватели были наставниками высочайшей квалификации и щедро делились с нами своим богатым опытом, полученным в годы войны.

Правда, несколькими годами позже, когда я стал начальником функциональных и специальных курсов и уполномоченным командующего сухопутными войсками в Высшей командно-штабной академии, моя радость от гамбургского периода была омрачена проникновением в академию политики. Это было время, когда министр обороны Хельмут Шмидт начал свою - вполне оправданную - атаку на устаревшую систему подготовки офицерского состава в Гамбурге. Он, по его выражению, хотел отрезать старые косицы. Шмидт - охотно готов это признать - имел благие намерения, но редко когда находил достойных исполнителей для осуществления своих планов. Тем не менее он существенно улучшил систему подготовки офицерского состава, если позволительно проводить сравнения с принципами Шарнхорста. Это моё утверждение, безусловно, увеличит число моих недоброжелателей, но вместе с тем и доброжелателей тоже. В этом я совершенно уверен.

Вначале Хельмут Шмидт намеревался просто реформировать систему подготовки офицеров. Для этой цели он поручил политологу профессору Томасу Эльвайну разработать соответствующую программу, венцом которой должно было стать создание двух высших учебных заведений бундесвера - одного в Гамбурге, другого - в Мюнхене. Однако потом Хельмут Шмидт поставил более высокие цели, в частности, решил реформировать систему подготовки офицеров службы генерального штаба. Он настаивал на том, чтобы академия поддерживала более тесный контакт с университетами, чем это было прежде. Он не имел намерения превратить Высшую командно-штабную академию в университет, но в заведение, очень на него похожее, -

безусловно.

В качестве первого шага модернизации министр создал в Академии руководящего состава консилиум, состоявший из командиров и гражданских служащих. Этот орган, к сожалению, привнёс в стены Высшей командно-штабной академии, которой вообще-то предстояло стать высшим образовательным учреждением бундесвера, слишком много политики, причём политики односторонне направленной. В силу означенных обстоятельств конфликт между служащими, учёными и кадровыми военными был неизбежен. Это отрицательно сказывалось на процессе обучения и образования. На заседаниях консилиума любое обсуждение заканчивалось ссорой между участниками. Ссора же всякий раз инициировалась учёными. Командиры имели практически единую позицию по всем политическим вопросам. Они отличались консервативным мышлением. Из общей сплочённой обоймы выпадал и склонялся в сторону «модерна» лишь генерал авиации. Он вроде бы, как говорили, был членом СДПГ. Он и вёл себя соответственно. Я в принципе считаю ущербной саму возможность зависимости офицера, тем более командира, от политики какой-либо партии. Командир обязан быть открытым к диалогу для всех партий. Он наносит вред армии, если в своих действиях начинает руководствоваться своим политическим пристрастием.

В отношении Хельмута Шмидта, несмотря на некоторые критические замечания, высказанные мной его в адрес, можно констатировать одно: это был выдающийся и мудрый политический лидер.

В процессе обучения начальник 4-го кабинета подполковник Нидерлайн поручил мне при проведении командноштабных учений выполнять функции командира на всех уровнях. Я был командиром бригады, командиром дивизии, командиром корпуса и наконец в заключение - командующим Красного фронта. Это доставляло мне много радости и одновременно приводило меня в удивление. Узнать, обусловлена ли такая привилегия каким-то сознательным расчётом, я, естественно, не мог. Да это меня, собственно, и не интересовало. Вероятно, просто так сложилось. И тем не менее мне казалось, что Нидерлайн меня очень ценит. Видимо, он был уверен, что полковник фон Брунн не мог не дать мне отличной предварительной подготовки для обучения принципам работы генерального штаба. Как бы то ни было, практика осуществления командования на всех уровнях в итоге обеспечивала солидную основу для любого будущего назначения в сфере военного руководства. Перед началом относительно важных «выступлений» в зале Мольтке в присутствии более чем сотни участников подполковник Нидерлайн советовал мне выпивать маленькую бутылку шампанского, он, дескать, и сам это делает, и это, дескать, всегда ему помогало. Предстартовое волнение в преддверии выступления перед солидной аудиторией он считал совершенно естественным делом, всех актёров, дескать, перед выходом на сиену охватывает нервная дрожь, но её легко можно унять глотком шампанского. Его совет я воспринял как руководство к действию. И представьте себе, вреда это точно никогда не

приносило.

Трудности у меня возникли в самом конце курса, когда настало время предъявить преподавателю военной истории курсовую работу. Курсовая работа за год была сродни диссертации «юного Шлиффена» («юными Шлиффенами» мы называли стажёров генерального штаба, которым вменялось в обязанность равняться на генерала фон Шлиффена). Преподаватель военной истории назначил мне тему: «Весеннее наступление 1918 г. и арденнская операция 1944 г. - сравнительный анализ руководства немецкими войсками».

Продолжительные прогулки по берегу Эльбы были моей слабостью. Те из моих более прилежных и усидчивых товарищей, кто не имел такой слабости, впоследствии стали - или, напротив, не стали - генеральными инспекторами.

Срок сдачи курсовой работы и последующего её представления в устном выступлении в аудитории неумолимо приближался. Выхода не было - пришлось перед окончанием курса в течение нескольких недель как следует потрудиться над заданием по истории военного дела. Надо сказать, что труды мои оказались плодотворными, поскольку преподаватель военной истории попросил разрешения оставить работу у себя.

К числу особенных событий, происходивших в стенах Академии руководящего состава (в ту пору, когда я уже был командиром), следует отнести «Национальные информационные дни». Поскольку в академии обучалось много офицеров из стран НАТО, а также из других стран - например, Пакистана, Аргентины, Бразилии, Судана и Ирака - само собой напрашивалось предложить таким курсантам время от времени проводить Национальные информационные дни. В такие дни курсанты в свободной непринуждённой обстановке общались между собой и знакомились с культурой других стран. Иностранцам такие дни давали отличный повод, с одной стороны, в выгодном свете рассказать о своей стране, отправившей их на учёбу и, по существу, наделившей их неофициальными представительскими полномочиями, а с другой - установить связи для плодотворного сотрудничества в будущем. В большинстве своём иностранные слушатели курсов позднее стали известными генералами, а иные из них даже начальниками генеральных штабов своих национальных армий.

Представитель Судана сделал мне во время проведения своего национального дня предложение прилететь к нему в страну и модернизировать армию в соответствии с немецкими принципами руководства. Но эта перспектива привлекала меня гораздо меньше, чем продолжение служения своей стране на ответственных должностях в бундесвере. Хотя, возможно, такое моё решение было ошибочным.

Как, возможно, был ошибочным и отказ от должности военного атташе в Москве или - в другом случае - в США. Ни то ни другое назначение не привлекло меня. Возможно, оба эти отказа действительно были ошибкой,

которая впоследствии отрицательно сказалась на моей карьере. Поскольку в круг моих обязанностей в качестве начальника функциональных и специальных курсов входило обучение иностранных офицеров, то подготовку этих офицеров я осуществлял с особой тщательностью. Правда, за решение этой задачи я подвергался острейшей критике со стороны прессы ГДР и даже Московского радио. Средства массовой информации ГДР согласованным хором без устали твердили о том, что я готовлю в Гамбурге офицеров для южноамериканской хунты. Дескать, от меня исходит «угроза демократии». Автор этих строк имел в виду прежде всего обучение чилийских офицеров, которых я курировал в Гамбурге.

После двух лет обучения в Академии руководящего состава стажёры генерального штаба были в полной мере подготовлены к работе в высших штабных органах вооружённых сил, от штаба бригады и выше. Незадолго до завершения курсов начальник кабинета объявил запланированные назначения. Согласно разнарядке, мне предстояло стать начальником отдела штаба бригады сухопутных войск, что в ту пору можно было считать привилегией и, следует признаться, вполне отвечало моим желаниям. Не факт, что такое назначение безусловно обеспечивало последующую возможность получения командирских должностей в общевойсковых соединениях, но оно, безусловно, было необходимым шагом вперёд в этом направлении. Да и чисто логически оно в определённой степени соответствовало тому, в каком качестве меня использовали во время обучения в академии.

Тот, кто после обучения в Академии руководящего состава начинал службу втакой должности, мог добиться больших успехов в своей военной карьере. В одной из моих тогдашних аттестаций уже значилось: «Если не подведёт здоровье, Комосса достигнет в бундесвере самых высоких постов». Здоровье и в самом деле было моим слабым местом. Как можно было остаться вполне здоровым после участия в войне и четырёх лет в советском лагере военнопленных!

Однако, как часто бывает в армии, всё вдруг в один момент перевернулось на сто восемьдесят градусов. Накануне фактического окончания курсов прежнее моё назначение отменили и направили меня в натовский штаб планирования Центральной группы армий в Центральной Европе (CENTAG). Я покорно упаковал свой армейский ранец и спустя пару дней отрапортовал моему американскому главнокомандующему в Мангейме о своём прибытии. Там мне вменили в обязанность выполнение функций, впервые введённых специально для немецкого офицера генерального штаба, а именно «начальника отделения по составлению планов применения ядерного оружия». То есть мне предстояло заниматься ядерным планированием в рамках оперативного отдела G3. К сожалению, к выполнению этой задачи нас, начинающих офицеров генерального штаба, в предметном отношении не готовили. Иными словами, я ступил на военную целину.

Это означало, что тогда, при моём вступлении в должность, я не имел в своём распоряжении никакой письменной корреспонденции и документов, которыми можно было бы руководствоваться или на которые можно было бы опираться при разработке нового направления в армии. Поставить вопрос о предоставлении таких документов я не мог. Ситуация осложнялась для меня проблемами с английским языком, которым в ту пору я, обычный войсковой офицер, владел не в той степени, какая была необходима для работы в международном органе управления.

Военное планирование ядерных операций

Вообще жизнь в штаб-квартире Центральной группы армий в Центральной Европе (CENTAG) была очень приятной. Служба начиналась утром в девять часов за двумя стальными дверьми, через которые не мог пройти ни один человек, который не был бы многократно проверен на его надёжность или способность проявить себя в качестве профессионального «медвежатника». Обязательным условием для работы в оперативном зале был допуск к объектам и документам НАТО высшей степени секретности с добавлением определения «атомная»; более высокой степени не существовало.

В течение продолжительного времени молодой офицер мог бы жить здесь, не будучи по-настоящему занятым. На мои вопросы, чем, собственно, придётся мне здесь заниматься - ведь мне хотелось наконец-то приступить к работе, - мне в утешение сообщили, что сначала надо проштудировать устав. Изучение устава длилось, пожалуй, добрых два месяца, потом я попросил позволить мне наконец «приступить к службе». И мне действительно стали давать поручения. Оказалось, что меня вполне можно занять и более серьёзными, чем прежде, делами. Мне вменили в обязанность в дальнейшем готовить доклады о ядерном планировании на основе выданных мне документов и позволили их потом самому представлять. Сначала руководителю группы (секции), а потом начальнику 3-го отдела, наконец начальнику штаба и в конечном итоге даже главнокомандующему. Поскольку я могу довольно хорошо рисовать, то я сопровождал свои доклады множеством красочных слайдов, которые с помощью проектора проецировались на экран. В ту пору и в НАТО техническое оснащение было не столь хорошим, как сейчас, когда почти каждый рядовой пехотинец носит на груди свой личный компьютер. Так обнаружились мои немалые способности к рисованию, как в своё время под Варшавой, и они действительно стали использоваться. С той поры началась настоящая штабная работа.

Всем, вероятно, понятно, что здесь не стоит ждать откровений о способах использования атомного оружия Североатлантическим союзом, хотя такого рода сведения, несомненно, весьма заинтересовали бы многих читателей, прежде всего экспертов зарубежных служб разведки или контрразведки. Тому, кто ожидает прочесть здесь что-нибудь подобное,

придётся, к сожалению, испытать разочарование, во всяком случае, относительное. Здесь не упоминается ни о чём таком, что должно оставаться закрытым в целях обеспечения безопасности нашей страны. Несмотря на это, нечто поучительное заинтересованные лица тем не менее всё-таки узнают. Я же как хронист обязан проявлять здесь совершенно особенную сдержанность, что в конце концов, видимо, абсолютно понятно любому.

В штаб-квартире я постепенно научился разбираться в планировании и вместе с тем проникся чувством тревоги. Потому что одновременно с углублением знаний росло и понимание того, как может выглядеть Европа после будущей войны, если она действительно, как это, собственно, и должно было быть спланировано в соответствии с моей задачей, будет вестись с использованием атомного оружия; причём итоговая картина, в сущности, будет той же самой и в том случае, если оно будет использовано НАТО лишь при строго определённых условиях и существенных ограничениях, например, при максимальных усилиях по сохранению гражданского населения. Нисколько не утешало сознание того, что при этом далеко на Востоке, на краю нашего континента, была бы тотально поражена территория противника. Радиоактивные облака наверняка отнесло бы далеко на запад, насколько далеко и в каком направлении - это уж зависело бы от воли ветра. Но они, конечно же, достигли бы тогдашней ЧССР, Австрии и Германии и даже, по-видимому, восточной части Франции. При виде географических карт на стене меня охватывала дрожь. (См. стр. 308.)

Пора спросить, может ли вообще солдат нести ответственность за сотрудничество в решении такой задачи. Да, может, что очень легко доказать - достаточно привести всего лишь два примера.

В процессе разработки доклада о планах ядерных операций, подготавливаемых в текущий момент, я узнал, что при условии выполнения плана населению Западной Германии и северно-восточной части Австрии будет нанесён колоссальный ущерб - в одном случае в результате разрушения плотины после нанесения удара силами авиации, в другом - вследствие обрушения соляных копей. Итак, я приступил к изложению доклада, но по ходу чтения взял паузу и заявил, что нанесение ударов по указанным мной целевым объектам, вероятно, приведёт к невосполнимым потерям и потому в интересах как моей, так и соседней страны - Австрийской Республики - должно быть исключено из плана. Дескать, я обязан это сказать, хотя, разумеется, и не уполномочен говорить за Австрию. Поэтому я обязан просить о том, чтобы эти целевые объекты были изъяты из составленного плана. Состоялась довольно продолжительная дискуссия, в ходе которой обсуждались возможные преимущества и недостатки операции, в том числе с учётом запланированных случаев обычного использования сухопутных войск. Спор даже грозил перейти в политическую плоскость. Я упорствовал. Американский начальник штаба объяснил свои сомнения в отношении изъятия этих целей из списка целей. Я же, немецкий майор, «просто майор», собрался с духом и решительно заявил, что ни в коем случае не одобрю план, если список не будет откорректирован.

Конец дебатов изумил меня. Главнокомандующий кивнул мне, потом, медленно-медленно обведя присутствующих взглядом, сказал, что он понимает моё возражение. Ведь в конце концов майор служит не в НАТО, чтобы содействовать разрушению значительной части своей собственной родины ударами союзных войск. Этот аспект, дескать, необходимо учитывать. «Ведь нам всем, сидящим здесь, в «briefing room», отлично известны последствия, - продолжил четырехзвездный генерал, - потери в человеческих жизнях мы могли бы просчитать. Нет, - подытожил он, - это действительно неприемлемо». Я одержал победу в мирное время. Ею я горжусь и по сей день.

Тут внимательный читатель, вероятно, призадумается и спросит, вправе ли мы сегодня вообще об этом говорить, тем паче писать? Я думаю, что не только вправе, но и обязаны это делать. То, что война, ведущаяся с использованием атомного оружия, велась бы и на немецкой земле, мог просчитать едва ли не каждый, кто знал западную стратегию, а именно - ошеломить противника не наступлением, а способностью в ответ на его наступление совершить молниеносное контрнаступление и отбросить его за демаркационную линию или, как позже выражались, за внутригерманскую границу.

Этот случай, однако, показывает вместе с тем, насколько важным счёл возражение немецкого офицера американский главнокомандующий. Но такое влияние, естественно, может оказывать лишь тот, кто сотрудничает, имеет мужество высказывать иную точку зрения И не занимать позицию стороннего наблюдателя при принятии решений. Это, естественно, означает также принятие на себя части ответственности. Важна сама возможность влиять на операции путём участия в планировании. То есть принимать участие в этом планировании и при этом всегда и прежде всего учитывать интересы собственной страны и - по возможности - добиваться принятия соответствующих решений всё-таки и разумно, и целесообразно.

Тут было бы интересно задать вопрос и, соответственно, услышать на него ответ, насколько узкие или насколько широкие возможности оказания влияния на оперативное планирование в отношении применения ядерного оружия имел бывший офицер Главного разведывательного управления Национальной народной армии ГДР в штабе главнокомандующего Варшавского пакта - или, как всё ещё говорят бывшие офицеры ГРУ ННА, Варшавского договора - и в какой мере мог их использовать, во всяком случае, при планировании такого рода или аналогичных акций. Я бы хотел сегодня, по прошествии более чем пятнадцати лет после окончания раскола страны, услышать откровенные признания. Но ответ на поставленный мною вопрос известен лишь тому, кто тогда, в пред дверии конца «холодной войны», находился по другую сторону и подобно мне, немецкому майору бундесвера в отделе ядерного планирования штаб-квартиры НАТО в Мангейм-Зеккенхайме, решал аналогичные задачи.

Кстати, спустя короткое время после этого «command briefing» можно

было заключить, что упомянутое возражение нисколько не поколебало моего положения в штабе, напротив - явно повысило мой авторитет.

Проект «Першинг» и германо-американское сотрудничество

В натовской штаб-квартире Центральной группы армий в Центральной Европе (CENTAG) я имел возможность старательно и прилежно совершенствовать свой английский, который я, к моему сожалению, во время обучения в Академии руководящего состава слишком запустил, поскольку решил тогда заняться русским, но русский у нас не преподавался, что обеспечивало мне массу свободного времени и возможность совершать прогулки по берегу Эльбы в Бланкензее. Американские начальники, весьма высококвалифицированные офицеры, специально отбиравшиеся для работы в натовских штабах, часто использовали меня в качестве пресс-секретаря при визитах высокопоставленных военных чинов органов управления НАТО и таким образом демонстрировали наличие тесного сотрудничества американских и немецких офицеров, служащих в генеральном штабе. Как уже упоминалось, свои доклады я всегда старался в интересной и наглядной форме сопровождать собственными рисунками и графиками.

А однажды, во время визита начальника американского генерального штаба, один мой американский сослуживец попросил прочесть за него доклад. С французами была история противоположного характера. Они прибегали к помощи американского коллеги. Во всяком случае, тогда, когда речь шла о языке. Боб Данн, мой американский сослуживец, опасался, что этот доклад по известным причинам, сегодня уже не имеющим значения, может самым неблагоприятным образом повлиять на его карьеру. Всё-таки лучше будет, считал Боб, если доклад прочтёт немец, потому что по отношению к немцу высокий гость будет более снисходителен, чем к американскому офицеру. В американской армии имелось немало начальников, страдавших комплексом страха. В бундесвере таких не водилось.

Теперь расскажем об одном случае, который был весьма типичен для взаимоотношений немцев и американцев в рамках Североатлантического союза. Контролирующие органы могут не беспокоиться, потому что я не буду указывать конкретное место, тактико-технические характеристики или наименование конкретной части; искать тут признаки разглашения военных тайн не стоит.

В 1964 г. мне поручили разработать основные принципы использования ставившегося на вооружение ракетного комплекса «Першинг» - ракеты среднего радиуса действия с ядерной боеголовкой на вероятном европейском театре военных действий. Ставилась задача держать ракеты «Першинг» как ядерные ударные носители военно-воздушных сил, то есть реактивных самолётов, в статусе оружия быстрого реагирования. Это

означает, что на приведение ракет в боевое состояние и пуск отводились считанные минуты. На мой взгляд, американцы тем самым продемонстрировали особую степень доверия ко мне, потому что этот проект имел гриф секретности «Исключительно для США», означавший, что к документам, снабжённым таким грифом, право доступа имеют только американские офицеры. Я в течение нескольких месяцев занимался проектом, когда же мне показалось, что настало время приступить к осуществлению его завершающей стадии, распорядился организовать проведение лётных испытаний комплекса, проще говоря - мнимые боевые пуски. С этой целью я обязал расквартированный в Штутгарте 7-й корпус США выбрать для проведения пусков подходящий район, который был бы малодоступен для населения и позволял бы занять несколько стартовых позиций в лесном массиве.

После получения сообщения о завершении всех подготовительных мероприятий можно было определять конкретное время для начала испытаний. При этом само собой подразумевалось, что я как натовский офицер, ответственный заданный проект, обязан лично пронаблюдать за испытаниями и доложить о результате. Накануне выезда на запланированное мероприятие ко мне обратился Боб Данн, вообще-то не имевший к проекту прямого отношения; он слышал, что на следующий день я буду наблюдать испытания «Першинга» в 7-м корпусе, потом спросил, не стану ли я возражать, если он составит мне компанию, ему, дескать, очень интересно их увидеть. Разумеется, никаких возражений с моей стороны не последовало.

На следующее утро в 5.00 мы выехали на полигон. Когда мы прибыли на место, ответственный за пуски американский офицер, подполковник из штаба 7-го корпуса, доложил мне, что подразделение готово к выполнению задания. Но тут мой товарищ Боб Данн скороговоркой, взахлёб, попросил меня чуть-чуть подождать - ему, дескать, надо что-то прояснить с подполковником. Меня это, конечно, удивило, хотя вообще-то ничего необычного в том, что американцы иногда беседовали друг с другом с глазу на глаз, не было. (Немецкая сторона таких форм поведения не практиковала.) А ещё, представьте себе, они имели обыкновение перед каждым принятием какого-либо решения в НАТО - что я самолично не раз и не два наблюдал - отправляться в свою национальную штаб-квартиру американских войск в Европе (USAREUR) в Гейдельберге и только после американского одобрения выдавали своё «НАТО - ВПЕРЁД!».

На сей раз такая самостоятельность мне не понравилась. Закончив свой разговор, господа вернулись ко мне. То, что выдал мне затем подполковник из 7-го корпуса, видимо, ему самому было очень неприятно. «Сэр, - сказал он, - вы не можете идти на огневую позицию. Проводимое мероприятие относится исключительно к компетенции Соединённых Штатов Америки, извините! Вы не можете быть допущены к наблюдению испытаний. У вас нет официального разрешения доступа к секретной информации под грифом «Исключительно для США»! You understand?»

Об этом, подумал я, мне могли бы сообщить и раньше, в Мангейме. «Это правда?» - спросил я моего товарища Боба. «Да, извини, мне очень жаль!»

Обсуждать больше было нечего. Я предложил Бобу для обратной поездки в Мангейм позаимствовать машину у 7-го корпуса, развернулся, сел в свой служебный автомобиль и поехал обратно в штаб-квартиру. Я сделал это без всякого промедления, потому что понимал, что продолжать этот разговор или, скажем, попытаться настоять на своём участии было совершенно бессмысленно.

После возвращения в штаб-квартиру в Мангейме я связался по телефону с ответственным за проект офицером вышестоящей инстанции - Объединённых сухопутных войск Центральной Европы (LANDCENT) в Фонтенбло под Парижем. На вопрос, как прошли испытания и удалось ли уложиться в расчётное время реагирования, я сообщил ему, как обстоит дело с испытаниями, наблюдать за которыми мне не разрешили.

«Ну нет, - последовал ответ, - НАТО не может позволять американцам вести себя таким образом. Такую подлянку мы им больше не спустим. Я доложу об этом завтра главнокомандующему на утренней планёрке».

Я, разумеется, такую позицию считал правильной, но у меня тут же возникло нехорошее предчувствие. Вышло так, какя и ожидал. Главнокомандующий Группы армий Центральной Европы (CENTAG) в Мангейме получил из Парижа нагоняй и приказ повторить испытания в моём присутствии. Казалось, реакция главнокомандующего ясно указывала на то, что можно ожидать изменения в манере поведения. Шли дни. Вскоре я заметил, что американцы просто-напросто игнорируют меня из-за моего сообщения об инциденте в вышестоящую инстанцию. Ведь так поступать в армии вообще-то не принято. Но разве это был ординарный случай? Меня одолевали сомнения. Вряд ли стоит теперь, думал я, рассчитывать на получение какого-нибудь поручения. Не исключено даже, что устроят мне перевод отсюда. Но произошло всё совершенно иначе, чем я ожидал. Мне позвонил начальник отдела G3 (Оперативное планирование), полковник Гриттенбергер, и сообщил, что со мной желает побеседовать начальник штаба и что я по возможности ещё сегодня должен явиться к нему на приём. Разумеется, я не стал тянуть и через полчаса, не более, уже стоял в служебном кабинете генерал-майора Фергюсона. Лично от него я получил новое интересное задание.

Когда я собрался было уходить, генерал как бы между прочим, как нечто, что не имеет особого значения, сказал: он, дескать, слышал, что входе исполнения проекта «Першинг» возникло препятствие. Оно, по его словам, обусловлено явным недоразумением. «Испытание, майор Комосса, вы, конечно же, можете повторить!»

И в это мгновение мне вспомнился приказ русского коменданта в отношении учёта расходования дров и угля на зимний период в лагере военнопленных «Тильзит 445/3» в 1948 г.: «Делайте это с немецкой

основательностью!» - сказал мне тогда русский. «Сделайте всё возможное!» - сказал мне теперь американец. «Да, сэр! Будет исполнено! С немецкой основательностью, господин генерал!» Или, как я отвечал в плену майору Павличенко: «Так точно, господин майор! С немецкой точностью и основательностью!»

Последовавший за этой встречей период был заполнен работой, но хватало времени и на светскую жизнь. Регулярно проводимые ежегодные учения НАТО (WINTEX) всегда были напряжёнными. Работа велась посменно. В общей штабной группе Центральной группы армий в Центральной Европе (CENTAG) и четырёх Объединённых тактических военно-воздушных сил (ATAF) я был единственным немецким армейским офицером, входившим во время этих учений в «Группу принятия решений». Мы работали в бункере глубоко под землёй. Бункер был после войны значительно расширен и считался неуязвимым для ядерного оружия. Эта «Группа принятия решений» состояла из старших штабных офицеров, сидевших за большим круглым столом над огромной планшетной картой, на которой отображалась текущая военная обстановка в Центральной Европе. При этом всякий раз перед принятием решения о нанесении первого ядерного удара, как заворожённые всматриваясь в карту, мы испытывали состояние чрезвычайного эмоционального напряжения.

Регулярно являлись высокопоставленные натовские генералы из Брюсселя и Фонтенбло, в том числе Главнокомандующий объединёнными вооружёнными силами НАТО в Центральной Европе (CINCENT), и выслушивали рапорт о текущей обстановке. Всякий раз это были лишь учения, но, находясь глубоко под землёй, мы порой, причём довольно часто, испытывали такое чувство, будто стоим на пороге войны. Развитие постоянно меняющейся обстановки отслеживалось в течение нескольких дней, и с каждым новым днём в нас усиливалось ощущение того, что всё происходящее - это вовсе не учения.

В «Группе» я был единственным немецким армейским офицером, поэтому, когда наступало переутомление и требовался отдых, заменить меня, естественно, было некем. Если можно было рассчитывать на то, что в ближайшие часы положение не станет развиваться драматически, я, как правило, ложился ночью прикорнуть пару часов на американскую походную кровать. В конце концов, враг ведь тоже нуждается во сне, думал я.

При проведении последних ежегодных учений НАТО (WINTEX) я незадолго до их окончания настолько сильно устал, что американскому часовому, который обязан был меня разбудить, пришлось в буквальном смысле ставить меня на ноги. Я не слышал восклицаний, окликов, криков, я не чувствовал шума и пробудился только в результате физического воздействия.

Жизнь во время этих приближённых к боевым условиям учений, которые, в частности, проводились и в запасной штаб-квартире бывшей линии Мажино, была жёсткой и в другом отношении. Размещение солдат, да и

высших офицеров было просто неприемлемым. Тем не менее наши товарищи из американской армии воспринимали это спокойно. Приходилось просто привыкнуть спустя несколько лет войны отправлять естественные потребности в деревянном сортире.

Общественная жизнь в штаб-квартире велась в различных формах. Зимой, естественно, как совершенно особенное событие регулярно устраивался бал Центральной группы армий Центральной Европы (CENTAG). Отдельные страны организовывали вечеринки, наконец, иной раз в узком кругу и в далеко не фешенебельных питейных заведениях случались скромные застолья. Иногда предпринимались также выезды на природу автобусом, особенно охотно в близлежащие славящиеся своим вином городки в райски красивом Пфальце.

Разумеется, во время таких экскурсий люди очень быстро сближались под воздействием вина.

Остаётся остановиться на том, что нам, немцам, не очень везло с офицерами, отбираемыми для работы в высоких натовских штабах. Иногда создавалось впечатление, что туда намеренно переводили офицеров, которым не находилось подходящего применения в войсках. Но так обстояло дело - и это следует здесь подчеркнуть - только в ту пору.

Помнится, в штаб-квартиру НАТО как-то прибыл для прохождения службы немецкий полковник, не очень хорошо владевший английским. На первом же утреннем совещании он, открыв совещание сбивчивым английским приветствием: «Доброе утро, господа!», - повернулся ко мне и, перейдя на немецкий, сказал: «Господин Комосса, лучше переводите вы. Мой английский не так хорош». «Да, господин Комосса will translate!» Мне показалось, что это произвело в штаб-квартире не очень хорошее впечатление.

Тем не менее стоит обратить внимание на то, что, несмотря на такие «происшествия», немецкие офицеры в штаб-квартирах НАТО, как правило, оставляли по себе хорошее впечатление. То есть они вели себя более по-американски, чем американцы, а иногда и более по-французски, чем французы, и, видимо, полагали, что от этого они кажутся более «преданными НАТО».

Как бы то ни было, служба в органах НАТО давала всем офицерам предельно интересный опыт. Здесь между ними завязывалась дружба, длившаяся многие годы.

На холме под сенью театра, в котором проводятся музыкальные фестивали

После трёхлетнего периода службы в Мангейме в Группе армий Центральной Европы (CENTAG), который я в целом воспринимал как очень приятный, меня перевели в Байройт на должность командира батальона

противотанковой артиллерии.

Избранные произведения Рихарда Вагнера занимали в моём личном книжном шкафу особое место. И не потому, что я, скажем, обладал достаточным талантом и умением исполнять вагнеровские композиции на фортепьяно или тем более спеть какую-нибудь партию, хотя, не скрою, в юности я как-то пытался исполнять фрагменты из «Мейстерзингеров» или арию, в которой Лоэнгрин молится за своего любимого лебедя. Нет, таким талантом я, «шалопай» из мазурских лесов, к сожалению, не был наделён. Я никогда прежде не пел и не играл Вагнера, а только читал, и это чтение я нашёл чрезвычайно интересным. О том, что я не могу ни петь, ни играть Вагнера, я часто сожалел. Несмотря на мою большую любовь к Бетховену, мою привязанность к Генделю и к музыкальной искромётности любого из сочинений Моцарта или третьего акта «Вольного стрелка», эта уникальная музыка не пробуждала во мне чувств, разбуженных Рихардом Вагнером ещё в юные годы.

И вот я приехал в «город Вагнера», в Байройт.

Любовью к опере я воспылал ещё в школе Беринга в Хоэнштайне, привила же её мне певица Анне Н., одно время жившая у нас в Алленштайне. Очень красивая певица!

В 1940 г. Карл Мария фон Вебер вдохновил меня на создание эскиза декораций и костюмов к третьему акту «Вольного стрелка», который потом был выставлен в фойе театра Тройданка в Алленштайне. Нельзя сказать, что сам я не отважился бы на создание эскиза декораций к произведению Рихарда Вагнера, нет, на это у меня вполне хватило бы мужества, просто мне, видимо, хотелось возвысить Вагнера для будущих времён. И вот теперь я оказался в Байройте. Не как певец или, скажем, хотя бы как музыкант, нет, в Байройте я приблизился к Вагнеру как солдат. И это пробудило в моём сердце особенные чувства. Эту музыку я принимал всем своим сердцем как чудесный дар. Она была прекрасна, она была сложна и мощна! Зарождаясь на сцене, раскаты грома великих голосов, словно предвосхищая начало последнего суда, бежали по концертному залу поверх голов благоговейно сосредоточенной публики, как будто это была прелюдия к последнему суду. Осознание музыки Вагнера - на совершение такого подвига я был не способен. Равно как, пожалуй, и на то, чтобы полностью проникнуться ею, углубиться в неё и постичь её как величественный дар, преподнесённый человечеству.

На протяжении моей двухлетней службы в качестве командира 125-го батальона противотанковой артиллерии я имел едва ли не уникальную возможность нередко и по личному приглашению Вольфганга Вагнера собственными глазами увидеть все постановки произведений великого композитора в музыкальном театре. Довольно часто мне удавалось присутствовать и на генеральных репетициях таких постановок. Было ли это случайностью или милостью Божьей - кто теперь скажет?

Перед окончанием срока службы в качестве офицера по планированию операций с использованием атомного оружия при натовской штаб-квартире Центральной группы армий в Центральной Европе (CENTAG) в Бонне меня спросили, готов ли я согласиться на перевод в Байройт. Что за вопрос! В течение трёх лет я занимался разработкой сценариев войны с использованием атомного оружия, безусловно, как мне виделось, приводящей к гибели Европы, а тут предоставлялась возможность увидеть великие произведения европейской музыки в этом уникальном театре, а именно «на холме»! О Боже, снова и снова думал я, какое счастье! После работы по планированию и расчёту последствий вселенского ада открывалась перспектива увидеть, как поднимается занавес в преддверии «Сумерек богов».

До этого момента мне в течение трёх лет пришлось заниматься планированием операций с использованием атомного оружия; я учился точно рассчитывать его воздействие и посредством тщательнейшего анализа определять возможности нанесения врагу максимального ущерба при минимально возможном нанесении вреда природе, окружающей среде и населению крупных городов. Вряд ли кто может всерьёз ожидать, что здесь его посвятят в тонкости технологий, способов, тактики и стратегии, применяемых в войне, ведущейся с использованием атомного оружия. Да, они, эти тонкости, возможно, не являются тайной за семью печатями для экспертов, находившихся тогда по разные стороны и оценивавших возможности использования атомного оружия, а также желательные или расчётные последствия его применения. На учениях давалась оценка точности нанесённого удара - «попали» или «промахнулись»; эффект воздействия отмечался на карте генерального штаба цветным фломастером.

Почему именно при воспоминании о периоде моей службы в Байройте на ум мне приходят такие апокалиптические мысли? Ведь там меня ожидала обычная работа, а именно командование совершенно обычным артиллерийским батальоном, оснащённым противотанковой гаубицей М 109 калибра 155 мм. Здесь необходимо отметить, что этот батальон можно было использовать в боевых действиях в условиях атомной войны.

Это был хороший батальон. Мой предшественник, подполковник Ханс Сакс (!), отлично потрудился как командир. Солдаты были хорошо обучены, а батальон имел хорошую репутацию у жителей Байройта. И такое, представьте себе, имело место в те годы, хотя к другим батальонам это вряд ли относилось. Нападки на бундесвер в собственной стране, которыми несколько лет спустя мне как начальнику Службы военной контрразведки бундесвера (сокращение немецкого названия МАД) пришлось заниматься, были распространённым явлением. В Байройте всё, как уже говорилось, было иначе, миролюбивей. Взаимоотношения между солдатами и гражданским населением отличались доверием и гармонией. Мирное настроение было присуще баварскому канониру чаще всего тогда, когда он в обеденный перерыв сидел за кружкой пива. Было время - к сожалению, я командовал батальоном именно в ту пору, - когда по указанию Бонна распитие пива в

баварских казармах оказалось под запретом. Вряд ли тот, кто издал такое дурацкое распоряжение, был баварцем. Тем самым я признаюсь в совершении должностного проступка. Я намеренно не выполнял этот приказ, хотя и не был баварцем. Баварское гражданство я получил от Франца Йозефа Штрауса значительно поздней, после скандала в связи с обвинениями в адрес МАД, которая якобы вела наблюдение за его канцелярией на мюнхенской Лацареттштрассе, о чём я расскажу в другом месте.

Штраус считал меня достойным баварцем. Правда, позднее, когда я уже был в звании генерала, на одном из приёмов в вюрцбургской резиденции он пожурил меня за явную неспособность изъясняться на баварском диалекте. Штраус был выдающейся личностью своего времени. Между прочим, тут уместно упомянуть, что в досье, которое я держал закрытым в бронированном шкафу главы МАД, никаких конкретных свидетельств вовлеченности Штрауса в аферу компании «Локхид» в связи с покупкой «старфайтеров» у США не имелось. То, что говорили и писали тогда немецкие политики и журналисты, было неправдой; не было даже обоснованного предположения. Но я всё-таки нашёл одно свидетельство, а именно, что определённые силы исходили из того, что если это утверждение повторять достаточно долго и часто, то уж что-нибудь, но обязательно останется в общественном сознании, причём даже в том случае, если это лишь предположение. Эта история подрывала авторитет Франца Йозефа Штрауса. Когда он практически на все сто процентов убедился в том, что точно знает содержание заведённых на него досье или что оно ему ничем не грозит, дело «Л окхид» перестало его беспокоить. Он мог себе позволить молчать.

Принимая командование батальоном, я поставил перед собой две основные задачи.

Во-первых, мне хотелось сформировать из батальона боеспособную единицу, которая была бы подготовлена для выполнения любых задач в условиях, приближённых к боевым, а во-вторых, установить отношения доверия между солдатами и населением, в том числе руководством города, которые не были бы обременены влиянием партий.

Пусть все убедятся в том, что мы - солдаты нашей страны, солдаты нашего немецкого народа. Предпосылкой решения этой задачи служило положительное отношение солдата к партиям, одобряющим это государство (одобряли же его как раз не все из существовавших в ту пору партий), и строгая сдержанность в сфере партийной политики.

Следуя этому принципу, я добился значительных успехов в своём стремлении установить тесные связи между солдатом и городом. Сотрудничество с тогдашним бургомистром Хансом Вальтером Вильдом (СПДГ) было образцом доверительного сотрудничества города с его солдатами. Я организовал в Байройте первые послевоенные Международные концерты военной музыки и передал вырученные от концертов средства обер-бургомистру города на строительство спортивных сооружений. Уже в

следующем году я повторил концерт и заложил тем самым основы традиции проведения концертов военной музыки, которые теперь вновь стали традиционными в Байройте, почти - не хочу преувеличивать - как музыкальные фестивали, посвящённые творчеству Рихарда Вагнера.

Потом я как-то после ужасной бури, обрушившейся на город, помог в беде маленькому цирку, у которого буря разорвала на части шатёр. Было устроено специальное представление для всего батальона с передачей выручки цирку от продажи билетов. С этого момента я постоянно сопровождал обер-бургомистра при каждой чрезвычайной акции, проводившейся в городе. Ханс Вальтер Вильд всегда звонил в казарму если планировал что-нибудь особенное, после чего мы с ним вместе, плечом к плечу, почти по-братски, маршировали по городу, радостно приветствуемые горожанами.

Ещё раньше батальон построил недалеко от Байройта, в Бишофсгрюне на хребте Фихтельгебирге, лыжный трамплин. В качестве возмещения община получила рядом с трамплином земельный участок для лыжного домика. Когда я принял на себя руководство батальоном, бургомистры региона, естественно, согласно существующему обычаю устроили в мою честь приём с обильным ужином. А в новогодний вечер регулярно подъезжал грузовик и с него к дверям солдатской столовой скатывали вниз бочку пива для жаждущих солдатских глоток, бесплатно, разумеется. Из Бишофсгрюна по поручению бургомистра солдатам подвозили закуску, а тренер по прыжкам с трамплина Мартин Пухтлер являлся ко мне в сочельник с отменной копчёной колбасой. Так обстояли дела в Байройте с отношениями между горожанами и солдатами.

Во время полевых учений мне приходилось очень внимательно следить за тем, чтобы мои солдаты ночевали в палатках, на что их обрекал уставной порядок, а не в комфортных франконских домах. Всё было практически точно так же, как в Восточной Пруссии во время войны. Там тоже ни один немецкий солдат не снимался с постоя, предварительно не насладившись обильной порцией жареной картошки с яичницей. После такого учения возвращение домой в казарму тоже, как правило, требовало определённых усилий. Однажды, уже глубокой ночью, я услышал откуда-то издалека доносящийся голос моего водителя, обер-ефрейтора Бунда, который вежливо сказал: «Господин полковник, уберите, пожалуйста, свой сапог с педали газа!..» И я на подсознательном уровне задался вопросом, почему это Бунд ехал сегодня так быстро… Да, так было во Франконии, так оно обстоит и сегодня.

Понятно, почему горожане едва не подняли в Байройте мятеж, когда министр обороны Петер Штрук в 2004 г. приказал закрыть сначала казарму Маркграфенказерне, а потом и весь гарнизон. Тому, вероятно, были причины. Однако на этом доверительное сотрудничество граждан и солдат в замечательном городе искусства и культуры закончилось.

Байройт был замечательным местом дислокации не только из-за искусства. Горожане вновь и вновь выбирали обер-бургомистром своего

Ханса Вальтера Вильда, хотя на парламентских выборах в большинстве своём голосовали за ХСС. Так сложилась особенная и вместе с тем, пожалуй, всё-таки типичная для Баварии ситуация, суть которой в том, что горожане думали и выбирали как подобает католикам, соответственно их премьер-министр и их ландрат назначались ХСС, а обер-бургомистром был представитель СДПГ. Это не нанесло никакого вреда ни городу, ни земле, тем паче что ещё сохранились остатки былого прусского влияния, чувствующиеся в Байройте по сей день. Обер-бургомистр Ханс Вальтер Вильд в своё время после дискуссии о принципах руководства заявил мне - он руководит городом с военных позиций. Это-де ключ его успеха в городе Байройте. Прав был обер-бургомистр!

Байройт и военная музыка

Байройт был и останется «городом Вагнера». Однако в те годы, когда я служил в нём в качестве командира 125-го батальона противотанковой артиллерии, он, как выше уже упоминалось, получил ещё и неофициальный статус города военной музыки. Теперь, вероятно, как это часто бывает в жизни, было бы неуместно проводить какие-то сравнения. Тем не менее, изучая историю города, я обнаружил, что после Первой мировой войны он был городом, в котором необыкновенную популярность приобрела военная музыка. Поэтому в 1967 г. при поддержке командира 4-й альпийской стрелковой дивизии генерал-майора Рюдигера фон Райхерта и его 4-го военного оркестра мне удалось возродить традицию исполнения военной музыки. После уже упоминавшегося 1-го Международного концерта военной музыки последовали другие концерты с участием военных оркестров из США и Нидерландов, из Бельгии, Великобритании и Франции.

Мне хотелось с помощью моих солдат пробудить интерес к военной музыке в международном масштабе и наглядно продемонстрировать особенности этого музыкального жанра и звучания большого музыкального ансамбля. Наряду с этим мы хотели показать, что мы, солдаты, то есть французы, американцы и немцы, объединённые одной целью и одной общей задачей, обязаны защитить наш народ, входящий в сообщество свободных народов, от угроз извне. Это одновременно означало бы признание необходимости совместных усилий и способствовало бы взаимопониманию наших народов.

Необходимо было прежде всего показать, что вооружённые силы трёх стран в южной части Германии связаны сердечными товарищескими узами.

В своём приветствии я сказал: «Я думаю, что такой концерт отражает чувство любви, в каком солдаты хотели бы адекватным образом признаться городу». Мы, артиллеристы, хотели некоторым образом спеть серенаду нашему славному городу Байройту. И я и сегодня по-прежнему убеждён в том, что Рихард Вагнер и военная музыка в этом городе не исключают друг друга.

Этот первый большой Международный концерт военной музыки в Байройте, за которым должны были последовать многие другие, был дан джаз-оркестром 4-й американской танковой дивизии, оркестром 24-й французской горно-стрелковой дивизии и 4-м военным оркестром под общим музыкальным руководством майора Людвига Кюлехнена. Шефство вместе со мной взял на себя обер-бургомистр Ханс Вальтер Вильд. Этот Международный концерт военной музыки положил начало превращению Байройта и в город спорта. Много лет, где бы я ни проходил службу, главный редактор «Норд-байернишен Курир» присылал мне из Байройта очередной экземпляр газеты. Городская сберегательная касса Байройта устроила в своих служебных помещениях выставку, на которой были достойно и наглядно продемонстрированы примеры сотрудничества горожан и военнослужащих в городе, некогда служившем резиденцией маркграфа, во время моего командования гарнизоном.

Приехав по прошествии многих лет, в 2004 г., в Байройт прочесть лекцию, я не преминул заглянуть в старую и такую до боли знакомую мне маркграфскую казарму, над входом в которую висел транспарант со словами протеста против свёртывания гарнизона. Акция ничего не дала, потому что министр обороны Штрук руководил бундесвером, или, как он выразился после возвращения в январе 2005 г. первых машин из Индонезии, - «своими солдатами», так, как будто они были его личной собственностью. Для него имели значение лишь военные аспекты.

Амберг

В жизни солдата, у которого ещё есть будущее, то есть перспектива получения очередного звания, всегда будут происходить перемены независимо от того, готов ли он к ним в настоящий момент или нет. Постоянные перемены - это часть его жизни. Поэтому солдат всегда должен смотреть вперёд, даже если он не прочь был бы передохнуть иногда в таком замечательном городке, как Байройт. Он просто-напросто обречён на перемены, как обречён на выполнение неизменной своей задачи - постоянно идти навстречу неизвестному, а значит, и навстречу опасности. Солдат, у которого есть будущее, не отдыхает, как натовский обер-ефрейтор. Такой, находясь на марше, готов на каждом привале сразу улечься в траву и разглядывать облака. У командира же на это нет времени. Во время привала на марше он тотчас же определит ориентиры дальнейшего пути, поинтересуется, что, собственно, происходит, когда будет продолжено движение и задастся прочими тому подобными вопросами. Ведь на нём лежит ответственность. Простой солдат отдыхает в траве, пристроив автомат между ног... Когда же дело принимает серьёзный оборот, солдаты оказываются первыми на линии огня. Вот так чётко регламентирована солдатская жизнь. «Встать, построиться в походный порядок или занять свои места, песню запевай!» - и всё продолжается.

Так вот и я после четырёх лет службы в министерстве обороны в Бонне

получил командировочное предписание отправиться в Амберг, приветливый к военнослужащим городок в Верхнем Пфальце с достопримечательностями в виде Наббургских ворот и мостом, отражающимся в спокойных водах реки. Не требовалось никаких чрезмерных усилий, чтобы, двигаясь вдоль старинной городской стены, за один раз обойти кругом весь этот средневековый город. Среди молодых солдат особой популярностью пользовались ниши, располагающиеся возле ворот и ведущие через стену во внутреннюю часть города. В этом месте были расставлены скамейки, все чуть скрытые за кустарником, так что прохладными вечерами там можно было провести пару-другую часов с какой-нибудь хорошенькой горожанкой до самого сигнала «вечерней зори». Да, я обязан был возвратиться в Амберг, если хотел продолжать свой путь солдата! И так уж устроено, что уже упомянутое нами и лучшее для этого условие - часто выдаваемые командировочные предписания.

У меня уже был опыт, приобретённый мной в этом городе ещё курсантом, когда мне было девятнадцать. На скамейках у городской стены, например, под сенью церквей. Но это совсем иная история, никак не связанная с повествованием о жизни бундесвера и о жизни солдата вермахта.

В 1943 г., расписав стены нашей комнаты фресками, я в какой-то степени украсил казарму кайзера Вильгельма в Амберге. Помимо прочего, я вспоминаю картину, перед которой в изумлении застывали девочки из близлежащего лицея, охотно приходившие в казарму в День вермахта, хотя их мамаши быстро уводили их оттуда. Я тогда во всю ширину стены написал крупными буквами: «О чём может мечтать солдат-доброволец...» И постарался изобразить эти грёзы в фигурах и краске. Они были переданы цветными тонами и формами, которые можно было мягко обозначить как женские. Главное же - они, эти изображённые здесь формы, заставляли биться солдатские сердца сильней обычного. Да, солдат-доброволец грезил именно «об этом». ...В картине не было ничего лишнего, а что в ней было, то отличалось откровенностью. Правда, если честно, то своей дочери я, возможно, тоже не позволил бы заходить в комнату и смотреть на ту часть стены над моей кроватью. Понятно, что фрески над кроватями моих товарищей были точно такого же рода. Но то, что я спустя столько лет вернулся в эту названную именем кайзера Вильгельма казарму, это точно уж можно расценить как чудо. Да это, верно, было настоящее чудо, после такой-то войны!

В казарме кайзера Вильгельма мы обустроили так называемый уголок традиций, в котором хранили вещи и предметы, связанные с памятью о кайзере. В витрине держали письмо его величества, обращённое к полку, почётным командиром которого был тогда кайзер, подобно тому, как короли или королевы Великобритании являются почётными командирами своего собственного шотландского Хайлендского полка.

В Амберге политическая дурость привела к тому, что это письмо кайзера

было удалено из витрины. Нищи духом те солдаты, которым не дозволено гордиться солдатскими подвигами, совершаемыми ими сейчас, и подвигами, совершёнными их отцами и дедами при образцовом исполнении своего долга в какие-либо иные времена, в которые мужество, храбрость и верность считались выдающимся проявлением солдатской доблести. В наше время солдатам в служебном порядке предписывается, кого они должны уважать и почитать. Сегодня в герои им назначают перебежчиков вермахта времён Второй мировой войны, своим предательством обрёкших многих своих товарищей на смерть в России и в иных краях. Вроде - чтобы не быть голословным - того перебежчика под Шивенхорстом на Висле, который за несколько дней до окончания войны подробно проинформировал советское командование о наших оборонительных позициях, что имело чудовищные последствия. Ведь благодаря его предательству русская артиллерия имела возможность вести максимально точный огонь по немецким укреплениям, что привело к огромным потерям.

Министр, всем сердцем любивший армию

Как-то, в ту пору, когда я был командиром танковой бригады в Амберге, мои унтер-офицеры решили устроить большой праздник. Они хотели организовать что-то совершенно уникальное. Когда ответственный гаупт-фельдфебель изложил мне свою концепцию мероприятия, запланированного ими на субботу и воскресенье, я похвалил его и сказал, что вообще-то всё здорово, для полного счастья не хватает только министра в качестве гостя. Мои слова вызвали восторженное воодушевление.

- В чём же проблема, господин полковник? - обрадовался гаупт-фельдфебель. - Вы же лично знаете министра. Может быть, пригласите его на наш праздник? Пожалуйста, господин полковник!

Почему бы и не пригласить, подумал я и решил по меньшей мере предпринять попытку. И действительно - чтобы получить согласие министра, потребовалось всего лишь позвонить в Бонн. Когда дело касалось его унтер-офицеров, Лебер всегда был готов пойти навстречу. А когда предоставлялась возможность, он к ним приезжал. Его безоговорочно можно было назвать главнокомандующим, всем сердцем любившим армию.

Таким образом, в один прекрасный день, а именно в субботу, желание моих унтер-офицеров материализовалось, и пребывающий в отличном расположении духа министр обороны, прилетев из Бонна в Мюнхен, спустился с небес прямо на нашу «амбергскую лужайку», на которой «было и имело право быть много народу». Я редко видел министра Лебера в таком хорошем настроении, в каком он был здесь, в праздничном шатре среди своих унтер-офицеров. Мы выпили пива - по литровой кружке, а может, и по две, и вообще здорово провели время. Идиллию несколько подпортил один профсоюзный деятель, попросивший у товарища Лебера «купюрку». Его выходка была мне очень неприятна, я хотел было положить ей конец, но Лебер беззлобно ухмыльнулся, предупредительно махнул мне рукой, извлёк

из кармана купюру в десять марок и протянул её просителю.

Когда вертолёт удалился в направлении Мюнхена, солдаты долго смотрели ему вслед со счастливой улыбкой налицах. Радовались и их гражданские гости, хотя, естественно, лишь единицы из них - в Верхнем Пфальце - голосовали за партию министра. В Баварии, в вагнеровском городе Байройте, в Амберге на горе Мариахильфсберге или в Вюрцбурге, городе - резиденции монаршего двора, отдают должное в первую очередь человеку, а уж потом - партии.

Именно Георг Лебер позже не только произвёл меня в бригадные генералы, но и перевёл из Гамбурга в Бонн, поручив восстановить нормальную контрразведывательную деятельность МАД, и наконец однажды после многочасового доклада незадолго до полуночи сказал мне: «Господин генерал, это означает мою отставку».

Этому заявлению предшествовал напряжённый вечер. Мне пришлось информировать министра об акциях прослушивания, проведённых Службой военной контрразведки в ту пору, когда ею руководил мой предшественник. Среди них значилась и акция во Франкфурте-на-Майне в отношении Коммунистического союза Западной Германии, регулярно проводившего конспиративные встречи в подсобном помещении одной гостиницы. Как было установлено, над гостевыми номерами жили тогда люди, не считавшие зазорным пинать ногами полицейских и совершать иные «революционные поступки».

Те несколько случаев, о которых мне пришлось сообщить в своём докладе, имели весьма деликатный характер. Все они были так или иначе связаны с коммунистами или террористами. Было такое ощущение, что Георг Лебер - во всяком случае, так мне казалось - совершенно осознанно искал тогда повод для своей отставки. Перспектива погореть в политическом смысле именно из-за коммунистов ему явно была по душе, так, во всяком случае, мне тогда казалось. Я же применение средств прослушивания в отношении конспиративно действующих врагов уж никак не считал достаточным основанием для отставки. Тем не менее Георг Лебер принял решение подать прошение об отставке. Просто он, видимо, утратил желание и дальше нести этот крест.

Приняв такое решение, он отдал распоряжение к двенадцати ночи собрать на совещание начальников отделов и инспекторов. Он изложил собравшемуся руководству бундесвера суть вопроса и сообщил о своём намерении следующим утром объявить о своём уходе с поста министра обороны.

Собравшиеся - высокопоставленные гражданские руководители и генералы - пришли в ужасное волнение. «Вы не имеете права уходить в отставку, господин министр! - восклицали они в один голос. - Это не основание для отставки. Вы нужны стране!»

Но Георг Лебер уже принял окончательное решение. Он приказал мне

оформить и представить ему протокол ночного совещания.

Лишь один-единственный участник высокого собрания, адмирал Т., член ХСС, сказал: «Нет-нет, господин министр, вы приняли абсолютно правильное решение! Уходите в отставку. Это единственно верное решение».

Георг Лебер слегка улыбнулся, поблагодарил адмирала за совет, а всех участников за то, что они явились в столь поздний час, и пожелал им спокойной ночи. Боннские и другие немецкие газеты на следующее утро выдали политическую сенсацию. В сообщениях нередко проскальзывали нотки сожаления, причём не только в тех, которые печатались в газетах, близких к СДПГ.

На следующее утро на заседании немецкого бундестага министр Лебер попросил меня сесть прямо у него за спиной на правительственную скамью. Не успел я присесть, как статс-секретарь подал мне для ознакомления рукопись предстоящей речи. Прочтя текст, я тут же рекомендовал формулировку «Это был единственный случай» дополнить словосочетанием «такого рода». Это показалось мне важным.

После основательной проверки мне пришлось сообщить министру в своём последнем докладе накануне его отставки об одиннадцати случаях использования Службы прослушивания. В сравнении с осуществляемой на основании судебного решения практикой использования средств прослушивания в 2005 г. такие цифры кажутся почти мизерными. В настоящее время в год осуществляется несколько тысяч акций прослушивания. Тогда же к одиннадцати акциям Службы военной контрразведки бундесвера предположительно можно было добавить ещё несколько, предпринятых Федеральной разведывательной службой Германии (БНД) и Ведомством по охране конституции. Но они не подлежали обсуждению. В их отношении не поступало ни одного запроса со стороны депутатского корпуса. В целом их было, вероятно, меньше ста.

Когда Георг Лебер читал свою речь, я ждал определяющих слов - «такого рода». Однако он не произнёс этих двух слов. То есть он принял такое решение.

Министр сказал парламенту неправду. Поправить себя он был уже не в состоянии.

Георга Лебера проводили трубными звуками «большой зори», которой выражали ему огромное сочувствие его солдаты и бундесвер. Сегодня многие ещё с большой охотой вспоминают то время, когда они были доверены его руководству и заботе. В войсках его любили.

Отставка Федерального канцлера Вилли Брандта

Перемена декораций: штаб-квартира НАТО в Брюсселе, 70-е гг. Собравшись на заседание Группы ядерного планирования (NPG) в связи с весенней сессией всех государств-членов НАТО, начальники генеральных

штабов Североатлантического союза поздним вечером в избранном кругу «Семёрки» обсуждали вопрос об изменении действующих принципов планирования ядерных операций в Европе.

Группа ядерного планирования (NPG) представляет собой инструмент, позволяющий Федеративной Республике участвовать в планировании ядерных операций, хотя сама она таковым оружием не обладает. Федеральное правительство в юридически обязательной форме ранее отказалось от обладания атомным, химическим и биологическим оружием во всех его видах. Однако членство в Группе ядерного планирования (NPG) обеспечивало ей право на участие в принятии решений в отношении использования этого оружия. Правда, этот отказ не исключает возможности владения средствами применения и доставки атомного оружия. Ядерные боеголовки оставались в единоличном распоряжении американцев.

Эти заседания Группы ядерного планирования (NPG) имели свой собственный ритуал. На них партнёры, владевшие ядерным оружием, встречались с теми, кто проявлял особый интерес к планированию его использования, но сам им не обладал. Бывший генеральный инспектор бундесвера генерал Хайнц Треттнер, будучи командиром 1-го корпуса, расквартированного в Мюнстере (Вестфалия), на одном из обычных «утренних молений» - так называли первое, утреннее, совещание командира со своим адъютантом, на котором определялся распорядок предстоящего дня, - заявил: «С появлением ядерного оружия в мире наступил эпохальный поворот. Государство, владеющее хотя бы одним-единственным таким зарядом, изменяет соотношение сил. Угроза использования этого оружия означает изменение положения в глобальном масштабе при том, что в общем раскладе противоборствующих сил значимость этого государства может быть практически ничтожной».

С тех пор ситуация, пожалуй, нисколько не изменилась. Если взглянуть на то, как складывается положение на Ближнем Востоке, особенно в Иране, нельзя не испытывать чувства тревоги. Здесь наращивается потенциал, который может изменить мир. Если в отношении Ирака в пору правления Саддама Хусейна США, в сущности, гадали по поводу того, владеет он атомным оружием или лишь стремится к обладанию им, то в отношении Ирана сомневаться не приходится - это реальная угроза. Иран, обладающий ядерным оружием, - это, видимо, всего лишь вопрос времени.

Вечером после брюссельской сессии я как адъютант генерального инспектора получил телеграмму из боннского министерства иностранных дел, в которой сообщалось о правительственном кризисе в Бонне, вызванном отставкой Федерального канцлера Вилли Брандта. Я тут же передал телеграмму генеральному инспектору, который на это заметил, что это, собственно говоря, логичный и вполне ожидаемый им исход. Я предложил покинуть заседание и немедленно вылететь в Бонн. «Зачем?» - спросил генеральный инспектор и указал на то, что вообще-то в любой демократической стране отставка главы правительства - явление

совершенно обычное. Я не отступал. «Отставка канцлера ни при каких обстоятельствах не может считаться обычным явлением, - сказал я и добавил: - Любой британский или американский начальник генерального штаба, господин адмирал, в такой ситуации незамедлительно вылетел бы в свою столицу и там предложил бы свои услуги». Это убедило адмирала. И он вылетел в Бонн. Мне же, его адъютанту, он сказал, причём с чуть насмешливой улыбкой: «Браво, Зулу». На сигнальном языке военно-морского флота это означает что-то вроде «Молодец. Отлично сработано».

Отставка Вилли Брандта была политической сенсацией того времени, однако немецкая политика, сильно потрясённая этим событием, вскоре вернулась в норму. Но на это потребовалось определённое время. Утром после возвращения с заседания в Брюсселе, как всегда точно в 9.00, генеральный инспектор вошёл в свой служебный кабинет. И как всегда, я поспешил помочь адмиралу снять шинель. Однако он, как всегда, оказался чуть быстрей меня и снял эту шинель, изготовленную из лучшего английского сукна, не прибегнув к моей помощи.

Теперь порядка ради необходимо отметить, что, предлагая свою помощь, я вовсе не выказывал какую-то особенную прыть. Так что адмирал имел достаточно много времени, чтобы не прибегать к ней. Адъютантов в немецкой армии за глаза называли «носильщиками папок» своего начальника, а ещё - «кусачками для обрезывания сигар», и ни одним из них эти ярлыки не воспринимались как поощрение. Поэтому некоторые старались продемонстрировать обратное. Я относился к этой теме чуть более дифференцированно. Адъютант - первыц помощник своего шефа. Его совет всегда очень востребован и желанен.

Адмирал сел за свой письменный стол и бросил короткий взгляд на принесённые мной бумаги. «У нас новый министр», - доложил я. «Ну да, конечно, по фамилии Лебер, этого можно было ожидать», - отреагировал адмирал. «Я думаю, нужно предложить министру свои услуги», - выразил я свою точку зрения. «В каком смысле?» - спросил адмирал. «Ну, министр Лебер во Вторую мировую, конечно, служил в армии, был, кажется, фельдфебелем, но он, например, наверняка не знает современных тонкостей порядка проведения военных торжеств, установленного в бундесвере. Ну и естественно, нуждается в консультациях». Про предыдущего министра обороны Хельмута Шмидта было известно, что он, выслушав рапорт офицера, не удосуживался в качестве приветствия построенному подразделению произнести даже «Доброе утро», хотя господа из протокольного отдела из раза в раз рекомендовали ему не забыть это сделать. Поэтому в эру Шмидта на боннском Хардтберге ни разу не слышали гула проносящегося над площадью эха от бодрого «Доброе утро, господин министр!», вырывающегося из многих солдатских глоток. Ганзеец не любил таких сцен, они казались ему слишком интимными, а он всегда предпочитал дистанцию. Ну, чем бы это ни объяснялось, Георгу Л еберу придётся вести себя иначе, чем это делал Хельмут Шмидт.

И потом, естественно, существовали ведь ещё и другие вещи, которые обязан был знать и правильно исполнять при церемонии передачи полномочий министр обороны. «В частности, - подсказал я, - нужно составить ему речь по случаю вступления в должность или хотя бы представить проект». «Ну хорошо, - сказал генеральный инспектор, - тогда, значит, предложите свои услуги, господин полковник!» И я отправился в министерство почты и связи, чтобы предложить свои услуги министру Л еберу. Там уже ожидал приёма какой-то армейский подполковник, который, как мне показалось, был радостно возбуждён, потому что знал министра по встречам в одном и том же избирательном округе и, видно, не считал пустым делом лично в срочном порядке поздравить его с новой должностью, чтобы таким образом предложить себя в качестве кандидата на какой-нибудь высокий пост. Он, как я позднее узнал, состоял в той же партии, что и министр.

Секретарша министра открыла дверь в кабинет министра, и мне, к моему удивлению, было позволено пройти внутрь, тогда как дожидавшийся приёма товарищ подполковник остался пока сидеть в холле. Ему велено было ждать. М инистр Лебер стоял перед письменным столом и беседовал со своим преемником Лауритцем Л ауритценом, обсуждая какой-то явно очень серьёзный вопрос. После того как я доложил о цели своего прихода, Георг Лебер поблагодарил за предложение услуг, сказав, однако, что у него совсем нет времени, и спросил, не могу ли я в воскресенье приехать к нему домой на Таунус. Там, дескать, у нас будет достаточно времени. Таковы обстоятельства, приведшие к тому, что в воскресенье я отправился к министру Леберу с проектом речи в деловой папке по случаю его вступления в должность и, таким образом, предложил свои услуги.

Стояла прекрасная погода. Солнце перевалило за зенит. Министр провёл меня по своему дому и показал свой красивый сад с очень большим бассейном в центре. Всё было чрезвычайно ухожено и великолепно спланировано. Вилла находилась на невысоком пригорке с дивным видом на ослепительно зелёный луг у южного подножия Таунуса. Взгляд бежал над холмами и фруктовыми садами и терялся вдали. На горизонте можно было не столько увидеть, сколько угадать контуры франкфуртских высоток. Да, министр облюбовал там для своего «частного командного наблюдательного пункта» по-настоящему красивый уголок. Правда, позднее он подыскал себе, видимо, ещё более привлекательное место в предгорье Альп.

Госпожа Лебер уже накрыла кофейный столик, оставалось только подождать, когда подадут напитки. Вскоре мы сидели за чаем, кофе и вкусной выпечкой. А министр, который вроде бы располагал теперь большим количеством времени, рассказывал о своём последнем визите в Советский Союз, во время которого он успел побывать не только в Москве, но и в Ленинграде. С одной стороны, русские, сообщил министр, были весьма дружелюбны, а с другой, когда считали это уместным, довольно искусно держали дистанцию. Георгу Леберу при подготовке визита в Бонн сообщили о том, что у русских в их собраниях произведений искусства есть

определённое число выдающихся картин Пикассо, которые, однако, никогда не выставлялись. Нет, Пикассо у них нет, сказали русские в ответ на желание министра получить разрешение увидеть хотя бы некоторую часть произведений Пикассо, хранящихся в запасниках. Однако, как это за ним водилось, Георг Лебер и не думал отступать. Кончилось тем, что его провели в кремлёвское подвальное помещение с арочным потолком и показали «советские» работы Пикассо. Таких картин, по утверждению Лебера, там было довольно много.

Русские, между прочим, как он рассказал потом, дали ему с собой несколько пачек сигарет. Я проявил интерес. «Ну вот, - сказал я, - надеюсь, вам дали не только папиросы из махорочного табака». «Мне незнакомы русские сигареты, - сказал министр и спросил: - А какие же сигареты у русских хорошие?» После этих слов он достал из книжного шкафа несколько пачек сигарет. Это были обычные русские сигареты, которые могли бы любому курильщику западного мира испортить язык и напрочь отбить ему вкусовые ощущения. «Стоп, - сказал я, - вот пачка «Казбека», это и лучшие, и самые дорогие русские сигареты из тех, какие я знаю».

Георг Лебер взял пачку, внимательно посмотрел на неё, понюхал, потом вложил её мне в руку со словами: «Берите! Дарю её вам».

Когда убрали посуду, госпожа Лебер взяла со стола подаренную мне пачку «Казбека» и положила её обратно в книжный шкаф. «Нет-нет! - воскликнул Георг Лебер. - Пачка принадлежит господину полковнику!» И передал её мне.

Почти сразу после этого мы перешли к обсуждению сугубо служебных дел. Внимательно прочитав проект речи по случаю своего вступления в должность, который я привёз ему на его виллу в Таунусе, Георг Лебер взглянул на меня, слегка улыбнулся и, подытоживая прочитанное, сказал, что его, похоже, хотят оградить от политических нападок.

«Ну, - остерёг его я, - господин министр, какой резон вам уже при вступлении в должность давать повод подвергнуть себя обструкции со стороны ваших молодых «соци»?»

Министр на это ответил: «Хорошо, согласен, речь мне нравится. Но сделайте ещё добавление, всё равно в каком месте, впишите слово «Отечество» и ещё что-нибудь о «верном солдатском служении». И тогда считайте, что я её утвердил».

Я весьма охотно выполнил его пожелание. К Георгу Леберу я испытывал уважение до самого его освобождения от министерской должности. Да, естественно, и после.

Несколько лет спустя, поздравляя его с круглой годовщиной дня рождения, я подарил ему масляные краски, альбом для рисования и кисти. Он очень радовался этому подарку в кругу товарищей, с которыми пил шампанское и пиво. Не все из тех, кто тогда присутствовал при этом, знали,

что Георг Лебер изрядно умеет обращаться с кистью.

Как опытный каменщик, он часто подчёркивал, что любые политические конструкции должны возводиться на прочном фундаменте. Если фундамент непрочный, считал он, со временем обрушится всё здание, каким бы красивым оно ни было.

В день своего вступления в должность министра Георг Лебер выступил с замечательной речью, в которой он коснулся основополагающих проблем солдатской службы. Он признал, что из того ведомства, которым он руководил прежде, он ушёл отнюдь не с лёгким сердцем. Затем с не меньшей откровенностью добавил, что он охотно принял предложение прийти в новое для себя министерство и занять этот пост.

Он, сказал Лебер, принимает этот ответственный пост в такое время, когда не везде удобно говорить об обороне страны и позиционировать себя сторонником существования и функционального использования вооружённых сил. Наша политика в сфере безопасности предусматривает, в частности, и разрядку. Однако же разрядка может быть успешной только в том случае, если она в равной мере опирается на непрерывные усилия в области обороны. Наш бундесвер эффективен. Граждане страны должны это сознавать. Это федеральное правительство и впредь будет сохранять его как надёжный инструмент обороны в руках государства. [При этом не подлежит сомнению, что обеспечение мира и нашей свободы требует жертв. Георг Лебер показал свою убеждённость в том, что значительное большинство нашего народа понимает и одобряет такую позицию, и он верил, что значительное большинство наших граждан - молодых мужчин готовы принять на себя гражданскую обязанность несения службы в бундесвере.

«Я употребил слово «служить», - сказал Георг Лебер. - Да, я его использовал, хотя и знаю, что, может быть, в глазах не так уж малого числи соотечественников оно звучит несколько старомодно. Если это так, то и я спокойно был бы несколько старомодным. Это служение (подчёркнуто Лебером в рукописи. - Примеч. авт.), какяего понимаю, есть элемент свободы и общества, зиждущегося на началах свободы. Свобода означает не только быть свободным от чего-то! Свобода гражданина не должна восприниматься как свобода от его заботы (подчёркнуто) за своё свободное государство и ответственности (подчёркнуто) за него. Общность, на которую накладывает свой отпечаток и которую определяет свобода, зависит от верности своих граждан, если она должна быть внутренне прочной и целостной».

Лебер подчеркнул, что автократия может отказаться от верности. Она требует подчинения и исполнения обязанностей, предписывает муштру и наказывает неверность. Демократия живёт благодаря тому, что гражданин проявляет по отношению к ней в условиях свободы ту степень ответственности, сознания своего долга, готовности к служению и верности, которая и делает демократическое государство способным защищать и хранить саму свободу как высокое жизненное благо (от руки вписано Георгом Лебером в набросок).

Георг Лебер, в прошлом профсоюзный лидер, а ещё ранее, во время Второй мировой войны, унтер-офицер, бывший министр почты и связи, вступил в должность федерального министра обороны 7 июля 1972 г. Я был первым солдатом, стоявшим напротив министра в этой его должности, первым, кто вызвался быть полезным ему при принятии на себя командных функций в Хардтберге (район Бонна, где находилось министерство обороны ФРГ. - Примеч. пер.) Из этой первой встречи возникли доверительные отношения, которые привели позже к тому, что в один прекрасный день министр Лебер смог вручить мне, тогдашнему адъютанту генерального инспектора, грамоту о моём производстве в бригадные генералы.

Лебер сделал в бундесвере немало хорошего с момента вступления в должность до драматического окончания своего пребывания на министерском посту. Он был против всякого тщеславия, всех соблазнов и искушений должности и лично заботился о солдатах бундесвера - в полном соответствии со своим требованием о заботе государства о солдатах. Этому требованию министра противостояли требования сметы 14 федерального бюджета. Бундесвер долгое время оставался для многих политиков, а кое для кого остаётся и по сей день, нелюбимым пасынком. Войска же всегда чувствовали это.]

Что обязан знать новичок

Федеральный министр Георг Лебер был членом правительства, и в конкретных вопросах политики безопасности его познания не выходили за рамки того, что положено знать любому министру. Но его желание расширить рамки своих представлений стало приносить плоды уже с первых дней после вступления в должность.

Он умел видеть главное и необходимое, что в тот период было немаловажно. Он доверял своим подчинённым и никогда не забывал о том, что и сам когда-то был солдатом и прошёл войну.

Бундесвер и особенно его руководство повидали на своём веку немало министров, и далеко не все они были популярны.

Лебер всегда был готов защищать интересы своих подчинённых, что уже вскоре привело к возникновению атмосферы доверия между политическим руководством в лице министра и командным составом вооружённых сил. Прежде такое удавалось далеко не всегда.

11 июля 1972 г., вскоре после вступления нового министра в должность, генеральный инспектор проинформировал его о важнейших проектах. Следует упомянуть, что на тот момент планировались коренные преобразования в области политики безопасности и предшественник Лебера Хельмут Шмидт уже задал некоторые направления такого развития. Это касалось, в частности, создания Малой и Большой коллегии, указа о перераспределении полномочий инспекторов отдельных видов вооружённых сил и некоторых других директив в области оборонной политики. Хельмут

Шмидт перевёл бундесвер на новую основу. Кроме того, произошли изменения в стратегическом мышлении НАТО, от которых зависела и роль нашей страны в случае начала новой войны. На первый план выходил вопрос о применении ядерного оружия. Ещё шла дискуссия об использовании «атомных мин» в качестве современного средства охраны границы, из-за которой генерал Хайнц Треттнер - предшественник генерала де Мезьера - оказался под огнём жёсткой общественной критики. Но именно Третгнер, ещё командуя 1-м корпусом в Мюнстере, одним из первых осознал, что достаточно применить всего лишь один ядерный заряд, чтобы изменить характер войны, и что обладание таким оружием позволило бы государству занять особое место среди мировых держав.

Кроме того, с подачи федерального правительства разгорелись дебаты о новой структуре вооружённых сил. Можно было ожидать, что социал-демократы после прихода к власти уделят этой проблеме особое внимание. Каким должен быть принцип комплектования? Для министра обороны Шмидта это стало одним из важнейших вопросов, ответа на который требовали партийные организации на местах.

В вопросе о возможности применения атомного оружия адмирал Циммерман настаивал на усилении роли ФРГ в НАТО путём участия в Группе ядерного планирования альянса, поскольку в случае ядерного удара территория Западной Германии пострадала бы особенно сильно. Циммерман рассказал министру о том, как бундесвер в последние годы - не без проблем - пытался переосмыслить стратегию в этой области. Постепенно сформировалось убеждение, что надо защищаться, а не разрушать, и что первый же ядерный удар означает качественное изменение хода войны, а если приказ всё-таки последует, то удар должен быть дозированным. Кроме того, следует особенно внимательно выслушать аргументы страны, которая может стать целью такой атаки. Все эти соображения я, исходя из личного опыта работы в отделе ядерного планирования Центральной группы армий, изложил в неформальном порядке генералу Треттнеру. Судя по всему, генеральный инспектор их учёл, после чего на стол министра лёг доклад о двусторонних договорённостях Соединённых Штатов и ФРГ.

За этим общим докладом генерального инспектора министру Леберу последовали рапорты от инспекторов отдельных видов вооружённых сил. Теперь новый министр был достаточно подготовлен, чтобы выйти на арену политики безопасности, где он скоро завоевал уважение и доверие, в том числе и со стороны союзников. И если ещё несколько дней назад министр Лебер объяснял мне с глазу на глаз, что почти сроднился со своим почтовым министерством и принимает новый пост лишь потому, что не желает нарушать партийную дисциплину, то уже очень скоро все в министерстве, а потом и по всей стране почувствовали, что бундесвер получил политического руководителя, которому может доверять каждый солдат.

Новый министр обороны испытывал симпатию к военнослужащим и требовал от политиков заботливого отношения к ним. Таким образом, Лебер

оставался верен обещанию, данному им при вступлении в должность. Тот факт, что министром назначили бывшего фронтовика, знающего все «прелести» солдатского быта, можно было расценивать как большую удачу.

Мимо Бонна не проходит ни один офицер службы генерального штаба

Минуя министерство обороны, карьеру в бундесвере не сделать. Не могу сказать, что я мечтал оказаться в Бонне, но, получив соответствующее направление, решил не противиться своей военной судьбе. Мимо Бонна не пройдёт ни один офицер генштаба - тем более если он имеет высокие карьерные устремления. Итак, в путь!

Своё продвижение по служебной лестнице в структуре министерства я начал с 3-го подотдела в штабе сухопутных сил, который, среди прочего, отвечал за вопросы организации. Руководил подотделом бригадный генерал Хантель - выходец из Восточной Пруссии и солдат, которого мог породить только вермахт. В том, что касалось соблюдения устава, он не признавал компромиссов, и приказы не обсуждались. Так его учили ещё в последние годы рейхсвера. Дух немецкой армии сохранялся независимо от того, что рейхсвер превратился в вермахт, а потом в бундесвер. Тот, кто служил в рейхсвере, был хорошим солдатом, а кто воевал, тот отлично подходил для высокой должности.

Генерал Ульрих Хантель был, без сомнения, военным лидером и образцом для подражания. Надёжный и верный, добросовестный и скромный - как и положено уроженцу Восточной Пруссии. В области дисциплины он научил меня тому, что я не успел усвоить раньше. Наблюдая за распределением поручений, уже через пару месяцев я убедился в том, что пользуюсь неким особым расположением по сравнению с сослуживцами. Сложные задачи он поручал мне, а не «этим министерским крысам», и радовался хорошим результатам работы.

Сегодня я, к сожалению, должен признать, что в пределах своей компетенции не проявлял ни особого рвения, ни даже усердия. Я делал ровно то, что было приказано, и не особенно беспокоился, если какие-то дела слишком долго залёживались на моём столе. К моему удивлению, многие документы, снабжённые изначально грифом «срочно», пролежав пару месяцев в моём сейфе, могли спокойно отправляться в архив без всякого ущерба для дела. Составление картотек личного состава какой-нибудь роты или батальона тоже не особенно меня вдохновляло. Но служебные обязанности требовали выполнения и такой работы. Гораздо интереснее были отчёты о состоянии дел в сухопутных силах. Отдельные рапорты сводились здесь в единый вердикт, например, «к обороне условно готовы». Эта формулировка в своё время помогла журналу «Шпигель» заметно поднять тираж, но при этом доставила неприятности моему будущему другу Конраду («Конни») Алерсу. Отчёты состояли из моих пассажей. Я мог

излагать свои соображения так, как это делают журналисты. Меня радовала возможность писать. Это было намного интереснее, чем, например, размышлять о том, можно ли в мирное время снять два поста по маршруту следования поезда или нет.

Моя работа в 3-м подотделе, честно признаться, не требовала великих профессиональных свершений. С начальством у меня проблем не было, да и не могло быть, ведь и по рождению, и по духу я был представителем Восточной Пруссии. И мой земляк генерал Хантель был доволен моей работой.

Каждый день ровно в полдень сотрудники подотдела вместе с шефом шли на обед. Хантель любил военный порядок во всём. Во время еды служебные разговоры не прерывались, но допускались и замечания на отвлечённые темы. Шутки тоже приветствовались - в том числе и с политической подоплёкой. В те времена офицер бундесвера в кругу сослуживцев мог говорить открыто. Это продолжалось недолго - по мере политизации офицерского корпуса изменилась и общая атмосфера в армии.

Хотя германский вермахт и присягал на верность Адольфу Гитлеру, но в своей массе за редким исключением был абсолютно аполитичен вплоть до своего печального конца. 20 июля 1944 г. произошло нечто из ряда вон выходящее. Это был политический поступок, пусть в какой-то степени и ставший следствием военного анализа ситуации. Конечно, заговорщики под руководством фельдмаршала фон Вицлебена и полковника графа Штауффенберга осознавали, что надвигается военная катастрофа. Но их решение убить тирана было, без сомнения, политически мотивировано.

Находясь однажды в Штраусберге под Берлином в рамках одного из рабочих заседаний Общества за единую Германию (оно, как и остальные 72 заседания, проходило при поддержке Федерального управления политического образования), я возложил цветы к месту расстрела Штауффенберга и его товарищей. Во время этой церемонии слева от меня стоял отставной генерал-майор Петер Штойрих, представитель бывшей Национальной народной армии ГДР. Вместе мы поклонились жертвам событий 20 июля 1944 г. И это был не красивый жест, а знак нашего уважения.

Я протянул генералу руку, он крепко её пожал. Это напомнило мне момент, когда я с другим участником заседания из Восточного Берлина выходил из базилики Четырнадцати святых в Верхней Франконии. Солнце клонилось к закату, когда друг из бывшего Восточного Берлина вдруг схватил мою руку и произнёс: «Господин генерал, сегодня здесь с вами я обрёл свою Германию».

Когда в 1955 г. формировался бундесвер, многие хотели начать с того места, где всё оборвалось в сорок пятом. Опираясь на свой военный опыт, они хотели ввести новые формы подготовки, рисовали образ современного солдата в условиях демократии, но по духу армия должна была оставаться в

основном вне политики. Полностью воплотить всё это в жизнь, конечно, не удалось - хотя бы потому, что новый немецкий солдат не пользовался одинаковым уважением со стороны всех политических партий.

Некоторые из них, скорее, питали к нему ненависть и презрение. Держать армию подальше от политики не представлялось возможным. Каждый политик должен был ясно определиться, выступает ли он за или против нового немецкого солдата. В то же время каждому солдату приходилось делать выбор в пользу той или иной политической партии. Большинству военных это было не по душе, гораздо симпатичнее для них была старая модель рейхсвера.

В т;ом, что касается политической ориентации офицерского корпуса на момент создания бундесвера, приходится констатировать, что офицер хотел оставаться вне политики, но не имел такой возможности. Позже выяснилось, что проникновение политики в войска может губительно повлиять на атмосферу товарищества. Первое решительное вторжение политики в казармы произошло в период правления «красножелтой» коалиции. Тогда, к 1968-1969 гг., бундесвер уже успел справиться с целым рядом серьёзных проблем. С приходом Хельмута Шмидта в министерстве обороны в Бонне воцарилась новая атмосфера. Я тогда пришёл с докладом о состоянии сухопутных сил к заместителю инспектора этого вида вооружённых сил. Генерал-лейтенант Эрнст Фербер, казалось, был согласен с результатами моих трудов. Когда я закончил, он вдруг спросил: «Как вы смотрите на то, чтобы перейти на работу ко мне? Вы составили хороший доклад».

Вскоре после вступления в должность министра Шмидта в Бонне разразился скандал. На одном из мероприятий Командно-штабной академии бундесвера в Гамбурге тогдашний заместитель инспектора сухопутных сил Хельмут Грасхи, выступая перед слушателями академии, позволил себе бестактное замечание насчёт того, что в период формирования бундесвера система идеологической подготовки была не более чем фиговым листком или фикцией. Один из командиров спонтанно возразил против такой позиции своего боннского начальника и извинился перед слушателями академии за словесные промахи генерала. Сложилась уникальная ситуация.

Грасхи был переведён на другую работу, его преемником стал генерал-лейтенант Фербер. Скандал повлёк за собой и ряд других кадровых перестановок в министерстве обороны. Штабной офицер при заместителе инспектора сухопутных сил тоже, очевидно, попал в немилость и был вынужден освободить свой пост. «Хотите на его место, Комосса?» - спросил меня генерал Фербер. А почему бы и нет, спросил я себя и повторил это вслух. «Когда приступать, господин генерал?» - спросил я и получил по-военному чёткий ответ: «Завтра!»

Сообщив об этом решении генерала своему непосредственному начальнику Ульриху Хантелю, я стал свидетелем взрыва эмоций с его стороны.

Однако буря быстро улеглась и не имела последствий, ведь приказ есть приказ. Этот принцип неукоснительно соблюдался в бундесвере, как когда-то в рейхсвере и вермахте. Я очистил рабочий стол и подготовил документы своему преемнику, который был мне тогда ещё неизвестен. Уже на следующее утро я предстал перед заместителем инспектора сухопутных сил.

Работать на генерала Фербера было приятно во всех отношениях. Он был очень образованным офицером. К его роду принадлежал один из известных немецких художников. В своих выступлениях он был всегда корректен, настоящий джентльмен в погонах. В то же время, его явное стремление приспособиться к новому политическому стилю было мне не всегда по вкусу.

Вообще процесс адаптации к политической воле был характерен для бундесвера образца 1968-1969 гг. Формула генерала фон Клаузевица о примате политики не ставилась под сомнение. Она - пусть и не всегда с охотой - соблюдалась генералитетом в качестве базового принципа. На этом фоне вызывал особое раздражение тот факт, что некоторые высокопоставленные чиновники, как, например, министериаль-директор Эрнст Вирмер, трактовали этот принцип как «примат гражданского над военным». Считалось, что статс-секретарь должен быть рангом выше военнослужащего в самом высоком звании. На высшем командном уровне в министерстве с момента создания бундесвера постоянно шла борьба за влияние на министра или за репутацию, что на самом деле, надо признать, было борьбой за власть.

Генералитет то и дело пытался ограничить чрезмерное влияние статс-секретарей на политическую верхушку, но эти попытки терпели неудачу, наталкиваясь на сопротивление тех, за кем на тот момент было последнее слово в вопросах военного руководства, будь то Шрёдер, фон Хассель, Шмидт, Лебер или Апель.

Эрнст Вирмер в годы становления бундесвера был серым кардиналом. Он стоял у самых истоков его создания и, будучи начальником 3-го отдела, который занимался вопросами управления, имел большое влияние на формирование вооружённых сил новой Германии. Вирмер родился в семье вестфальского чиновника и был воспитан в католической вере. В годы Третьего рейха он некоторое время провёл за решёткой, поскольку его брат, будучи одной из ключевых фигур в составе антигитлеровского Сопротивления, привлёк его на сторону оппозиции.

Вирмер стал одним из самых молодых членов Парламентского совета и принимал участие в разработке Основного закона. Аденауэр сделал его своим личным референтом и доверенным лицом в окружении будущего министра обороны Тео Бланка. Вирмер оказал решающее влияние на концепцию оборонного сектора. Его ещё называли «отцом системы управления бундесвера». Несомненно, он имеет особые заслуги в области взаимодействия армии и церкви. Ему, правоверному христианину, эта работа была особенно близка.

Тот факт, что в бундесвере была налажена пастырская служба, можно считать его заслугой. Он оказал существенное влияние и на разработку военного законодательства. Он помог интегрировать бундесвер в общественную структуру нашего государства. В целом заслуги Вирмера в деле становления бундесвера неоспоримы - несмотря на постоянные трения между генералитетом и олицетворявшейся им административной верхушкой министерства.

Каждый, кто занимал пост министра обороны, знал об этих трениях и принимал их к сведению. Указ Хельмута Шмидта о распределении полномочий, который после вступления в силу действовал ещё в течение 35 лет, внёс некоторую ясность в отношения по принципу «военные здесь, администрация там», но до конца проблемы не решил. В 2004 г. министр

Штрук внёс в текст указа некоторые изменения, которые можно назвать косметическими. Преодолеть напряжённость с их помощью так и не удалось.

Как бы то ни было, генеральный инспектор получил наконец возможность отдавать приказы инспекторам рангом ниже. Но у германской армии по-прежнему не было главнокомандующего из числа кадровых военных. Да, в 2005 г. генеральный инспектор был уже не просто политическим советником руководства, но позиции начальников генштабов в других странах НАТО были значительно прочнее. И в обозримом будущем вряд ли что-то изменится.

Генералитет в период правления социал-демократов повиновался политическому руководству - иногда это делалось с явной неохотой, но ни один генеральный инспектор не позволял себе переступить чётко обозначенную черту и выступить с публичными возражениями на заседаниях кабинета министров, даже если терпение было уже на пределе. Одно из правительственных решений было для генерала Фербера, тогдашнего заместителя инспектора сухопутных сил, не просто непонятным - поистине неприемлемым. Вернувшись с заседания кабинета, он поначалу с трудом сдерживал эмоции, но потом выплеснул весь гнев и разочарование: «Это просто невозможно, это уже просто предел! Министр не может так поступать!» Резким движением руки он смёл мне под ноги все папки со своего письменного стола: «Нет, ну это вообще ни в какие ворота не лезет!» Я был с ним согласен. Тогда я ещё не совсем понимал, о чём шла речь на совещании, но министр явно требовал от своих генералов слишком многого.

После многих лет службы в качестве адъютанта я досконально знал свои обязанности, но теперь почувствовал неуверенность. Что мне следовало делать?

Быть может, наклониться и собрать разбросанные бумаги? Но входит ли это в обязанности адъютанта? Или в обязанности офицера? Я в нерешительности смотрел на генерала и колебался. Возможно, моё ожидание длилось слишком долго, потому что генерал теперь сам смотрел на меня. Едва заметная улыбка скользнула по его лицу. Не дождавшись моей

реакции, он нагнулся, собрал документы и разложил их на своём столе. «Какое свинство!» - воскликнул генерал. Что конкретно он имел в виду, я так и не понял. Также я не был уверен в том, Что в этой нештатной ситуации повёл себя правильно, как и подобает вести себя адъютанту.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о служебных обязанностях военного адъютанта, работающего на высшем уровне. Как-то во время парадного построения по случаю визита Главнокомандующего силами НАТО в разговоре с глубокоуважаемым мною генеральным инспектором адмиралом Армином Циммерманом я сообщил, что собираюсь занять место за ним во второй шеренге. «Я за вами во второй шеренге, господин адмирал. Сразу за вами», - сказал я. «Что за вздор, Комосса. Ваше место в первой шеренге», - ответил мне генеральный инспектор. С тех пор так и повелось. Не каждому высокопоставленному генералу такое пришлось бы по душе. Но приказ есть приказ.

За свою военную карьеру мне всегда нравились начальники, которые не принуждали меня к выражению собственных политических взглядов. В Бонне я смог испытать на себе, какие неприятности могут принести военному его политические убеждения. Особенно если он занимает руководящую должность. Будучи командиром на различных уровнях, я всегда стремился к тому, чтобы никто не мог уличить меня в каких-либо политических симпатиях. Таким образом, по крайней мере один из двух собеседников, задававших мне вопрос о моей политической ориентации, в итоге не становился моим врагом. И это меня устраивало.

Именно так всё и было, пока я занимал должность штабного офицера при заместителе инспектора сухопутных войск. Однако это продолжалось не слишком долго, а именно до тех пор, пока однажды не стало вакантным место адъютанта генерального инспектора. Готфрида Грайнера, который до сих пор занимал этот пост, переводили в войска, и он срочно искал себе преемника. Делал он это, разумеется, не в одиночку. На вакантную должность претендовали даже кандидаты-самовыдвиженцы. Однажды мне по секрету сообщили, что генеральный инспектор рассматривает возможности моего назначения. Вскоре после этого генеральный инспектор вызвал меня к себе и лично сообщил о желании назначить меня новым адъютантом. При этом он заверил, что моё пребывание на этом посту продлится не больше года, так как затем он сам уйдёт в отставку, что уже согласовано с министром обороны. И тогда мне наконец откроется перспектива назначения на должность командира бригады, которой я, насколько ему известно, так страстно жду. Что касается моего ожидания, то здесь он был прав. Но что значит год в жизни военного? И что я ещё мог сказать? Генеральному инспектору не откажешь. Это было делом чести, и я позволил событиям идти своим чередом.

Спустя год генерал де Мезьер действительно ушёл в отставку, и я уже предвкушал своё назначение командиром бригады, однако новый генеральный инспектор, адмирал Циммерман, вступая в должность, заявил

мне: «Ну, господин полковник, я буду рад поработать с вами. Всего один год! А затем вы примете командование бригадой».

В итоге всё так и произошло. Замечу лишь одно: если послевоенный плен стал для меня большой школой жизни, позволив мне глубоко познать все сильные и слабые стороны человека, то два года, проведённые мною в должности адъютанта генерального инспектора в Бонне, были наиболее интересными в моей карьере. Это был не лучший, но наиболее насыщенный событиями период.

Эти годы, проведённые мною на стыке армии и политики, были особенно интересны в самом начале. В конце стало ясно, что они были также наиболее важными в жизни военного. Важными прежде всего в плане знакомства с новыми людьми, сведёнными вместе выполнением одной особой задачи, а также с точки зрения того особого времени, которое было отмечено разного рода прорывами.

Управление бундесвером перешло к социал-демократам из СДПГ, представители протестного движения 1968-го любой ценой прорывались во власть. Йозеф («Йошка») Фишер, за которым вто время ещё приходилось приглядывать правоохранительным органам, начинал своё восхождение по политической лестнице. Тогда едва ли кто-то мог поверить в то, что этот Йошка однажды станет министром иностранных дел и будет представлять воссоединённую Германию на международной арене.

Случай, когда Фишер ударил лежащего на земле полицейского, был не просто одним из многих в этом роде. Будучи в то время главой военной контрразведки, я лучше других был информирован о тех политических событиях, что происходили не только на улицах Франкфурта, но и на съёмных квартирах, где поседевшие ныне последователи социал-демократов или христианских демократов провели самые бурные годы своей молодости. Во время одной из операций против террористов и экстремистов я тогда потерял одного из своих бойцов.

Военный оперативный совет

Военный оперативный совет (ВОС), как правило, собирался раз в месяц. В него входили генеральный инспектор бундесвера, инспекторы сухопутных войск, ВВС, ВМС, Медико-санитарной службы, а также начальник кадрового отдела. Адъютант генерального инспектора составлял протокол каждого заседания. В то время как участники дискуссии заседали за главным столом в форме открытого четырёхугольника, я, будучи адъютантом, размещался за столиком в углу у окна.

Каждый раз повторялся один и тот же ритуал. Генеральный инспектор открывал заседание и отмечал присутствующих. В качестве первого пункта повестки дня он просил участников одобрить протокол предыдущего заседания, попутно высказав свои замечания. Как правило, высказывались пожелания о внесении незначительных изменений, однако иногда дело

доходило до жарких споров о тех или иных формулировках. Наиболее часто возражения слышались из того угла, в котором сидел инспектор ВВС.

Инспектор ВМС, напротив, отличался сдержанностью, особенно если речь заходила о вопросах, не имевших значения для подчинённого ему самого маленького вида вооружённых сил. Однажды (очевидно, под влиянием существования соответствующего регламента в Канаде) обсуждался вопрос о введении единой формы одежды для всех видов вооружённых сил. И если бы военно-морской флот в итоге лишился своей синей униформы, то это, очевидно, привело бы к первому в истории бундесвера мятежу генералов (в данном случае адмиралов).

Повестка заседаний ВОС составлялась мною и утверждалась генеральным инспектором. Её отдельные пункты, как правило, отражали актуальные вопросы, стоявшие перед бундесвером.

Чтобы дать представление о принципах деятельности ВОС и обсуждавшихся на заседаниях вопросах, приведу один пример. Инспектор сухопутных войск однажды пришёл к выводу, что руководство министерства не в полной мере привлекает инспекторов отдельных видов вооружённых сил к решению важнейших вопросов. Он предложил предоставить инспекторам возможность выступать в качестве советников министра и генерального инспектора на министерских совещаниях и высказывать свою точку зрения по таким существенным вопросам, как, например, применение ядерного оружия. Инспекторы ВВС и ВМС поддержали эти инициативы.

Инспектор сухопутных войск, кроме того, предложил доводить национальную точку зрения германской стороны до сведения командиров корпусов и дивизий, на которых в вопросе ядерного оружия решающее влияние оказывала позиция командных структур НАТО.

Генеральный инспектор поддержал предложение инспектора сухопутных войск и пообещал сделать соответствующий доклад министру.

В составе ВОС генеральный инспектор видел себя первым среди равных. Пусть на заседаниях и случались перепалки между отдельными видами вооружённых сил, но преобладал всегда коллегиальный подход.

В вопросе создания социального отдела при министерстве все инспекторы подчёркивали сильную заинтересованность в этом своих видов вооружённых сил.

Когда Федерация профсоюзов, прежде всего тогдашний профсоюз работников коммунального хозяйства и транспорта, при поддержке министра предпринимали попытки распространить свою деятельность на вооружённые силы и обосноваться в казармах, инспекторы после интенсивных консультаций в ВОС воспротивились этим намерениям. Генеральный инспектор в письменной форме доложил министру точку зрения инспекторов и высказал опасения Совета.

Министр принял эту информацию к сведению, невозмутимо пообещав

«приобщить» докладную записку к документам. Инспекторы настаивали на том, чтобы в конечной редакции соответствующего указа за командирами было закреплено право «хозяев поля». И здесь генеральный инспектор встал на их сторону Дальнейшие попытки профсоюзов проникнуть в казармы - это уже история. Одним из косвенных или даже скорее прямых последствий конфликта стала отставка генерального инспектора Хайнца Треттнера, который не смог смириться с тем, что окончательное решение по вопросу о деятельности профсоюзов в казармах было принято без его участия.

ВОС никоим образом не играл роли исполнительного органа руководства. Его основной задачей было консультирование генерального инспектора. Как в вопросе о деятельности профсоюзов в казармах, так и в других вопросах Совет занимал критическую позицию в отношении тех политических решений и процессов, которые могли иметь последствия для политики безопасности. В этой связи вспоминается одна из поездок Эгона Бара1 в Восточный Берлин в 1971 году. Политическое руководство хотело сохранить этот полёт в тайне и наложило запрет на разглашение информации. Тогдашний инспектор ВВС был возмущён тем фактом, что он, будучи непосредственным руководителем, узнал о состоявшемся полёте из прессы. Генеральный инспектор также подверг полёт критике, опасаясь, в частности, возможных негативных последствий для отношений с союзниками. Но политическое руководство ограничилось тем, что приняло критику высоких военных чинов к сведению.

В вопросах, не требующих согласований или принятия решений, ВОС использовался инспекторами для обмена информацией о находящихся в их подчинении видах вооружённых сил. Кроме того, Совет активно занимался бюджетными вопросами бундесвера и проблемами вооружения, а также вопросами идеологической работы среди личного состава и военного планирования. Вспоминается, в частности, продолжительная дискуссия о возможном переходе бундесвера на единую форму одежды по примеру вооружённых сил Канады.

Вопрос о новой униформе вызвал жаркие споры, в частности, о том, какой ширины и какого цвета должны быть нашивки на рукавах и погонах. Особо острые дискуссии предшествовали введению парадно-выходной формы одежды. ВВС выступили за парадный костюм в виде смокинга с широким поясом и вышитыми знаками отличия в нижней части рукава, а также эмблемой специальности на правой стороне груди и заострёнными лацканами.

Инспектор сухопутных сил также выступил за смокинг, уточнив, однако, что он должен быть чёрным. Что касается формы лацканов, то сухопутные военачальники, следуя принципу единообразия, поддержали предложения ВВС.

В заключение генеральный инспектор подчеркнул, что парадно-выходной костюм не должен стать атрибутом только лишь офицерского состава. По его мнению, возможность носить такой костюм должна быть

предоставлена и младшему командному составу. Однако в любом случае парадная форма одежды должна быть единообразной.

Инициатива по введению парадного обмундирования изначально исходила от ВВС. Военные лётчики хотели соответствовать традициям и внешнему виду союзников. Это и правда выглядело несколько странно, когда на банкетах британцы, французы и американцы блистали лоском парадных мундиров, а рядом стояли их немецкие коллеги в повседневной униформе. Наконец на заседании Военного оперативного совета предложение ВВС было одобрено генеральным инспектором, который, однако, предложил инспектору сухопутных войск подумать о возможности замены цвета мундиров с чёрного на какой-нибудь другой тёмный цвет. Тем самым был открыт путь для дальнейшего обсуждения вопроса о парадном обмундировании на уровне начальников отделов министерства.

Не менее интересной была дискуссия по вопросу о причёсках военнослужащих, до которых тогдашнему министру Хельмуту Шмидту, как известно, не было никакого дела. Было ли так на самом деле, осталось недоказанным. Проблемы возникли лишь накануне Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене, где немецким военнослужащим, носившим тогда косички и сеточки для волос, предстояло представлять вооружённые силы страны. Что тогда пришлось испытать генералам! Тем не менее они были вынуждены уступить политикам. Мучения как в войсках, так и в министерстве длились до тех пор, пока адмирал Циммерман во время совместного выхода в Балтийское море не вынудил министра обороны пойти на уступку и пообещать вновь сделать обязательными для личного состава регулярную стрижку и бритьё. В противном случае, пригрозил Циммерман, он откажется от назначения на должность генерального инспектора.

Сейчас, когда бундесвер «защищает интересы Германии в горах Гиндукуша» (как выразился министр обороны Петер Штрук [СДПГ]), этот вопрос уже больше не поднимается. Единственное, о чём здесь можно было бы подискутировать, так это о том, в какую сторону следует смотреть немецкому солдату, когда он во время патрулирования проезжает мимо цветущего макового поля...

Военный оперативный совет (ВОС) был важным инструментом военного управления и планирования, тогда как Совещание начальников отделов (СНО) собирало за одним столом представителей всех структур министерства, как военных, так и гражданских. Значение ВОС часто недооценивается. Обсуждавшиеся на его заседаниях вопросы и принимавшиеся решения никогда не становились достоянием общественности. Совет состоял из генералов, что давало генеральному инспектору уверенность в том, что ни одно слово, произнесённое на заседании, не то что не будет предано огласке, но даже не станет известным в отделах министерства.

С введением в состав ВОС гражданского служащего эта абсолютная секретность оказалась под угрозой. Звучали предложения проводить

обсуждение особо чувствительных вопросов без участия гражданского коллеги, но это определённо было невозможно. Так же как военные вызывают настороженность у гражданских чиновников, так теперь гражданский начальник отдела волею министерского решения стал объектом недоверия со стороны военных. Обсуждалась возможность проведения заседаний ВОС в широком и узком составе - по примеру предложенной министром Шмидтом модели Большой и Малой коллегии. Однако и эти планы были сразу же отброшены. И что же оставалось? Для начала решили дождаться результатов этого «эксперимента» - до сих пор подобная тактика оказывалась весьма практичной. Таким образом, генералам пусть и неохотно, но пришлось смириться. Однако уже вскоре они могли констатировать, что все их опасения были лишены всякого основания. Новый член ВОС демонстрировал полную лояльность, не давая ни малейшего повода для беспокойства.

Министру такое решение принесло очевидную выгоду. Теперь он мог получать информацию из первых рук, ещё до того как тот или иной вопрос будет вынесен на обсуждение начальников отделов и о нём доложит генеральный инспектор. Хельмут Шмидт был настоящим мастером в вопросах тактики, но не только. В области политики ему также едва ли можно было найти равных.

Одной из наиболее интересных тем, обсуждавшихся на заседаниях ВОС, были вопросы присвоения очередных воинских званий, особенно вопросы повышения в звании генералов, которые обсуждались в присутствии начальНЙГа'Кадрового отдела. Это и вправду весьма интересно, как в бундесвере становятся генералами. И вовсе не по недоразумению, как многие склонны думать. Однако пути, ведущие к новому званию, порой кажутся непостижимыми для обычного человека. В мою бытность генералом мне дважды приходилось слышать от товарищей слова разочарования по поводу моего повышения в звании или продвижения по службе. Так было, в частности, в случае с моим назначением начальником Службы военной контрразведки. Некоторые мои коллеги считали, что они больше, чем я, подходят для этой должности. Двое из них с горечью сами признались мне в этом. Несмотря на столь высокую самооценку, им, как они ни старались, так и не удалось достичь своей цели. Не помогли здесь ни приложенные усилия, ни угрозы подать жалобы.

Мои воспоминания о Военном оперативном совете омрачает одно событие, которое до сих пор никак не может оставить меня равнодушным. Однажды, ближе к обеду, мне в Гамбург позвонил тогдашний генеральный инспектор адмирал Армии Циммерман. Он хотел излить мне душу и поделиться своим горем. Утреннее заседание, очевидно, прошло очень напряжённо. Адмирал был разозлён.

Спустя несколько часов я получил ещё один звонок - из Бонна. Взволнованная секретарша адмирала сообщила мне, что тот во время конференции ВОС потерял сознание. Адмирала перенесли в кабинет, где за

ним следили врачи. Я был растерян, так как знал, что во время войны адмирал получил ранение в голову, куда ему была имплантирована серебряная пластина. Любое потрясение могло стать для него смертельным. В его лице бундесвер потерял своего генерального инспектора, который всей душой болел за войска и в то же время был джентльменом.

Поездка в Испанию

Незадолго до окончания срока своей службы генеральный инспектор Ульрих де Мезьер хотел посетить с официальным визитом своего испанского коллегу. Заручившись надёжной поддержкой испанского посольства, он тщательно подготовил всё необходимое для визита в начале марта. Испанская сторона также была заинтересована в визите. Готовясь к поездке, я узнал, что испанцы хотели сделать генеральному инспектору предложение о закупке 500 танков «Леопард I». Техническое оснащение испанской армии всё ещё оставалось на уровне гражданской войны. Командование испанской армии хотело заручиться поддержкой вермахта, полагаясь на прошлые связи, и вновь установить братские отношения в поставках вооружения, как это было во время Гражданской войны (легион «Кондор») и восточного похода. При подготовке визита на всех встречах в испанском посольстве я чувствовал заметную любезность. В результате я предложил генеральному инспектору весьма интересную программу визита. С немецкой стороны, правда, была одна проблема - для министра Хельмута Шмидта решающим было следующее важное условие: ни при каких обстоятельствах нельзя было встречаться с каудильо Франко. Я был поражён этим фактом, так как всему миру было известно, что Франко лично подготовил Испанию к переходу в современную монархию, а король Хуан Карлос уже был в полной боевой готовности, чтобы превратить Испанию в конституционную демократию. Политическая верхушка из Бонна выставила ещё одно условие: генеральный инспектор не должен был покровительствовать испанцам в сделке при покупке танков «Леопард II»; то есть в этом вопросе ему попросту заткнули рот политическими методами.

Как плохо я ещё тогда понимал Хельмута Шмидта! Там, в Мадриде, один человек лежал при смерти, а вся нация, эта гордая нация, готовилась к переменам исторического масштаба. Испания искала поддержки Германии. Германия довольно сильно симпатизировала этой стране. Немецкие политики в корне неправильно оценили действия испанской верхушки. Революция была уже позади, и Испания собиралась стать полноправным участником мирового сообщества. Испания гордилась тем, что смогла защитить Пиренейский полуостров от коммунизма и при этом заручиться поддержкой Германии. А как же боннское правительство? Оно видело там, на юге, только фашистов. Одних фашистов! Без сомнения, в тот год политики в Бонне никоим образом не были дальновидными. Они видели только товарищей, которые вместе с коммунистами оказывали сопротивление испанским фашистам, которых в то время уже не было.

Пришёл день вылета из Кёльна, но вылететь в этот день в Испанию нам так и не было суждено. Утром я проснулся с температурой 39 градусов. «О Боже, - подумал я, - нужно сейчас же позвонить генеральному инспектору и отменить полёт. Поездка невозможна».

Перед этим я решил позавтракать. Раздался телефонный звонок. То, что случилось дальше, было просто невероятным. На другом конце провода раздался немного искажённый голос генерального инспектора. «Господин Комосса, - сказал он, - случилось что-то ужасное - у меня грипп и высокая температура, нам необходимо отменить поездку в Испанию!» Я не знал, сказать ли ему, что я тоже болен, или нет. Всё же я ему этого не сказал. То, что происходило дальше, можно назвать организационной рутиной, которую пришлось улаживать с высокой температурой. Была лишь одна проблема, которой я как раз и опасался: испанская сторона не приняла болезнь генерального инспектора и его адъютанта всерьёз. Тут же возникли дипломатические сложности. Несомненно, испанцы знали, что немецкое правительство, прямо скажем, без энтузиазма относится к поездке в Испанию с целью решения военных вопросов. Однако отменить подобный визит в день вылета было, несомненно, крайне странно. Хотя генерал и я были действительно очень больны... но верить нам никто не хотел.

После этого в рабочем порядке я попытался устранить все возможные предположения, что визит был отменён по политическим причинам. Это мне удалось, правда, только тогда, когда я смог сообщить испанскому послу, что новый генеральный инспектор после вступления в должность совершит свой первый заграничный визит именно в Испанию. Это было, конечно, необычно, так как противоречило всем сложившимся традициям. Новый генеральный инспектор после вступления в должность всегда сначала направлялся в США или Францию, затем в Великобританию, а уж затем во все другие страны НАТО. Тем не менее, согласно протоколу, чёткой последовательности визитов не было. В этом вопросе, в качестве адъютанта генерального инспектора, я имел возможность выбирать страны для посещения, исходя из своих собственных решений. После несостоявшейся поездки генерала де Мезьера в Испанию я использовал все предоставленные мне возможности, чтобы в итоге у нового генерального инспектора адмирала Циммермана не осталось другого выбора, иначе как одобрить визит. Я мог его убедить в том, что любое другое решение незамедлительно приведёт к осложнению дипломатических отношений. Однако было необходимо, чтобы в данном вопросе бундесвер не оказывал никакого давления. Адмирал Циммерман принял решение: «Господин полковник, мы летим в Испанию! Только следите за тем, чтобы мы не встретились с Франко».

Эта поездка была особенным событием. Она началась в Мадриде и продолжилась в Сантьяго-де-Компостела и замке Алькасар. После приземления в отеле мы получили приглашение немецкого посла на встречу, посвящённую приёму гостей из Бонна. Мы поехали маленькой группой: генеральный инспектор с женой, вице-адмирал Требеш и я. Во время приёма отношение к нам было дружелюбным, даже сердечным. Вскоре я был уже

окружён испанскими генералами, которые немного говорили по-немецки и делали это с нескрываемым удовольствием. Стройный высокий генерал с особым интересом рассматривал мои награды на форме. Помимо креста за заслуги перед ФРГ, его сильно заинтересовали мои награды со Второй мировой войны. Испанские офицеры в моём возрасте имели, как и я, опыт ведения боевых действий в Советском Союзе. Они входили в состав «Голубой дивизии», которую генералиссимус Франко отправил на помощь немецкому вермахту на востоке в качестве благодарности за участие немецкого легиона «Кондор» в Гражданской войне в Испании.

Мы обменялись воспоминаниями. «Да, - сказал мой собеседник, - у меня такие же награды, как у и вас, вплоть до серебряного знака отличия за участие в рукопашном бою. Я ношу награды на форме, но не здесь, на немецкой территории, в посольстве Германии». Он заметил удивление в моём взгляде. Он думал, что я должен его понять. Он носил награды в том виде, в каком они были вручены ему ещё в 1944 г.

На следующий вечер нас в качестве гостей принимали в министерстве обороны Испании. Мой собеседник из немецкого посольства радостно поприветствовал меня как старого друга. Он показал на свою грудь и орденскую колодку, на которой, помимо испанских наград, также были и немецкие. На левом нагрудном кармане кителя висел Железный крест первого класса в своём первоначальном виде, а под ним - серебряный общий штурмовой знак.

После этого приёма по желанию адмирала мы пошли в известный фламенко-клуб в Мадриде. Нас провели вперёд почти до самой сцены, правда, фрау Циммерман не захотела сидеть так близко к сцене. «Дамы так сильно потеют», - подумала она и решила, что будет лучше, если там сядут генеральный инспектор и адмирал Требеш. Совет, который дала первая леди, был действительно разумным. Обнажённые и влажные тела в большом количестве и вправду выглядели не очень аппетитно. Всё же само представление было просто грандиозным. Мы смотрели на самых известных и лучших танцовщиц. Адмирал Требеш за несколько лет до этого был в Южной Америке и, наверное, неплохо научился там танцевать фламенко, о чём, видимо, знали испанцы. Внезапно одна из танцовщиц подошла к краю маленькой сцены, наклонилась и, протянув руку адмиралу, вытащила его на сцену. Сопротивление, которое он ей оказал, было скорее просто символическим. И вскоре танцовщицы закружились с адмиралом по сцене. Немецкому адмиралу и так уже доверили достаточно многое, но то, что происходило здесь, не шло ни с чем в сравнение. Адмирал танцевал в Мадриде.

Когда я позже устроил прощальный вечер в министерстве обороны в Бонне, контр-адмирал Герберт Требеш написал мне следующее личное письмо:

«Так как я не знаю, удастся ли нам поговорить об этом обстоятельстве наедине, я бы хотел сказать Вам, с каким удовольствием я работал вместе с

Вами эти прошедшие два года. Я имею в виду не только то, что Вы отличный адъютант как предыдущего, так и нынешнего генерального инспектора. Вы проявили преданность службе, превосходную коммуникабельность и неизменное терпение. Никто лучше меня не знает, сколько концентрации это требует, я также один из тех, кто понимает, какой объём работы нужно для этого проделать.

Кульминацией нашего с Вами общения для меня стала наша совместная поездка в Испанию в ноябре 1972 г. Я думаю, она способствовала расцвету нашего с Вами гармоничного сотрудничества».

Испанцы прочитали нам свои пожелания в качестве формальности. Уже в самолёте адмирал Циммерман мечтал ещё раз попробовать «frutti de tare», и сразу после приземления подали еду, какую он и хотел. Для меня незабываемым стало посещение собора в Сантьяго-де-Компостела и замка Алькасар: сердце церковной жизни и история войны.

Перед Алькасаром во внутреннем дворе располагалось формирование численностью в батальон. Вокруг была тишина, которую можно было почувствовать всем телом. Затем неожиданно более чем сотня человек запели военные песни, что служило сигналом к бою. После этого национальный гимн. Гордость испанских солдат было слышно во всей крепости и во всём городе. «Да здравствует Испания!» - раздался крик. Молча мы покинули место построения, думая о том, что когда-то отец услышал здесь по телефону, что его сына убили коммунисты. Живи долго, Испания! В тот же момент мне на память пришли последние слова Штауффенберга в Бендерблоке: «Да здравствует священная Германия!»

После этого мы посетили расположение сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота. Мы видели, как в кадетском корпусе в общей спальне ютились около сорока солдат.

Мы знали о проблеме очень маленького денежного довольствия, которое получали офицеры. Каждому офицеру назначали дополнительное занятие, чтобы тот мог поддерживать необходимый для себя уровень жизни. Испания была бедной страной, и авторитет Германии не мог быть выше в какой-либо другой стране, кроме как здесь. Естественно, испанская сторона выразила генеральному инспектору своё желание о приобретении танков «Леопард I», однако тот вынужден был уклониться от ответа в соответствии с инструкцией министра Шмидта. Испанская гордость была задета, но немецкие дипломаты не хотели этого замечать.

Генерал Франко во время нашего визита так и не появился. Он не хотел, чтобы у немецкой делегации возникли сложности. В последний вечер нашей поездки по желанию испанцев я воспользовался возможностью и удалился от своей группы для одного приватного разговора. Когда я вернулся назад в отель, с собой у меня был очень особенный подарок, который я до сих пор храню как ценное воспоминание. К сожалению, подарки от принимающей стороны, которые мы получали во время визитов за границу, необходимо

было заносить в протокол. Тем не менее их можно было заполучить себе за кругленькую сумму. Но для меня это того стоило.

Король Норвегии Улаф V в бункере НАТО

Моей задачей в командно-штабной Академии бундесвера в Гамбурге было поддержание мирной ситуации. Я занимал пост уполномоченного инспектора сухопутных войск в академии, а также в качестве руководителя оперативного спецкурса находился в распоряжении командира академии. В начале моей службы в академии, расположенной на территории, напоминающей парк, я сразу обратил внимание на две вещи: во-первых, меня здесь не ждали с распростёртыми объятиями, так как я разрушил все ожидания одного из офицеров на получение данной позиции. Он считал, что по сроку своей службы имеет больше прав занимать этот пост. С другой стороны, никто не мог поверить, что я назначен на эту позицию по политическим или партийным мотивам, как в то время часто считалось, так как у меня вообще не было партбилета, то есть я был политически независим. Порой во время моих публичных лекций - прежде всего в качестве командира в Байройте, Амберге и Вюрцбурге - слушатели могли решить что я могу принадлежать только к партии ХДС или ХСС, но и это не соответствовало правде.

В мои задачи в академии входила абсолютная требовательность по отношению к солдатам. В мою ответственность входила подготовка офицеров в вопросах, связанных с сухопутными войсками, а кроме того, дополнительное образование в области коллективной обороны. Мои обязанности также включали, как уже упоминалось ранее, организацию спецкурса по обороне страны и спецкурса для пресс-офицеров. Последний спецкурс был новым, и поэтому мне было необходимо составить для него план. В зону моей ответственности также входило проведение спецкурса для генерального штаба стран, не участвующих в НАТО, то есть офицеров из Индонезии, Судана, Пакистана, Чили, Аргентины и других стран, находящихся в дружественных отношениях с Германией. Позже это доставило мне некоторые сложности, когда на востоке, с подачи радио «Москва», против меня была начата совместная кампания: с периодичной регулярностью в Берлине, Дрездене, Лейпциге и других городах Восточной Германии появился ряд статей.

Дело было в том, что ответственность за обучение всех иностранных офицеров находилась в моих руках. Учитывая большое количество участников со всех стран мира, это задание имело особую важность. В особенности мне нравились «национальные дни» отдельных стран, когда представители какой-либо страны читали доклады в академии или даже устраивали представления с танцами. В особенности ценными были беседы до и после мероприятий, в которых часто принимали участие высокопоставленные представители разных стран, военные, служащие министерств иностранных дел, а также гражданские лица с немецкой

стороны. Так, например, среди них был тогдашний первый бургомистр Ульрих Клозе, в лице которого я нашёл для себя весьма интересного и компетентного собеседника.

Помимо задачи, обрисованной здесь в общих чертах, у меня было ещё и другое задание на случай войны - не менее важное и интересное. В случае военной тревоги я должен был отправиться на самолёте в Осло, чтобы там занять должность национального военного представителя. Во время всех заданий я должен был находиться в военной штаб-квартире НАТО под землёй, которая, как считалось, была защищена от действия ядерного оружия. В штабе работали посменно, офицеры были членами командования, то есть норвежцы сидели за одним столом с британцами и немцами. Кроме того, ещё существовало Национальное представительство. Здесь я работал вместе с маленьким штабом, сообщал немецкому министерству обороны о положении дел и выполнял поручения, поступавшие из Бонна. Бонн придерживался тактики учений, но в основном довольно сдержанно, и чётко следовал разработанному сценарию.

Совместная работа наций была, к общей радости, довольно слаженной из-за общего желания добиться успеха. В ходе учений мы постоянно подходили к тому моменту, когда на севере Норвегии уже было невозможно противостоять натиску Советской армии, и в этом случае предлагалось использовать последнее возможное средство. Чаще всего на этом учения заканчивались: не было ни победителей, ни побеждённых.

Жизнь в Осло вне бункера казалась мне весьма приятной. Город с утоптанными тротуарами был покрыт снегом, учения проходили в январе, воздух был чистым и холодным. Замок короля находился в центре города, словно вилла крупного промышленника.

Вечерами у нас была возможность выпить хорошего пива в баре, только нужно было следить за тем, чтобы вовремя заказать последнюю кружку - до 10 часов вечера, после чего продажа заканчивалась. Мы обратили внимание, что ближе к десяти часам норвежцы заказывали себе две или три кружки пива и затем крепко держались за них вплоть до полуночи. Здесь были свои традиции.

Его величество Улаф V (1903-1991), король Норвегии (1957-1991), имел привычку регулярно проверять штаб-квартиру около полудня во время очередного учения. Это происходило согласно установленному ритуалу, что нам, немецким солдатам, было весьма непривычно. Сначала нас проинструктировал один британский генерал, как мы должны вести себя при визите его величества: при приближении короля ко входу в бункер часы должны были пробить один раз, все присутствующие офицеры должны были вести себя более внимательно и прекратить разговоры. При приближении его величества к переговорной комнате на 100 шагов часы били два раза, и в этот момент должны были быть прекращены любые разговоры. При приближении его величества ко входу на 20 шагов все поднимались со своих мест и смотрели в сторону короля. В случае, если король приветствовал

собравшихся, ему можно было ответить, но не очень громко. Затем мы должны были подождать, пока британский главнокомандующий объединёнными вооружёнными силами НАТО проводит его величество на его место, и только когда король занимал своё место, мы могли сесть.

Когда король уходил из бункера, ритуал повторялся, но уже в обратном порядке.

Сама процедура была всегда одинаковой. Король Улаф проходил через центральный вход, шёл вперёд и, поворачивая голову налево и направо, с дружелюбной и спокойной улыбкой смотрел каждому участнику в глаза, чтобы потом занять своё место в центре первого ряда.

Начиналось заседание. После приветствия британского генерала тот передавал слово офицеру, следующему по очереди, им мог быть немец или норвежец, тот затем передавал слово следующему офицеру, если у его величества не было вопросов. Перед каждым брифингом о положении дел выступающий объяснял, что это информационный брифинг и король не должен принимать никаких решений, иначе это был бы уже брифинг для принятия решения.

Поначалу казалось, что его величество с интересом слушает выступающих. Затем всегда происходило одно и то же: голова короля склонялась к груди, и в зале отчётливо слышался храп. Незадолго до окончания брифинга британский главнокомандующий довольно громко кашлял и слегка трогал короля за левое плечо, тут он и просыпался. «Нет-нет, - говорил его величество, - у меня нет вопросов. Очень хороший брифинг. Большое спасибо!»

Король Улаф поднимался со своего места, офицеры вставали и занимали необходимую позицию. Его величество выходил из комнаты таким же образом, как и заходил, - смотря каждому присутствующему в каждом ряду прямо в глаза. Наверное, многие читатели подумают, что об этом можно было бы и не писать. Король всё-таки и есть король. Однако те, кто счёл этот эпизод за неуважение, ошибаются. Король Норвегии Улаф был одним из самых дружелюбных и любезных людей, кому мне когда-либо приходилось пожимать руку. Это была большая честь для меня. Ведь я уже говорил о тех обстоятельствах, когда я пожимал руку главе государства, бундесканцлеру и министрам.

Король Улаф V пригласил всех на обед. После обычной непринуждённой беседы за коктейлем ко мне подошёл главнокомандующий объединёнными военными силами НАТО и сказал: «Генерал Комосса, наследный принц Харальд хотел бы с вами познакомиться и просит, чтобы вы сели слева от него, сам он будет сидеть напротив его величества короля Улафа. Наследный принц интересуется вашими танками «Леопард», а вы ведь были командиром танковой бригады, не так ли?»

Я уже многое в жизни пережил, и на войне, и в бундесвере, но на такой поворот событий я никак не рассчитывал. Наследный принц Харальд был

самым обычным человеком, какого только можно себе представить. Он проявил себя как человек, разбирающийся в военной области, и знал, что танки «Леопард» не имели конкурентов во всём мире благодаря своему сочетанию огневой мощи, ходовых характеристик и брони. Ни русские, ни американцы не могли на тот момент предложить вооружение такого же уровня. За обедом произошёл профессиональный обмен мнениями двух солдат, у которых были обшие интересы, а именно - боевые танки и их боевые возможности; остальную часть разговора, думаю, описывать не стоит. Я был очень рад такому знакомству с королевским домом Норвегии. Это было совсем не так, как с какими-нибудь немецкими политиками, которые чаше всего смотрели на солдат свысока.

Искусство в министерстве обороны

Изменения в политической верхушке министерства обороны вскоре были использованы некоторыми «деятелями искусства», которые до этого не смогли столь успешно заявить о себе. Было известно, что Хельмут Шмидт очень любил музыку, а вот к изобразительному искусству - живописи и скульптуре - относился неоднозначно. Любовь к музыке была одним из увлечений, которое лично связывало Хельмута Шмидта с генералом Ульрихом де Мезьером. Позже они оба устраивали музыкальные вечера, которые с нескрываемым удовольствием посещали многие гости.

Когда у меня однажды появилась причина обратить внимание генерала на тот факт, что министр повёл себя не совсем правильно в отношении него, генерал выпрямился, сидя за своим столом, серьёзно посмотрел на меня и сказал: «Но, господин Комосса, такого не может быть. Нет! Министр ведь человек искусства».Что именно думал генерал в этот момент, можно было выразить одним лишь словом: невозможно! Тем не менее это, как и многое другое в министерстве обороны, было возможно. Министр не соврал своему генералу, но и не сказал всю правду.

Во главе министерства был коллегиальный орган, состоящий, как было известно, из министра, трёх или четырёх статс-секретарей и генерального инспектора. Этот орган был мозгом министерства. Здесь составлялись планы и здесь принимались решения.

На один уровень ниже находилось собрание руководителей отдела, которое собиралось регулярно по понедельникам и в которое входили все руководители отделов или их заместители. В их задачу входило информирование политической верхушки о действиях военных сил.

Эти собрания были крайне интересными. Министр использовал их прежде всего для подготовки к принятию решения. Так как заседания начинались в 9 утра по понедельникам, что для министра было очень рано, вначале обсуждались только незначительные пункты повестки дня. Важные решения подготавливались, а принимались только в присутствии министра, а это, как правило, было поздним вечером. Министр Шмидт был настоящей

совой.

Но это вовсе не означает, что министр использовал заседание, длившееся несколько часов, для собственных целей, как в 2005 г. однажды сделал министр внутренних дел Германии Отто Шили. В основном министр назначал заседания, на которых решались вопросы о занятии ключевых постов бундесвера и в итоге принимались решения, на 10 часов вечера. Конечно, этим утверждением я не преследую никаких определённых целей, я просто хочу честно рассказать, как в то время обстояли дела в министерстве обороны при Хельмуте Шмидте.

Эти личные совещания начинались, как я уже говорил, около 10 часов вечера и, как правило, заканчивались не раньше часа ночи. К полуночи внимание генералов уже было рассеянным, в то время как министр, казалось, становился всё бодрее и бодрее. Иногда получалось так, что по-настоящему важные решения, такие, как занятие ключевых военных постов, принимались ближе к концу заседания. Иногда случалось и так, что к этому времени генералы уже довольно сильно уставали и ограничивались краткими изречениями. Министр Шмидт, напротив, с наслаждением потягивал ментоловую сигарету и с удовлетворением констатировал согласие всех присутствующих.

«Хельмут Шмидт - человек искусства», - в своё время сказал генеральный инспектор. Действительно. «Человек искусства такого бы не сделал». Так что же такого он всё-таки не сделал? Коллегия, о которой говорилось выше, принимала действительно важные решения. Она собиралась втайне. Однажды я не был уверен, в какое время должнр начаться заседание. Я зашёл в приёмную министра и спросил его секретаршу Лизелотту Шмарсоу о времени начала. «В девять часов, - сказала она, - или нет, подождите, в десять тридцать. В девять собирается малая коллегия». Конечно, это навело меня на некоторые раздумья. До сих пор генеральный инспектор считал, что он был таким же членом собрания, как министр и его статс-секретари. О существовании «малой коллегии» др этого он даже не подозревал. Тем не менее, когда я ему рассказал об этом, он выдал важное замечание: «Но ведь министр человек искусства. А люди искусства, как давно известно, не бывают лгунами».

Я не знаю, узнал ли генеральный инспектор от кого-либо другого, что и искусствоведы не всегда говорят правду. Я не хотел и дальше портить ту почти идеальную картину, которую генералу обрисовывал его министр. Репутация министра как уникального человека и личности не должна была быть испорчена в представлении генерала. Кроме того, искренние человеческие отношения между генералом и его министром не должны были дать трещину. И я говорю здесь об этом совершенно серьёзно. Министр не врал генеральному инспектору, он просто порой говорил ему не всё, что знал. Как однажды сказал церковный учитель Фома Аквинский: «Порой если о чём-то умолчать - это будет менее болезненно, чем сказать всю правду».

Адъютант-спичрайтер

Поручения адъютанта генерального инспектора бундесвера были всегда разнообразными и во всех отношениях интересными. Хоть эта должность и не была включена в устав, адъютант по праву считался правой рукой своего начальника. Он принимал участие во всех важных обсуждениях, которые вёл генеральный инспектор. При этом не играло никакой роли, была ли эта встреча с инспектором какого-либо вида вооружённых сил или с министром. Адъютант занимался подготовкой таких встреч, участвовал в них и вёл запись.

При каждом визите какого-либо иностранного начальника генерального штаба независимо от того, являлась ли эта страна членом НАТО или нет, на встрече присутствовал адъютант, вёл запись и в качестве первого офицера обсуждал результаты встречи со своим начальником. Как говорили в НАТО, он был «note-taker», или стенографист.

Генеральные инспекторы Германии, которым я имел честь служить, как люди особо не отличались друг от друга. Первым был генерал Хайнц Треттнер, которому я служил, когда тот не был ещё генеральным инспектором, а ещё занимал пост инспектора Первого корпуса в Мюнстере. Треттнер был, как я уже говорил, общевойсковым командиром. Он был одним из основателей и создателей немецких парашютно-десантных войск, вместе с которыми он высадился в тыл врага в Роттердаме, а позже на острове Крит.

Его первое назначение в бундесвере было в расположении НАТО во французском Фонтенбло. Оттуда он переехал в Мюнстер. В отличие от своих коллег-генералов Треттнер был католиком. При встрече с военным епископом Хенгсбахом он склонял колено и целовал епископу кольцо на руке. Он был храбрым солдатом и настоящим примером для своих войск. Треттнер требовал короткие и чёткие доклады. Он быстро принимал решения, но тем не менее понимал, что образ действий в мирное время отличается от образа действий на войне. Многие высокопоставленные офицеры, стоявшие у истоков бундесвера, не хотели или не могли этого понять.

Генерал Ульрих де Мезьер, офицер, обладающий тонким художественным восприятием и высшим образованием, был как раз одним из таких. Конечно, его назначение во время Второй мировой войны - прежде всего в штаб-квартире фюрера - оказало влияние на его личность. Прежде чем генерал принимал какое-либо решение, он тщательно проверял все бумаги. Если это было необходимо, он брал очень острый карандаш и вносил исправления в представленный ему документ. Особенно ему нравились удачные формулировки, хоть он и пытался подавить в себе искушение придумать фразу «поискуснее» или выразиться более интеллигентно.

К интересным задачам адъютанта генерального инспектора относилась подготовка текстов его выступлений, а в некоторых случаях, таких как, например, увольнение со службы инспектора какого-либо вида войск, и для

выступлений министра обороны. Во время моей службы в качестве адъютанта Ульриха де Мезьера и адмирала Циммермана, помимо речей для генерального инспектора и его заместителей, я иногда составлял речи для министра Хельмута Шмидта. Конечно, до этого в качестве основы речи я должен был раздобыть информацию в оперативном штабе. В случае с инспектором военно-морских сил, адмиралом Йешоннеком, я написал его предыдущему адъютанту, который мне здорово помог. В этом случае я смог украсить речь описанием некоторых эпизодов. Адмирал, будучи ещё кадетом, имел привычку, при любой выдавшейся возможности носить с собой фотоаппарат - его не смущал даже сильный ветер на мачте учебного парусного судна «Горх Фок». Однажды, когда он в очередной раз забрался на верхушку мачты во время сильного ветра, ему не удалось сделать ни одного кадра: фотоаппарат упал на палубу корабля с самой верхушки мачты. Чёрт побери, думал кадет, это ведь настоящая немецкая камера. Это была «лейка».

Во время работы с адмиралом Циммерманом мне однажды пришлось сильно попотеть при подготовке речи адмирала перед немецкими офицерами в штаб-квартире НАТО в Монсе. Адмирал читал свою первую речь после вступления в должность генерального инспектора и хотел представить в ней свой анализ военно-политической обстановки. В речи должно быть продумано каждое слово, думал я. И вот день выступления настал. Старший по должности офицер штаб-квартиры представил адмирала офицерам, и тот попросил всех садиться. Как мне показалось, оттуда, сверху, его взгляд был немного хитрым. Конечно, до начала выступления я незаметно положил текст речи на трибуну. После нескольких приветственных слов, без которых подобный случай не обходится ни в одной армии, адмирал - как мне показалось, демонстративно - отложил мой текст в сторону. Он говорил без бумажки.

После своего выступления он спросил меня с лёгкой улыбкой: «Ну как, согласны? Что скажете насчёт речи?»

«Восхитительно», - сказал я. И это было правдой.

Работа с адмиралом мне действительно доставляла радость. Ко многим вещам он относился не так серьёзно, как многие другие начальники. Кроме того, при подготовке его речей у меня никогда не возникало никаких проблем. Это объяснялось скорее всего тем, что мне был хорошо понятен образ мыслей адмирала. Через некоторое время я начал думать как он. Это очень сильно облегчало нашу с ним совместную работу.

Я бы не сказал, что для министра Шмидта готовить речи было сложнее. Во время работы с ним я вскоре начал понимать и его, и о чём он думал, и как хотел формулировать мысли. У Хельмута Шмидта была, конечно, своя собственная, индивидуальная манера речи: в основном краткая, почти солдатская потону, с заметными интервалами. Порой он пытался читать наставления, но они никогда не оказывали должного эффекта. Я думаю, читатель меня простит, но я никогда не считал наставления чем-то ужасным.

Всем было известно, что Хельмут Шмидт уже в течение нескольких десятков лет женат на учительнице по имени Ганнелоре, или попросту Локи. Настоящая леди и очень необычная женщина! Локи Шмидт по праву высоко ценили в министерстве. И конечно, не просто ценили. Её сдержанная скромность могла заворожить любого собеседника. В своей области она - настоящий профессионал.

При подготовке хвалебной речи для министра Шмидта, посвящённой уходу в отставку генерала Ульриха де Мезьера, мне пришлось постараться не меньше, чем когда я писал речь для первого выступления адмирала Циммермана перед немецкими офицерами в командовании НАТО. Наверное, даже ещё больше. Необычным в этом случае был тот факт, что мне было необходимо одновременно подготовить проект речи для министра и прощальную речь для генерального инспектора де Мезьера. И я хочу признать, что это испытание мне пришлось по нраву.

Позже я был просто потрясён тем, что из моей речи сделал Хельмут Шмидт. Первые две страницы моей прекрасной и благозвучной речи он просто полностью изменил. На деле это оказалось чудовищным. В моём варианте речи я предложил министру похвалить генерала за его заслуги на непростом посту, в присутствии высоких военных чинов и таких же высоких, если не ещё более высоких, гостей. Но вместо этого я услышал, как министр начал свою хвалебную речь со следующих слов: «У этого генерала, уважаемые дамы и господа, не было в подчинении ни одного солдата». Этого я совсем не ожидал, хоть то, что говорил министр, было полностью правильно. Выступающий, конечно, говорил это всё не со зла. Тем не менее любой военный поймёт, что подобное утверждение может задеть и даже причинить боль. Меня эта фраза задела. Вплоть до своего ухода с поста у генерала де Мезьера действительно не было дисциплинарного права по отношению к солдатам. Тем не менее, как и все его предшественники со дня основания бундесвера, он мужественно или даже отчаянно за него боролся.

Остальная часть речи министра была также его собственным творением, хотя иногда я и узнавал некоторые абзацы, сформулированные мною.

Под командованием США

12-я танковая дивизия в местечке Вюрцбургер-Штайн

Среди 12 немецких дивизий была одна, которая даже в условиях мирного времени подчинялась на случай военных действий 7-му корпусу США, расквартированному в Штутгарте. Это была 12-я танковая дивизия, располагавшаяся в местечке Файтсхёххайм под Вюрцбургом. При выборе кандидата на должность командира этой дивизии должны были учитываться некоторые условия, которые в случае с другими дивизиями были необязательны. Командир этой дивизии должен был обладать отличным

знанием английского языка, владеть стратегией и тактикой армии США и желательно по своему складу ума быть ориентированным на международное сотрудничество.

При выборе преемника для тогдашнего командира генерал-майора Герта Бастиана обозначился совсем небольшой круг кандидатов на этот пост. Ситуация осложнялась тем, что после эры генерала Бастиана необходим был такой командир, который не был бы в политическом смысле настроен прорусски и имел бы другое отношение к базовым ценностям западного мира, нежели принадлежавший к движению «зелёных» генерал Герт Бастиан, который, похоже, надеялся сначала подняться по карьерной лестнице на «волне Венера», а затем сделаться незаменимым в качестве первого «зелёного» генерала. Герт Бастиан любой ценой хотел стать «трёхзвёздным» генералом, даже ценой своих прежних политических убеждений, до этого по политической позиции генерала его можно было скорее отнести к «чёрным», нежели к «красным» или «зелёным». Бастиан приспосабливался и менял окраску, если это способствовало успеху и служило карьерному росту. Он был таким солдатом, который от нетерпения относительно своих карьерных перспектив слишком рано устремился к высоким целям. С учётом различных факторов в качестве преемника генерала Бастиана можно было рассматривать всего нескольких генералов, одним из которых определённо был я, не в последнюю очередь из политических соображений. Перед министром обороны после дилеммы Бастиана стояла проблема отправить в Файтсхёххайм под Вюрцбургом такого командира, который бы имел достаточную квалификацию, был бы неуязвим в политическом отношении и полностью устраивал бы американских военных. В то время, может быть, действительно таким требованиям отвечал только один человек. И вот я получил приказ о переводе из МАД в 12-ю танковую дивизию вместо запланированного прежде перевода в 7-ю мотопехотную дивизию в Унне, хотя для этого назначения я прошёл основательный инструктаж на месте дислокации и передача командования была подготовлена до мелочей. Газета «Липпшеландесцайтунг» 1 февраля 1980 г. уже сообщила следующее: «Прежде редко случалось такое, что смена командира 7-й мотопехотной дивизии ("Вестфальской", как её называют сами военнослужащие), штаб которой располагается в казармах Хелльвег в местечке Унна, привлекла к себе такое большое внимание. Бригадный генерал Герд-Хельмут Комосса 1 апреля сменит генерал-майора д-ра Готтфрида Грайнера. Комосса, в настоящее время занимающий пост начальника службы безопасности бундесвера в Кёльне, практически получает назначение "в войска". Он принимает командование 7-й мотопехотной дивизией, в состав которой входит также 21 -я Аугустдорфская танковая бригада, у генерала д-ра Грайнера. Для офицеров в Унне Комосса своего рода "тайна за семью печатями"».

Нет смысла задаваться вопросом, был ли я согласен с таким решением. В Вюрцбурге вино лучше, чем в земле Северный Рейн-Вестфалия, и уже одно

это обстоятельство было решающим аргументом. Помимо этого, должен признать, меня привлекала эта задача, которая по политическим соображениям имела характер своего рода вызова - быть «после Бастиана». Я хотел доказать, что в этой армии солдат и без политической протекции может добиться высоких постов. Вюрцбург был одним из самых моих любимых гарнизонов.

Мой командир и прямой путь

После совещания командиров в командовании корпуса генерал, мой непосредственный командир, отвёл меня в сторону. Он смотрел мимо меня, словно что-то искал глазами за окном, потом сказал: «Так, господин Комосса, вы, значит, министру письма пишете! Это нам совсем не нравится. Нет, инспектор тоже возмущён». Что же произошло? Министр Ганс Апель тогда недолго занимал свой пост и как раз готовился к своему первому визиту к американским союзникам в Вашингтон.

У американцев после прихода к власти президента Рейгана намечались большие перемены во внешней политике и политике безопасности. Определённые слухи становились достоянием общественности. Казалось, что новый президент Рональд Рейган хочет бросить вызов Советам и после президента Картера изменить курс в отношении Советского Союза.

Как уже указывалось, командир 12-й танковой дивизии был единственным немецким командиром дивизии, который в случае боевых действий подчинялся командованию 7-го корпуса США. Командующим генералом этого корпуса в то время был генерал-лейтенант Джулиус Уэсли Бектон. В армии США время от времени раздавались критические замечания относительно квалификации офицеров небелого цвета кожи. Генерал Бектон был для меня доказательством того, что этот тезис был ошибочен. Это был командир, который особенно корректно и по-товарищески относился к находящемуся в его подчинении немецкому командиру дивизии. Во время совещаний у командира генерал Бектон, например, всегда следил за тем, чтобы немецкий командир дивизии сидел по правую руку от него. За рамками совещаний, конечно же, всегда были и доверительные беседы. На одном из совещаний в штабе 7-го корпуса обсуждались новые направления политики президента Рональда Рейгана, и командиров дивизий ознакомили с его первыми решениями. Среди них было решение об ускоренном создании океанского транспортного флота, который позволил бы США за несколько дней перебросить в Европу четыре-пять дополнительных дивизий. С учётом тогдашнего состояния бюджета США это был дорогостоящий и очень рискованный проект.

Обсуждался также целый ряд других тем. Когда дело дошло до обсуждения 5-го пункта повестки дня, генерал Бектон обратил внимание на то, что при рассылке документов меня, немецкого генерала, участвующего в совещании, обнесли. «Как это так? - спросил он. - Ты не получил документов по 5-му пункту? Ты же тогда не сможешь понять, о чём мы будем говорить».

Бектон кивком подозвал дежурного офицера и приказал ему дать мне экземпляр документов. «Сэр, - сказал тот, - это информация только для офицеров армии США!» На что Бектон заметил: «Что это значит? Ведь генерал тогда не сможет понять, о чём идёт речь, если он не знаком с документом. Дайте ему один экземпляр!»

Таким образом, я смог узнать, что в документе содержались точные данные о внутренних проблемах армии США. Этот отчёт имел степень допуска «секрет США». Конечно же, он предназначался только для американских глаз. Но генерала это не беспокоило. Я, разумеется, с пониманием отнёсся бы к тому, что мне отказали бы с соответствующим комментарием в предоставлении документа, имеющего национальную классификацию. Другие темы документа из Вашингтона, обсуждавшиеся на этом совещании, были также очень актуальны и имели степень допуска «секрет США». Было очевидно, что круг допущенных лиц должен быть в высшей степени небольшим и надёжным. Со столь сложной ситуацией я сталкивался и раньше, когда работал в штабе Группы армий в Центральной Европе в качестве офицера по вопросам ядерного планирования. Приходилось делать выбор. Доводить эту информацию до сведения национального командования или же искать какой-то другой путь? В большинстве случаев я принимал решение в пользу последнего варианта, если видел в этом необходимость. Мне было ясно, что в первую очередь я ответственен перед своей страной за то, чтобы передать эту информацию моему руководству, и сделать это надо было самым коротким путём. Сделать это в установленном порядке - через штаб дивизии и командование корпуса в Кобленце, через главный штаб сухопутных войск, генеральный штаб, генерального инспектора, через госсекретаря и до министра обороны Апеля - это был бы слишком долгий путь. Выбор этого пути означал, что министр узнал бы о новых тенденциях только по возвращении из США. Поэтому я решил, используя особый канал, лично довести эту информацию до сведения министра - с тем, чтобы он поехал в США подготовленным. Безусловно, этот документ был очень полезен министру для ведения переговоров в Вашингтоне. Таким образом он с опережением получил бы необходимую информацию и смог бы подготовиться к возможным вопросам. Остальных своих командиров я, конечно же, собирался проинформировать об этом при ближайшей возможности.

Не исключено, что такие действия могли бы повредить моей дальнейшей карьере. Неожиданно мой непосредственный командир, генерал 3-го корпуса, посчитал меня слишком старым для присвоения очередного звания: «Господин Комосса, вы можете быть довольны двумя генеральскими звёздами. Для третьей звезды вы уже староваты». Вскоре после этого повышение получил один сослуживец, который был не моложе меня. Товарищеские узы могут быть очень прочными, и часто в этом огромное преимущество. Конечно же, я не могу пожаловаться на ущемления в карьерном росте, зная, каким образом в Бонне действительно «делают» генералов. Тогда я решил напрямую предоставить информацию, поскольку в

своё время, будучи офицером по вопросам ядерного планирования в Мангейм-Зеккенхайме, у меня была возможность убедиться в том, что значит «установленный порядок» в министерстве обороны. Тогда в штабе НАТО я получил доступ к информации о применении атомного оружия, которая была неизвестна в боннском министерстве. Я знал, что мой французский коллега по штабу регулярно посещал учреждение своего национального ведомства и отчитывался там. То же самое делал и мой американский сослуживец Боб Данн. Скорее всего оба получали от своих национальных штабов определённые указания, касающиеся их работы в штабе НАТО. Это же было недопустимо, чтобы здесь, в Мангейм-Зеккенхайме, велись работы над планами применения атомного оружия, а министерство обороны в Бонне не было бы информировано об этом. Меня никто не спрашивал, над какими проектами я там работаю. Казалось, что в Бонне это никого не интересовало.

То, что планировалось в Мангейме, имело чрезвычайно большое значение для нашей страны. Как я уже писал, во время одного совещания по планированию целей ударов я обратил внимание на то, что цели для двух запланированных ядерных ударов на территории Западной Германии находились вблизи плотин и в случае нанесения этих ударов погибло бы много гражданского населения. Об этом я тоже хотел информировать инстанции в Бонне на Хардтхёэ. С этой целью я записался на доклад к руководителю соответствующего подразделения. Изложить вопрос мне не удалось. Едва я начал докладывать, полковник сказал мне: «Ах, знаете, сейчас у нас в Бонне совсем другие проблемы. У нас просто нет времени заниматься вашими ядерными штучками и прочими подобными вещами! Посмотрите на горы бумаг на моём столе! Всё это - докладные для руководства! И все они ещё должны быть завизированы генеральным инспектором и статс-секретарём!» Таким образом, я получил еше один урок и с этим вернулся в штаб НАТО Группы армий Центральной Европы. Позднее этот урок явился причиной того, что в случае с «отложенной опасностью» для того, чтобы пробиться через эти деликатные сферы, я решил пойти напрямую. Итак, после этого разговора в штабе сухопутных войск я обратился непосредственно к генеральному инспектору генералу Хайнцу Треттнеру, который сразу же выразил большой интерес к этой специфической теме. Генерал Треттнер живо интересовался проблемами ядерного планирования НАТО, что в то время было нехарактерно для всех немецких генералов. Как уже было сказано, иногда и самый простой солдат должен идти особым путём, этот тезис в немецкой армии мы заучили в рамках обоснования тактики выполнения поставленной задачи. Но в действительности и в практике повседневной службы иногда всё выглядит по-другому.

С генералом Третгнером у меня вскоре завязалась переписка особого рода, которая послужила важным подспорьем в моей работе в штабе НАТО. В результате общения с ним у меня возникло ощущение, что в Бонне на уровне высшего военного руководства меня всё-таки смогут внимательно выслушать в отличие от других командных инстанций. В них действительно люди

занимались другими вещами, например, такими, как вопрос о ширине знаков отличия на погонах фельдфебеля...

Действительно, для референта, особенно для молодого человека, работа в министерстве обороны была очень непростой. Если человек в своей прежней работе руководствовался принципом «приказ и послушание», то здесь речь шла о согласованиях и подписаниях, визированиях в других службах. Из воинских частей поступали требования, из аппарата министра и статс-секретаря тоже поступали требования и запросы. Помимо этого, были согласования с другими ведомствами, в первую очередь с министерством иностранных дел. Человека могло охватить отчаяние!

С Хельмутом Шмидтом для бундесвера началась новая эра, штаб буквально бомбардировался запросами из его ведомства. Например, почему командир части в Бремен-Шваневеде приказал одной из своих рот, возвращавшихся в казарму, совершать марш под песню? Не было ли это милитаристским выпадом? Или почему, запрашивал статс-секретарь Вилли Беркхан, рота на марше исполняла песню «Увидимся снова на Одерском пляже»? Это же чистой воды фашистская или реваншистская выходка! Необходимо было незамедлительно принять дисциплинарные меры в отношении командира роты. В любом случае количество телефонных звонков увеличилось и возникла довольно объёмная переписка. Если статс-секретарь Беркхан был недоволен результатами расследования, вся процедура запускалась заново с самого начала. Совсем напряжённой ситуация становилась, если какой-то местный партийный секретарь был недоволен ответом военного ведомства в Бонне. В конце концов, солдат был подчинён интересам политики. Однако часто возникало впечатление, что мало кто из тех в Бонне, кто занимался военной политикой, читал военного философа Карла фон Клаузевица или понял прочитанное. Если же возникала необходимость, как это иногда случалось в Академии командного состава, процитировать его, например, в торжественном докладе, в дальнейшем было достаточно просто указать, что, согласно Клаузевицу, война является продолжением политики с использованием других средств. Как правило, этого было достаточно для ответа образованного штабного офицера, хотя следует признать, что некоторые выпускники Академии командного состава в Гамбург-Бланкензее за время учёбы полностью прочитали его книгу «О войне».

Подобного рода запросы зачастую сильно мешали штабам родов войск выполнять их профессиональную плановую работу. Так как в первую очередь необходимо было реагировать на все запросы из «барака» - штаб-квартиры СДПГ на Кобленцерштрассе - и из аппарата министра. Эти запросы необходимо было отрабатывать незамедлительно. Необходимо с пониманием относиться к тому, что в таких обстоятельствах очень непросто заниматься ещё и принципами применения ядерного оружия. Ну ладно, НАТО всё сделает как надо - так, наверное, думали некоторые в Бонне.

Что я говорю своим солдатам перед их демобилизацией?

Был конец квартала. Через несколько минут солнце зайдёт за горизонт, думал я. Стоя у окна своего кабинета, я наблюдал, как небольшая группа уволенных солдат срочной службы торопливо шла в сторону ворот казармы. Их походка показалась мне слегка неуверенной. Ну вот, день демобилизации подходит к концу. В дверь постучали. Это был штабной офицер по личному составу, подполковник Шмидт, он прервал ход моих мыслей. «Ребята рады, что возвращаются домой», - сказал Шмидт и указал на группу молодых людей. Тогда мне пришла в голову одна мысль. «Скажите, господин Шмидт, как вообще в дивизии происходит увольнение в запас?» После некоторой паузы Шмидт ответил: «Господин генерал, это - чисто рутинная процедура. Военнослужащие получают документы, затем производится повторное построение роты, сдаётся снаряжение и - домой к мамам».

«Но увольнение в запас, - спросил я°, - должно же сопровождаться каким-то достойным аккордом?» Выходило таким образом, что каждый командир роты сам решал, где и как его люди простятся с армией.

Вот уже и караул выходит, чтобы спустить флаг. В это время года темнеет рано, думал я.

Ребята, которые спешили к воротам казармы, остановились, встали по стойке «смирно» с равнением на знамя и ждали, пока закончится церемония. Мне пришла в голову мысль. Я думал, каким образом увольнение в запас можно было бы оформить достойно и празднично. Я думал о том, что каждый командир, занимающий высокий пост, в конце своей службы удостаивается чести торжественного марша воинского подразделения. А что получает обычный солдат за свою службу? Шмидту эта идея понравилась, и решение было быстро принято. Я приказал ему при демобилизации очередной партии военнослужащих 15 декабря во всех подразделениях 12-й танковой дивизии выбрать представителей среди демобилизованных и доставить их в штаб дивизии в Файтсхёххайм, где состоится праздничная церемония прощания. Затем в зале я запланировал откупорить бочку пива.

Подполковник Шмидт был толковым офицером и прекрасно соответствовал своей должности офицера по работе с личным составом. Правда, в его речи всегда присутствовала лёгкая ирония, но даже эта ирония была мне симпатична. В штабе 12-й дивизии в его лице у меня был хороший помощник.

Солдатская служба часто рутинна по своему характеру. Всё уже когда-то кто-то делал. В большинстве случае всё проходило хорошо. Почему нужно менять что-то, что в течение многих лет хорошо работает? Инструкторы были хорошо подготовлены, мотивированы и имели большой опыт. Распорядок службы существовал годами и хорошо зарекомендовал себя, т.е. для внедрения каких-то новшеств не было оснований. Главный принцип немецких армий, тактика выполнения задачи, к сожалению, в будничной

жизни часто упирался в собственные границы. Всё проходило по плану. Подготовка личного состава проходила по плану, так же, как и учения на местности, обучение вождению и боевая подготовка. На все виды деятельности в войсках есть свои регламенты. Очевидно, регламента для праздничных проводов военнообязанных не было. Я никогда не был особым сторонником рутины. Мне часто и очень сильно хотелось что-нибудь изменить, как в этом случае с проводами демобилизованных. Предполагаю, что и эта процедура вскоре тоже превратилась в рутину.

В этом случае с проводами демобилизованных я решил кое-что изменить. 15 декабря 1981 г. я стоял в гарнизонном зале перед собравшимися демобилизованными 12-й танковой дивизии и прощался с ними после завершения их срока службы.

Моё намерение состояло в том, чтобы прежде чем отпустить домой солдат, которые служили нашей стране, им необходимо за их верную службу высказать благодарность государства. Заинтересованный читатель будет удивлён тем, что кое-что из того, что командир дивизии тогда сказал своим солдатам, до сегодняшнего дня осталось важным и значимым. Международное положение изменилось, это естественно, но самое главное в солдатской службе остаётся актуальным на протяжении десятилетий. Тогда я сказал своим солдатам 12-й танковой дивизии в том числе следующее:

В эти дни в очередной раз тысячи молодых людей после прохождения воинской службы покидают бундесвер и возвращаются к гражданской жизни. Эта процедура, это событие повторяются из года в год и, кажется, уже стало совершенно рутинным мероприятием. Для виновников сегодняшнего торжества это завершение значительного этапа в их молодой жизни. Это событие является поводом для того, чтобы собрать представителей демобилизующихся солдат здесь, в штабе дивизии, и в их лице попрощаться со всеми их сослуживцами и в качестве напутствия высказать несколько соображений, которые имеют для меня особое значение (...).

Вначале Вас, конечно, будет переполнять радость: вы возвращаетесь к семье, к подруге, к прежней профессии, снова получаете возможность больше зарабатывать и устраивать свою жизнь по собственному усмотрению. Но очень скоро Вы почувствуете, что служба в армии накладывает отпечаток на Вашу дальнейшую жизнь и что последствия этого опыта имеют долгосрочное действие. В этой связи позвольте мне в качестве напутствия высказать несколько соображений.

Служба в армии есть служба во имя мира. Не позволяйте ввести себя в заблуждение тем многочисленным группам, которые полагают, что мир без оружия был бы более надёжным миром. Ваше понятное стремление к миру, которое я безгранично разделяю, может привести Вас к опасному убеждению в том, что там, где нет оружия, не может возникнуть война. Эти в большинстве своём молодые люди, за спинами которых стоят старшие, создают картину такого мира, которого не существует, - далёкого от

реальности и искажённого мышления, подменяющего трезвый анализ действительности своими желаниями.

Мы лучше знаем, как дело обстоит. До тех пор, пока не удалось изменить человека - а я с большим пессимизмом отношусь к идеологам, которые пытаются изменить человека, - не получится на планете изжить насилие и стремление к власти, не получится искоренить идеологии, которые стремятся расширить сферу своего влияния, в том числе и с помощью силы (...).

Вы, мои товарищи по оружию, внесли свой личный вклад в обеспечение безопасности нашей Родины. Вы заслуживаете признания. Вы можете гордиться тем, что сделали для этого больше, чем многие другие. Я говорю

здесь не о тех молодых людях, которые по зову своей совести отказываются служить в армии или в качестве альтернативной службы работают в социальных учреждениях. К этим людям я отношусь с уважением (...).

Личная аудиенция у Папы

Трижды по делам службы в качестве военнослужащего я бывал в Риме. Одна поездка была связана с углублением сотрудничества с итальянскими секретными службами, во время второй поездки речь шла об улучшении сотрудничества Академии командного состава бундесвера с итальянской академией. Такому обмену слушателями курсов и офицерами учебных отделов я уделял особое внимание во время работы в Академии командного состава. Такое же сотрудничество было и с французской Академией высшего командного состава.

Во время визита в Италию в качестве шефа МАД у меня была возможность взять с собой жену. Это было как раз накануне Пасхи, и мы вместе со многими тысячами других людей стояли на площади перед собором Св. Петра, слушали слова Папы и получили его святейшее благословение. Это было большое и очень впечатляющее событие. При подготовке программы нашего пребывания итальянские коллеги постарались максимально познакомить нас с Римом и его историей. Они сводили нас в катакомбы и организовали посещение летней резиденции Папы в замке Гандольфо, во дворце замка князя Барберини для нас был организован обед. Мы посетили Испанскую лестницу и Колизей. Это было очень большое переживание для нас. При этом не имело особого значения, что руководитель принимающей стороны, очаровательный генерал С., который показал мне в Риме так много красивых и интересных мест, позднее по причине предполагаемой связи с мафией, как об этом сообщалось, попал в неприятную ситуацию. Сотрудники секретных служб очень легко могут попасть под подозрение в недопустимых связях с различными группировками.

Этот генерал в Риме объяснил моей жене происхождение моей фамилии.

До этого она думала, что я восточный пруссак, что-то вроде поляка наполовину. «О нет, - объяснил генерал С. моей жене. - Комосса происходит из итальянского языка и означает «пришедший в движение», синьора».

Кстати сказать, другой коллега, итальянский генерал Паризио, который после этого был моим гостем в Академии командного состава в Гамбурге, подтвердил это. Когда я прощался с делегацией, я сказал несколько слов по-итальянски. Генерал Паризио совершенно спонтанно подошёл ко мне, обнял меня и сказал: «Синьор генерал, я - Комосса (я - тронут. - Примеч. пер.)».

Моя первая и особенно необычная поездка в Рим состоялась в рамках семинара католического военного попечительского общества для католических генералов и штабных офицеров по приглашению католического военного епископа в период с 1 по 4 ноября 1968 г. Перед отъездом домой мы были приглашены в ватиканскую базилику Святого Отца на приватную аудиенцию.

Когда глава католической церкви в сопровождении нашего военного епископа и ещё нескольких приближённых подошёл к нашей группе, мы опустились на колени. Спокойным движением левой руки Папа предложил нам сесть. Затем Святой Отец обратился к нам по-немецки: «На вас, господа генералы и офицеры, возложена огромная обязанность, вы должны ценой своей жизни обеспечить сохранение мира. При этом вы постоянно подвергаетесь главному вызову судьбы. У вас есть оружие, которое может сотворить нечто чудовищное, может уничтожить людей, но в то же время это же оружие может предотвратить беду. Ваша задача как солдата - постоянная борьба, в том числе и с самим собой».

Меня тронула уникальность этой ситуации. Он говорил около пятнадцати минут или, может быть, больше, я точно не знаю. Но мне хорошо запомнилось, насколько важной он считал воинскую задачу обороны страны и отметил, что мир навсегда останется самой большой ценностью. У Христа были последователи, вооружённые короткими мечами. Но однажды на винограднике, когда Пётр хотел достать меч из ножен, Он сказал Петру, чтобы тот убрал его в ножны. Доставать меч можно только с чувством глубокой ответственности. В той ситуации Христос не хотел, чтобы его последователи своими мечами защищали его жизнь.

Когда после этой встречи мы возвращались к месту нашего проживания, где были в гостях у монахинь немецкого ордена, которые баловали нас вкусной пастой, всю дорогу наша группа хранила молчание, чего прежде не случалось.

Как один африканский президент плакал на надгробии Фридриха Великого

Визиты президентов других государств в Бонн всегда были особым событием. На дипломатической «миле» Бонна, на Конрад-Аденауэр-аллее, по

обеим сторонам улицы регулярно вывешивались флаги иностранных государств, и жители города уже неплохо разбирались, какой флаг принадлежит какой стране, но иногда происходило что-то вроде премьеры. Похожая ситуация сложилась, когда в ноябре 1981 г. «пожизненный президент» и диктатор Республики Малави д-р Хастингс Камузу Банда прибыл с первым государственным визитом в Федеративную Республику. «Пожизненный президент» был его официальный титул. Случаю было угодно, чтобы в качестве почётного сопровождающего отдел кадров по согласованию с протокольным отделом выбрал командира 12-й танковой дивизии. Таким образом, мне выпала честь сопровождать Его Превосходительство «Пожизненного президента» Республики Малави во время его недельного государственного визита. Это было большое переживание. 2 ноября 1981 г. самолёт «Пожизненного президента» приземлился на аэродроме бундесвера в Кёльн-Ване. От Франкфурта его самолёт сопровождали машины немецких ВВС, 74-й эскадрильи истребителей «Мёльдерс». Когда президент вышел из самолёта, его приветствовал почётный караул бундесвера, был дан салют 21 залпом.

Программа визита проходила по обычному плану. По особой просьбе президента в неё включили посещение собора в Ахене. В программе также были запланированы встреча с баварским премьер-министром Францем Йозефом Штраусом, посещение показательной баварской сельскохозяйственной фермы по выращиванию скота и в конце, до переговоров с политиками в Бонне, посещение замка Гогенцоллернов.

В соборе Ахена высокий гость попросил разрешения посидеть на троне Карла Великого. На мгновение он неподвижно замер в каменном кресле.

Следующим пунктом программы был замок Гогенцоллернов под Хехингеном, где принц Пруссии Луи Фердинанд после ужина предложил президенту в составе небольшой группы посетить могилу Фридриха Великого. Это была маленькая группа в количестве, возможно, пяти человек. Мы замерли в молчании у саркофага великого короля Пруссии. Президент Банда обеими руками коснулся саркофага. Президент плакал. Сохраняя молчание, мы покинули прохладное помещение.

Во время перелёта в Мюнхен президент заметно активизировался. Он позвал к себе нескольких министров, которые в самолёте расположились перед ним на коленях. Мне что, тоже вставать перед ним на колени, если президент позовёт меня? Этот вопрос сильно занимал меня. Однако вскоре ситуация сложилась так, что мне не пришлось принимать решения. Президент жестом подозвал меня к себе, указал на место справа от себя и усадил меня в кресло. Таким образом, дипломатическим путём проблема была элегантно решена.

Доктор Банда очень медленно произнёс моё имя. «Вообще-то, - продолжал он, - вы тоже африканец, генерал Комосса». Как бы отвечая на мой удивлённый взгляд, он продолжил: «Моего министра внутренних дел зовут Камицца. Это ведь очень похоже на Комосса, не правда ли?» Потом он

продолжил: «Вы могли бы приехать к нам в Малави. Не хотите попробовать? Конечно же, мы - маленький народ, живущий в маленькой стране в середине Африки без выхода к морю, у нас маленькая армия, но провести реорганизацию этой армии была бы для вас достойная задача и своего рода вызов. Что вы думаете на сей счёт?» Мне было трудно отказать этому президенту и джентльмену. «Пожизненный президент» доктор Банда излучал своего рода достоинство, которое требовало уважения. До сих пор я рад и благодарен судьбе, что встретился с этим африканским политическим деятелем и во время этой поездки неоднократно имел возможность побеседовать с ним.

В последний день визита состоялась встреча с министром иностранных дел Германии Хансом Дитрихом Геншером. После обмена любезностями президент сразу перешёл к делу. Я чувствовал, что ему было трудно направить разговор в нужное русло. Речь шла об оказании Малави помощи как развивающейся стране. И это была основная причина его государственного визита.

Во время всего визита президент постоянно держал в руке метёлочку из перьев страуса. Он никогда не выпускал её из рук, даже сидя за столом.

В состав малавийской делегации входило также несколько дам. Самая пожилая и, очевидно, самая значительная из них была супруга его высочества. Тогда по Бонну ходил слух, что в одном из обувных магазинов города супруга президента купила 50 пар обуви.

При этом присутствовала одна молодая африканка, которая с любопытством наблюдала за этим спектаклем. Позднее я узнал, что это была одна из многочисленных дочерей президента. Возраст президента был неизвестен. Предположительно ему тогда было 95 или даже 98 лет. Точный его возраст никто не знал.

Как это принято, в конце государственного визита в военной части аэропорта Кёльн-Ван состоялась прощальная церемония. Почётный караул бундесвера ещё раз отдал положенные по протоколу почести, президент попрощался с президентом Карстенсом и сопровождающими его лицами. Как положено при государственных визитах, состоялся обмен прощальными подарками, затем все направились к дежурному самолёту бундесвера.

Совсем не по протоколу одна из дочерей президента подошла к офицеру из почётного караула бундесвера, протянула ему руку, так что он не мог не наклониться и не поцеловать ей руку, и со смехом и с лёгкой поспешностью сказала: «Могу я поцеловать вас, генерал?» «О да, конечно. Очень приятно!» - ответил офицер и обнял крепкую африканскую девушку. Объятия, как показалось некоторым свидетелям этой сцены, немного затянулись. Девушка быстро повернулась и побежала по трапу в самолёт люфтваффе. Этот небольшой экспромт не был отмечен в протоколе министерства иностранных дел, равно как и не был предусмотрен...

Во время своего визита при каждой удобной возможности малавийский

президент выражал свои симпатии к Германии и к немецкому народу. Он хорошо знал немецкую историю и немецкую литературу. Хотя учился он в Великобритании и США, он на удивление хорошо разбирался в немецких гуманитарных науках и, как казалось, имел определённую привязанность к немецкой культуре.

Малави - маленькая страна на африканском континенте, ни в коем случае не безынтересная для Германии, а вообще-то государство, как многие другие. Во всяком случае, только однажды мне довелось видеть главу государства, который плакал во время визита в Германию.

Слабые карты Германии в игре с США

Смена декораций накануне 2003 г., во время которой во взаимоотношениях держав карты были розданы заново. Время после 11 сентября 2001 г. непосредственно связано с этими процессами. До публичного выступления канцлера Германии

Герхарда Шрёдера на площади в городе Гослар 21 января 2003 г., в котором он открыто высказался против иракской политики США при президенте Джордже У. Буше, отношение немцев к американцам имело «особый характер». Соединённые Штаты Америки видели в Германии своего надёжного союзника в Европе, партнёра, на которого всегда можно положиться. Такое стало возможным благодаря заявлениям и заверениям немецких политиков - от Конрада Аденауэра до Вилли Брандта, которые высказывали американцам благодарность немцев за их поддержку Федеративной Республики Германии во время «холодной войны».

«Мы этого никогда не забудем!» - воскликнул Вилли Брандт под ликующие крики массы людей в Берлине у Бранденбургских ворот и инстинктивно протянул руку президенту США Кеннеди. Да, мы не забудем и никогда не должны забывать, что Америка принесла берлинцам колокол свободы! Это было в 1963 г. Но кто из представителей следующего поколения по-настоящему помнит этот день и это время? В 2003 г. преемник Вилли Брандта на посту канцлера Герхард Шрёдер не смог сказать ничего подобного. Ни в Госларе, ни перед тогда уже широко раскрытыми Бранденбургскими воротами в Берлине. Это, в свою очередь, заставляет предположить, что большинство немцев забыли о помощи, оказанной Соединёнными Штатами после Второй мировой войны.

В США после выступления в Госларе затаили дыхание: что стало с самым надёжным и самым лучшим союзником в Европе? Разве не США когда-то, единственная из западных держав, связали свою собственную судьбу с судьбой немцев тем, что взяли на себя обязательство в случае серьёзной угрозы для Федеративной Республики Германии использовать все военные средства, включая атомное оружие, для её защиты и отражения советского нападения? Здесь должна быть полная ясность: Соединённые Штаты Америки были единственным государством, готовым в условиях

конфронтации между Востоком и Западом применить своё ядерное оружие, в том числе и для защиты Германии. И нам, немцам, следовало бы не забывать этого. И канцлеру Герхарду Шрёдеру следовало бы даже в условиях, когда угроза для свободного мира стала меньше, не так быстро забывать об этом.

20 лет назад никто даже приблизительно не мог бы предвидеть, как будет выглядеть мир сегодня. Никто не мог рассчитывать на то, что рухнет Восточный блок. А тем более что распадётся Советский Союз.

В 2003 г. Герхард Шрёдер вместе со своим вице-канцлером Йозефом Фишером ударил топором по корням немецко-американской дружбы. Почему он так поступил? Потому что любой ценой хотел выиграть 15-е выборы в немецкий бундестаг? Свою политику он строил на забывчивости. А после это было лишь вопросом времени, когда именно дружеское отношение американцев к немцам сломается под тяжестью дальнейших испытаний.

Разыгрывается польская карта

Уже летом 2004 г. в Главном штабе армии США в Европе в Гейдельберге началось планирование будущей передислокации американских служб из Германии в Польшу, вскоре после речи в Госларе. В мгновение ока Польша стала для Вашингтона более надёжным партнёром, чем Германия. Поляки поспешили выступить с предложениями и незамедлительно предложили свою военную помощь, в том числе в решении иракского конфликта. Несколько дней спустя первый польский батальон был готов к отправке в Ирак. В Европе ещё не до конца поняли позицию немцев, а польские солдаты уже присоединились к американцам.

Вот так в Польше понимают политику. Америка вспомнила, что американцы и поляки, сегодня - товарищи по оружию в регионе Тигра и Евфрата, совсем недавно были союзниками в борьбе с Германией. И снова стали вспоминать восстание польской Армии Крайовой осенью 1944 г. в Варшаве, и об этом стали писать польские ежедневные газеты, чтобы освежить в памяти поляков братство по оружию во Второй мировой войне.

Федеральное правительство пыталось вдогонку событиям воздать особые почести участникам Варшавского восстания 1944 г., подчёркивая это сильнее, чем в прежние годы. Вообще-то удивительно, что страна восхваляет своего прежнего противника, который тайком, из подполья и из засады, в нарушение Женевской конвенции убивал солдат противника и при этом в большинстве случаев те, кто это делал, открыто оружие не носили.

Правительство Федеративной Республики Германии почтило память жертв из числа тогдашнего противника. Но память собственных солдат, погибших в эти дни в Варшаве, правительство Шрёдера никак не почтило. В похожей ситуации поляки повели бы себя иначе.

Чтобы исключить кривотолки, добавлю - никто не может запретить полякам чтить память их соотечественников, погибших по время

Варшавского восстания. Это было мужественное восстание против вражеских оккупантов. Это была их национальная обязанность. Восставшие пожертвовали свои жизни за Родину и погибли, даже если они сражались в гражданской одежде, как солдаты их «внутреннего фронта», за свою Родину - Польшу. Для них, со всей очевидностью, немецкие оккупанты были ненавистным врагом, который оккупировал их страну. Даже если тогда были нарушены нормы международного права, моральное право было на стороне поляков, которые подняли восстание против немецких оккупантов. Однако, и этого нельзя отрицать, своей освободительной борьбой они нарушали нормы международного права. Польша была в беде!

С признательностью необходимо указать на то, что в прошлом столетии поворот в развитии Европы наступил благодаря Польше. И Венгрии.

Я вспоминаю один октябрьский день 1944 г., когда я шёл по улицам Варшавы. Я был удивлён. Молодые, элегантные девушки разгуливали по бульвару, сидели в кафе, кокетливо скрестив ноги в красных кожаных сапогах, они смеялись и шутили и курили американские сигареты. Иногда в кафе заходил немецкий солдат. Польские девушки его не воспринимали, они смотрели как бы сквозь него. Это гордый и патриотически настроенный народ.

Случалось, что в такие дни в каком-нибудь варшавском кафе немецкий солдат вдруг падал и оставался лежать на полу, и никто не обращал на него внимания. Он был мёртв. У него в спине ещё торчал нож или шприц с ядом. Такие происшествия казались обычными в то время.

Но тогда была и другая Варшава. Я попал в разрушенные кварталы, покрытые камнями и кусками бетона. Однако большинство домов выдержали обстрел и остались стоять, сохранив стены первых этажей. На одной улице довольно большую её часть я смог пройти под землёй, переходя из подвала одного дома в другой, и был удивлён современными системами отопления, остатки которых пучками спутавшихся труб висели на стенах подвалов. Ничего подобного в Восточной Пруссии я раньше не видел. Я не ожидал увидеть в Польше такую современную технику.

В тёмном углу одного подвала, сидя на корточках, притаился мальчик. Ему было около 16 лет, а может быть, и 14. А может, уже и 18. Кто это мог сказать точно во время войны, в тёмном углу подвала... Его глаза были переполнены страхом, он весь как бы ушёл в себя, старался сделаться как можно меньше и незаметнее. Обеими руками он вжимался в собственное колено.

«Встань!» - сказал я, и мальчик повиновался, казалось, он понимал по-немецки, он закрывал лицо, как будто хотел защититься от ожидаемого удара. «Подойди сюда!» - сказал я. Мальчик подошёл и низко склонился к полу. «Господин офицер, - сбивчиво залепетал он, - пожалуйста, не стреляйте!»

Я и не думал этого делать. Это бедное существо, переполненное

парализующим страхом, продолжало отвешивать мне поклоны.

«Пожалуйста, пожалуйста, пан», - умолял молодой поляк. Я жестом прервал его. «Здесь, в подвалах, есть ещё польские солдаты?» - спросил я. Он резко покачал головой. «Нет-нет, - бормотал он, - здесь нет солдат, нет польских солдат. Ни одного! Никого!» Я протянул мальчику, который в этот момент мне показался всё-таки скорее 14-летним, пачку сигарет «Реемтсма» с известным изображением солдата вермахта.

«Иди, иди, - сказал я, - убирайся побыстрее! Быстрее, быстрее!»

Частично я сказал это по-русски, но молодой поляк меня понял. Большинство поляков понимали по-русски. И ещё я дал ему несколько печений, которые случайно нашёл в кармане шинели. Я бы дал этому бедному мальчишке и больше, но у меня с собой ничего не было, даже горбушки сухого хлеба.

«Хлеба нет!» - сказал я ему по-русски, как бы извиняясь перед ним. Я мог подарить ему совсем немного - его свободу. А может быть, и жизнь? Потом я осознал, что дал ему гораздо больше, чем кусок хлеба.

Я смотрел ему вслед, он шёл медленно, жевал печенье. Он обернулся один раз, потом ещё раз, потом он побежал, он бежал всё быстрее и потом вдруг совсем исчез за какой-то стеной.

Одна ничего не значащая встреча на задворках войны в подвале разрушенного варшавского дома в октябре 1944 г.! Когда я вышел из развалин на свет, я глубоко вдохнул осенний воздух. Он был влажным и слегка пах жжёным деревом. На улице было совсем тихо. Где-то вдали загрохотал пулемёт, но это было очень далеко.

Может быть, в этот день я шёл по Варшаве час или даже два. Я точно уже не помню. Где-то в конце развалин я встретил своих солдат. Я залез в свой танк «Хетцер», изготовленный на фирме «Шкода» в тогдашнем немецком протекторате Богемия, и приказал водителю: «Вперёд». Сегодня я думаю, насколько легкомысленным я был тогда. Но в тот день не произошло ничего особенного. День «без особых происшествий».

Я вернулся на мой наблюдательный пункт, расположенный в квартире на роскошной вилле одного польского фабриканта на южной окраине Варшавы. Спасаясь от наступающих русских, он оставил свою фабрику и дом, предварительно попросив нас аккуратно обращаться с его имуществом и ничего не ломать. Добравшись до виллы, я прямо в форме и сапогах рухнул на пуховую перину, покрытую шёлковым постельным бельём, и мгновенно уснул. Когда проснулся, подошло время ужина. Экскурсия по руинам Варшавы меня утомила. «Наслаждайся войной, - говорил мой командир капитан Крюгер, - поскольку мир будет ужасным!» Вдали на востоке, в районе Вислы, были слышны залпы русской тяжёлой артиллерии. Эти звуки походили на далёкие раскаты сильной грозы. С каждым днём война приближалась к нашим плохо оборудованным оборонительным позициям.

Так спокойно, как в эти последние дни октября 1944 г., будет совсем недолго, думал я и очень беспокоился за мою семью, которая жила в Нидерзее в Восточной Пруссии, в тридцати или даже всего в двадцати километрах от передовых позиций советских танков. Мои мать и сестра с её полуторагодовалой дочкой Розвитой и не подозревали, как близко от них были русские, как близко была большая опасность для всех немецких женщин и девушек. Я не хотел даже и думать о том, что в то время происходило в Восточной Пруссии... Сегодня мир коренным образом изменился. Где сегодня наши враги? Поляки и русские к их числу не относятся. Говорят, Германия живёт в окружении друзей. Сегодняшний враг невидим, но он присутствует каким-то особенным образом. И сегодня важно быть уверенным в том, что рядом есть союзники. Друзья, на которых в трудный момент можно положиться. Нам действительно нужно меньше противотанкового вооружения, а вместо него нужны надёжные партнёры.

Взаимоотношения между Германией и США в целом

В игре, которую ведут великие державы, отношение Германии к США по-прежнему имеет особое значение. Такой порядок вещей не изменится и в обозримом будущем. Мы не должны допускать, чтобы политики определённых фракций вводили нас в заблуждение. США в военном отношении являются самой сильной страной мира. Но это не может продолжаться вечно. Россия наверняка снова окрепнет, и Китай уже давно идёт по пути модернизации, в том числе и в военной области. В 2005 г. Россия и Китай провели первые совместные большие манёвры объединённых подразделений. Сухопутные войска действовали совместно с авиацией и флотом обоих государств. Это были самые большие манёвры новейшего времени на Востоке. Никто на Западе не знает сценария этих манёвров. И никто не знает ожидаемого исхода этих больших учений. Однако можно себе представить, что в качестве предполагаемого противника в этих больших учениях имелась в виду не страна вроде Индонезии или Венгрии. Размах этих больших учений с участием всех родов войск должен заставить Запад задуматься. Один высокопоставленный американский офицер сказал мне в августе 2006 г., что к этим большим учениям следует отнестись очень серьёзно. «Герд, - сказал он, - это совсем другой уровень. И насколько мы информированы, взаимодействие обеих армий происходило неожиданно хорошо». Кажется, что в стратегическом мышлении обеих сверхдержав намечаются перемены. Даже несмотря на значительные языковые трудности, главным образом с русской стороны. В будущем такие учения будут происходить чаще, таково мнение моего американского сослуживца из того старого времени, когда мы ещё тесно сотрудничали.

Эти большие учения, по утверждению русских и китайцев, не направлены против какой-либо страны. Но любые военные учения ориентированы на отработку стратегических или тактических задач. НАТО не

знает, против какой силы оба государства в этих манёврах отрабатывали методы «обороны наступательного характера», как было сформулировано в двуязычном сценарии этих учений. Но что означает «оборона наступательного характера», это мы знаем из стратегических документов Иосифа Сталина и Никиты Хрущёва.

Между прочим, первые в мире ракеты запускали в небо с китайской земли. Даже если сначала это были просто фейерверки, в этом уже присутствовала идея их военного использования, причём задолго до того, как в Пенемюнде Вернер фон Браун провёл свои первые пробные ракетные пуски.

Сегодня в Германии мы наблюдаем растущую антипатию по отношению к США и их политики, особенно с учётом личностных качеств президента Буша. Этому есть много объяснений. Одно из них - неприятие Буша как человека. Очевидно, мы забыли, что его отец, Джордж Буш-старший, во времена «холодной войны» относился к нам, немцам, доброжелательно и радушно.

Хотя после Второй мировой войны и первых послевоенных лет прошло уже более полувека, страдания и переживания немцев в то время ещё продолжают ощущаться до сих пор. Здесь, в Германии, ещё не забыли план Моргентау, согласно которому немецкий народ подлежал уничтожению бомбовыми ударами, а Германию предполагалось превратить в аграрную страну.

Немецкое неприятие в первую очередь распространяется на США, хотя британцы во главе с их премьер-министром Черчиллем и во время и после войны преследовали те же цели, что и Америка. И поведение Франции после её «победы над германским рейхом» едва ли достойно похвал, если вспомнить о судьбе Фройдениггадта и других городов, отданных на разграбление.

Если вспомнить только тот факт, что генерал Леклерк приказал расстрелять на месте без суда двенадцать молодых французских солдат только за то, что они на стороне немцев, одетые в немецкую военную форму добровольно сражались против Советской армии, не против своей страны. Это заставляет серьёзно задуматься. Экзекуция во славу Франции? Есть ещё много других примеров. Отношение французов к немецким военнопленным часто не соответствовало международному праву. К сожалению, это - тоже факты горестного прошлого.

Массированные бомбардировки американской и английской авиации вызвали в Германии ненависть, отголоски которой ещё не до конца улеглись по сей день. До тех пор, пока до конца не проработана тёмная глава Второй мировой войны, включая честное изображение её предыстории, постоянно будет возникать по меньшей мере раздражение. То, каким образом союзники - американцы, англичане, французы, югославы, русские и греки - отмечали их победу над Германией, последующие поколения подвергнут критическому

рассмотрению. И хотя новейшая история учит нас, что человек склонен к забывчивости, она также свидетельствует и о том, что однажды вся правда становится известной. Сейчас уже поколение внуков начинает задавать вопросы. «Дедушка, но это ведь несправедливо», - сказал мой внук Тобиас, когда я рассказал ему о моей утраченной родине - Восточной Пруссии и подарил мою книгу «Из Мазурии на Рейн. Возвращение домой на чужбину» (Грац, 2003 г.). И это действительно несправедливо, а прочный мир можно построить только на основе справедливости. Нельзя отрицать, что США постепенно принесли нам, немцам, демократию, а через демократию и свободу. Но нам кажется, что эта страна сама слишком часто нарушает принципы демократии и свободы. Во всяком случае, у многих, особенно у молодых немцев, возникает такое впечатление, в результате чего время от времени создаётся негативный образ Соединённых Штатов. Та огромная помощь, которая была оказана путём организации воздушного моста для предотвращения оккупации советскими войсками всего Берлина, отошла на задний план.

Прошлое народов невозможно стереть, словно неправильно написанное слово со школьной доски на уроке истории. С этим прошлым мы должны жить и будем жить. И мы не должны и не имеем права выдвигать взаимные обвинения, необходимо осознать собственную вину, покаяться в своём грехе и простить других. Христиане должны быть способны на это. Ведь прощение является одним из главных догматов христианской веры. Однако в такой ситуации, когда немецкие политики высокого уровня не любят свою страну и из-за двенадцати лет её мрачной истории не могут гордиться её грандиозными достижениями последних более чем двух тысяч лет, а некоторые, по их собственному признанию, даже ненавидят её, невозможно объективно исследовать немецкую историю прошлого столетия.

В 2006 г. доминирующее настроение в Германии неожиданным образом изменилось. То, что не удалось сделать политикам и чего они, возможно, и не хотели, произошло благодаря чемпионату мира по футболу. Немцы развернули флаги. Никто не призывал их к такой национальной демонстрации, никакая партия, ни правительство не давали такой команды. Немцы вышли на улицы и площади, похоже на то, как это было в 1989 г., и скандировали «Германия! Германия!», повсюду были чёрно-красно-золотые флаги. Граждане испытывали гордость за свою страну. В этом не было и следа фальшивого национализма. Это была радость от спортивного успеха, который наполнял чувством гордости людей на улицах и в пивных. И в конце концов было уже не важно, что в итоге наша великолепная команда не добилась полного успеха.

Сегодня в Германии никому не приходилось бы вспоминать этот отрезок европейской истории, если бы нас, немцев, не подвергали постоянным обвинениям. А какой народ в мире не несёт на себе вины? Не англичане ли во время войны против буров в Южной Африке придумали концентрационные лагеря с их ужасными последствиями? Постоянные упрёки в адрес Германии и немцев заставляют постоянно искать справедливости. Когда-нибудь эти

поиски естественным образом приведут к тому, что мы будем сравнивать степень вины, которая лежит на других нациях.

Остаётся фактом, что в Германии с началом иракской войны отношение к США явно изменилось. Немцы стали относиться к Соединённым Штатам с подозрением. Это началось с выступления Федерального канцлера Герхарда Шрёдера на центральной площади Гослара, когда он с большим эмоциональным порывом крикнул собравшимся: «Не думайте, что мы будем участвовать в этой войне!» До тех пор никто в международном сообществе этого не требовал и не ожидал. Это бьш чисто эмоциональный, вербальный всплеск, ориентированный на решение тактических задач предстоящих выборов. Сомнительным было то, что руководящий политик в своей речи разделил немецкий народ на сторонников и противников войны. ХДС и СвДП вынуждены были поторопиться и сгладить впечатление, что в отличие от других политических партий они якобы являются партиями войны. Эта политика вскоре возымела последствия. В течение года немецко-американская дружба находилась в состоянии неустойчивого равновесия. В течение года в политике царило молчание, пока наконец и Герхард Шрёдер не осознал, что не следует захлопывать дверь, так как однажды её снова придётся открывать. Ему нужно было что-то предпринять, если он не хотел, чтобы его политика в будущем была направлена против интересов Германии. Постепенно начали разгребать те завалы, которые политика сотворила без участия дипломатии, отчасти это происходило медленнее, чем разбирались завалы на улицах немецких городов после Второй мировой войны.

Меня не покидает беспокойство за судьбу нашей страны. У меня создалось впечатление, что мы, граждане, больше озабочены судьбами страны и нашего народа, чем некоторые политики в Берлине. Им легче даётся неприятие американской политики. Мы, граждане, чувствуем особую ответственность. Если мы постоянно будем стараться делать всё, что служит интересам нашей страны, тогда мы не будем делать поспешные суждения о других странах. В первую очередь мы допускаем большую ошибку в том, что в игре сверхдержав начали отдаляться от США и Великобритании с целью поиска более тесного сближения с Россией или даже с Китайской Народной Республикой. Это не имеет никакого отношения к нашим большим усилиям, направленным на расширение торговых связей. Но самой большой ошибкой будет, если в нашей внешней политике, которая и без того в период «красно-зелёного» правительства с дипломатической точки зрения была ущербной, будет доминировать неприятие или враждебность по отношению к США.

Какие действительно имеются аргументы против разумного сотрудничества с США? Конечно, отчасти ещё существует тот американец - высокомерный и кичливый. Он существует, «тот американец», который, будучи преданным своей собственной стране, свысока смотрит на другие страны. Существует ещё и «отвратительный американец», который, осознавая военную мощь своей страны, думает, что могут быть достигнуты любые политические цели США. Есть американцы, которые до сих пор болезненно чувствуют раны вьетнамской войны. Сами же американцы

сегодня вскрывают преступные просчёты своих спецслужб и приходят в ужас.

В первой иракской войне и в войне на Балканах гибли молодые американские солдаты. За что пали они в чужих странах? В течение многих лет американские семьи оплакивают своих дочерей и сыновей в военной форме, которым пришлось погибнуть в далёких странах, часто при очень жестоких обстоятельствах. Погибли ли они за высокие идеалы? Во имя мира на Земле? Может быть, они защищали Америку во Вьетнаме или в течение долгих лет почти везде в Азии и в Африке? Когда и где всё это однажды закончится? Таких вопросов возникает всё больше и больше, по мере того как всё больше американских женщин и мужчин в военной форме погибает в разных частях мира. Существует «тот американец», который у многих из нас не вызывает доверия. Но является ли этот образ единственным и по-настоящему правдивым? Нет. Я думаю, что это не так, это - искажённый образ.

Гибель американских солдат в джунглях и на рисовых полях, их чувства и страхи вполне можно сравнить с гибелью солдат германского вермахта в руинах Сталинграда или в последней битве на Одере и на Зееловских высотах восточнее Берлина. Кто бы сегодня ни хотел внушить, как, например, Ян-Филипп Реемтсма и его единомышленники, которые в своё время начали работать в военно-историческом исследовательском центре во Фрайбурге-в-Брейсгау, что в Сталинграде, в Воронеже, на Волхове, в Минске и Кривом Роге «солдаты фюрера» воевали с целью захвата большой страны на Востоке, воевали добровольно и с воодушевлением, поджигая дома, насилуя и убивая мирных жителей, или что якобы немецкий солдат, охваченный порывом убивать, хотел захватить огромное государство - Россию, тот не понял истории прошлого столетия. Тот занимается фальсификацией истории за тридцать сребреников, чтобы заслужить репутацию хорошего демократа, при этом он лжёт без зазрения совести, хотя историческая правда однозначно говорит другим и ясным языком. Насколько сердечно принимает местное население тех бывших солдат, которые сегодня в большом количестве ездят в Россию на места прежних боёв вплоть до далёкого Сталинграда, как и повсюду в современной России, Белоруссии и Украине? Это относится ко всем солдатам, которые в немецкой форме на просторах России выполняли свой долг, возложенный на них их страной, будь то немцы, австрийцы или добровольцы-норвежцы, бельгийцы, голландцы или французы. Например, французы в боях за Восточную Пруссию мужественно защищали гражданское население от наступающих советских войск. Они заслуживают признания. Мы, немцы, должны быть благодарны этим мужчинам.

«Честь и слава советским героям!» - гласит надпись на памятниках в Ростоке и других городах на востоке Германии. И эти солдаты держали на руке маленькую немецкую девочку, которую они спасли от «фашистских» бестий. В правой руке они держат свою винтовку - автоматический карабин. В действительности же всё было иначе. Пожилые люди из восточных

областей страны в течение десятилетий не могли говорить о том, что им пришлось пережить, когда советские армии наступ&зи на Запад. «Честь и слава советским героям»? Непостижимым для нас образом Бог отвернулся от этих бедных людей. «Господи, помоги же!», «Господи, где ты?», «Господь, Господь мой, почему ты нас покинул?» - взывали миллионы верующих немецких христиан в ночь их великого горя. В декабре 1945 г. в руинах захваченного Кёнигсберга люди молились: «Смилуйся над нами, мы в большой беде. Даруй нам хлеб наш насущный. Прими нас на небеса, даруй нам свободу, Господи, Спаситель наш». Эти бедные, униженные и отчаявшиеся люди взывали к Господу в своём безнадёжном положении. Они плакали. Ещё не пришло время, когда все люди поймут, что тогда произошло.

Война делает человека жёстким и притупляет его чувства. Только этим можно объяснить тот факт, что великий европейский политик сэр Уинстон Черчилль, который позднее должен был получить от немцев в королевском соборе Ахена премию Карла Великого, мог с чудовищным цинизмом в связи с выселением 13 миллионов немцев сказать, что поляки всё-таки должны «наступить на пятки» немцам. Человечность, куда ты подевалась в это варварское время?

Можно ли сравнить страдания людей во время войны на Одере с теми страданиями, которые выпали на долю людей в последние годы в результате наводнений, например, в Индонезии? К такому сравнению будет постоянно обращаться человек непосвящённый, который привык говорить о вине немцев и об их ответственности вплоть до последнего поколения. Сегодня, как тогда, многие миллионы людей стали жертвами, погибли в чудовищных условиях, были раздавлены танками, сорвались со своими крестьянскими повозками в ледяную воду залива и утонули после непродолжительной борьбы за жизнь.

Сегодня, как и тогда, такая жестокая участь постигала в первую очередь женщин, детей и пожилых людей, у которых не было сил долго бороться за жизнь. Кажется, что жребий судьбы специально выбирал их. Здесь и там невинных людей убивают, насилуют, избивают, топят и калечат.

Многие из них, как сегодня, так и тогда, не были удостоены даже такой милости, как места последнего упокоения. Они просто исчезли с лица Земли. Их больше нет. Останки сотен немецких солдат ещё летом 2006 г. хранились в картонных коробках на каком-то складе где-то в Чешской Республике. Их многочисленные близкие не найдут то место, где они смогут оплакать своих погибших, в молитве почтить их память. Они не смогут найти место, куда можно возложить цветы и венки. Подобная смерть причиняет близким особенную боль. До конца своих дней близких будут преследовать мрачные сновидения.

Поле битвы на Одере, где на Зееловских высотах погибли десятки тысяч, до сих пор хранит следы трагедии. Эти следы явно ощущаются в деревнях, в полях и лугах, в лесу и в сердцах старых людей на долю которых выпала

долгая жизнь. В 2005 г. я всё ещё чувствовал дуновение смерти в деревнях на Зееловских высотах.

Опустошённые пляжи, которые являются одними из самых красивых мест на нашей планете, когда-нибудь окончательно приведут в порядок, в значительной степени это уже сделано. Мусор будет сожжён, равно как и останки многих погибших. Пройдут столетия, но это несчастье с ужасающими картинами измученного человеческого естества навсегда останется в памяти. И там оно должно сохраниться навечно.

Жертвы катастроф получают помощь от многих народов. Даже большое горе найдёт утешение. Раненым оказывают помощь, и их раны скоро заживут. Но шрамы остаются навсегда. И эти шрамы причиняют боль всю оставшуюся жизнь человека. Из поколения в поколение люди будут рассказывать об ужасной катастрофе, произошедшей в тех местах, где самые красивые пляжи в мире, и о тяжёлой судьбе тех, кто, как правило, очень небогато жил в тех местах.

Происходящее сегодня дистанцирование немцев от США имеет много причин, многих из которых я уже коснулся, некоторые - тоже понятны. Однако одной вещи нельзя упускать из виду, сидя за игорным столом «большой политики» - в этой игре самых сильных держав у США ещё очень долго будут самые хорошие карты. И нам, пожалуй, не стоит желать того, чтобы такой расклад сил изменился в ближайшее время. Если соотношение сил поменяется в пользу России, Китая и Индии и США утратят свои ведущие позиции, Германии нельзя будет рассчитывать на выигрыш.

Скрытая игра тайных сил

Звонок из министерства обороны

Я довольно рано начал интересоваться деятельностью разведывательных служб. Во время плена мне доводилось наблюдать, как советская спецслужба МВД (Министерство внутренних дел) - её названия менялись с интервалами в несколько лет - проводила тайные акции, цель которых состояла в том, чтобы с помощью завербованных секретных сотрудников получить информацию о настроениях среди военнопленных или выявить тех немцев, которые во время войны совершали жестокие преступления. Например, тех, кто служил в 5-й танковой дивизии или некоторых других специальных подразделениях вермахта, отбирали и отправляли в Сибирь. Сотрудники советских спецслужб, как и вся русская администрация, располагались за пределами лагеря.

Только позднее, когда в офис на территории лагеря стали вызывать всё больше военнопленных, узники поняли, что здесь располагается кабинет советского тайного наблюдателя. Главный офис МВД находился, конечно же, за пределами лагеря. Но первые беседы проводились на территории лагеря в

кабинетах здания пищеблока. Здесь предпринимались попытки первого сближения. Если достигалась договорённость о сотрудничестве, то дальнейшие контакты с советскими спецслужбами происходили уже в кабинетах за периметром лагеря. Иногда случалось, что заключённый после такого допроса выходил из кабинета со слезами на глазах или со следами побоев, что давало повод для различных предположений.

Иммануил Кант называл шпионаж «службой дьявола», которая всегда была востребована. И Хельмут Шмидт сказал однажды в интервью журналу «Шпигель» (15 января 1979 г.):

Но Вы ведь не собираетесь мне рассказывать, что в Швейцарии, или в Англии, или в США нет спецслужб.

Я уже не говорю о военных диктатурах или коммунистических режимах. Это чисто немецкое заблуждение, думать, что такое уязвимое государство, как немецкое, может обойтись без тайных служб. Не может. Главное заключается в том, чтобы государство очень дисциплинированно применяло подобные инструменты, чтобы определённые люди следили за тем, чтобы государство сдержанно применяло эти инструменты, чтобы при этом не нарушались права и свободы.

В этот день в Гамбурге было пасмурно. Тёмные облака низко висели на небе над парком Академии командного состава в гамбургском районе Бланкензее. Перед окном моего кабинета, которое выходило на Мантеойффельштрассе, на улице двое детей играли с хозяйственной тележкой. Полный мальчик лет около 8 сидел в тележке, а маленькая девочка, предположительно около 6 лет, везла его через дорогу. «Давай, - говорил мальчик, - тяни!» Он пытался заставить маленькую белокурую девочку прибавить скорость. Скоро начнётся ураган, думал я, наверняка не такой, как зимой 1973 г. или в 1976 г., когда большой прилив сильно опустошил район Альтеланд (старая земля - Примеч. пер.). Деревья начали раскачиваться и всё сильнее наклоняться на восток.

Зазвонил телефон. «Лебер», - услышал я на другом конце линии. В армии было не принято, чтобы командир первым подходил к аппарату. Он поручал секретарю установить связь. Но Георг Лебер многим отличался от других, это мне было уже знакомо. «Как дела? Мне необходимо поговорить с вами, - сказал министр. - Вы нужны мне здесь, в Бонне. Господин генерал, буду краток. Как вы отнесётесь к тому, чтобы возглавить МАД?» Странно, подумал я. С тех пор как я узнал, что теперешний шеф этого ведомства, бригадный генерал Ш., будет, вероятно, снят, я втайне рассчитывал на то, что в качестве преемника выбор может пасть на меня, так как уже с 1956 г., о чём я уже рассказывал, у меня был определённый задел в этой области - я работал в службе проверки и профилактических мер, а в гражданской сфере - в восточном бюро Артура Рупперта в Гельзенкирхене. То, что я бегло говорил по-русски, могло быть только преимуществом. «Я не требую вашего решения сию минуту! В выходные поговорите с семьёй, поскольку это назначение будет иметь последствия и для вашей семьи, притом более

серьёзные, чем при любом другом назначении в армии. Ограничения будут распространяться и на сферу личной жизни». Я немного подумал и сказал министру, что мне необходимо поразмыслить над его предложением. Это задание было мне интересно. Я буду у него в Бонне, как он предлагал, в понедельник. Так я и поступил, после того как в выходные был проведён семейный совет. Семья была удивлена, и дети обозначили некоторые проблемы. Но моя жена реагировала как обычно. Если я считаю новое назначение важным, сказала она, тогда надо с ним соглашаться.

Итак, в понедельник после обеда я прибыл к министру Леберу. Он напомнил о нашей первой встрече, когда он занял пост министра обороны и я был у него в гостях дома в Таунусе, и спросил, как мне тогда понравились русские папиросы «Казбек». Я слукавил и сказал, что очень. Уже за много лет до этого я бросил курить. Хотя моя дочь Герлинд с удовольствием курила эти папиросы. «Ну и какое решение вы приняли?» - спросил Георг Лебер. Когда я объявил моё согласие, министр сразу перешёл к делу и объяснил мне, чего он от меня ожидает. С этим человеком, подумал я, мне будет хорошо работать. И позднее это подтвердилось. Он объяснил мне причины, по которым была проведена замена руководителя МАД, и высказал пожелание, чтобы я наладил в этом ведомстве солидную профессиональную работу и обеспечил бы такое положение дел, чтобы оно не попадало в заголовки газет, что было особенно важно. Он также пообещал мне, что в ближайшее время мне будет присвоено звание генерал-майора, для того чтобы я по званию соответствовал руководителям параллельных ведомств. Всё это должно было произойти в течение двух-трёх месяцев. Однако это обещание, к моему сожалению, он не смог сдержать. Причиной тому был скандал с прослушиванием, организованным МАД, который произошёл до моего назначения и с которым мне предстояло разобраться. Так получилось, что лишь спустя два с половиной года министр смог выполнить своё обещание, когда я принял командование 12-й танковой дивизией в Файтсхёххайме под Вюрцбургом, сменив на этом посту тогдашнего генерала Тёрта Бастиана. На это тоже были свои причины, которые Георг Лебер не мог предвидеть в нашем разговоре.

Затем события стали развиваться очень быстро. В Гамбурге у меня не было времени, чтобы должным образом попрощаться. Не было принятого в таких случаях торжественного построения, только краткая передача дел преемнику. 29 сентября я уже стоял перед пультом докладчика в большом конференц-зале ведомства безопасности бундесвера в Кёльне. Заместитель генерального инспектора в присутствии статс-секретаря Фингерхута формально передал мне руководство службой. Я поблагодарил за назначение и за доверие, которое мне было выражено со стороны политического и военного руководства, и обещал, что «буду стараться всеми своими силами оправдать это доверие». Я отдавал себе отчёт в том, насколько велика была ответственность, связанная с поставленной передо мной задачей.

Будни спецслужбы

Было время, когда определённые средства массовой информации в Федеративной Республике Германии наносили концентрированные удары по спецслужбам, словно механизированные подразделениягкоторые затем планировали окружить противника. Это делалось скоординированно с действиями непарламентской оппозиции и маргинальными левоэкстремистскими и террористическими группами. Сначала на основе Слухов готовились новостные материалы, затем некоторые средства массовой информации, в первую очередь один известный гамбургский еженедельный журнал, пытались заполучить фактическую информацию о происходящем в службе, чтобы подготовить из этого публицистический материал.

В 1980-е г. было предпринято несколько таких попыток. После того, как я возглавил это ведомство, я старался вывести МАД из-под огня газетных заголовков. Я отказывался давать интервью. Это рассердило некоторых журналистов. Однако два раза я нарушил это своё правило, так как министр Лебер просил меня дать интервью. Второе интервью вёл известный эксперт по вопросам политической безопасности Адельберт Вайнштайн, скончавшийся в 2003 г. Его коллега Карл Фельдмайер, переступив порог моего кабинета, очень сухо сообщил об этом. Таким образом, нельзя сказать, что я не поддерживал никаких связей с прессой.

В отношениях с журналистами я постоянно был очень сдержан. Причиной тому ни в коем случае нельзя считать недоверие. Мне не нужна была публичность. Я не видел никакого смысла в газетных публикациях о моей службе. Поэтому я не проводил пресс-конференций и'не инициировал никаких бесед. Если я действительно видел в этом необходимость, я встречался для доверительных бесед с боннскими журналистами. Здесь я должен высказать комплимент тем журналистам, которые участвовали в таких беседах, ни разу не случилось, что мои собеседники нарушили договорённости относительно доверительного характера этих встреч.

Мой предшественник оставил после себя резную деревянную доску, которая висела на стене за его рабочим столом таким образом, чтобы каждый посетитель обращал на неё внимание, на ней был вырезан девиз службы «Действуй по праву и никого не бойся!». Что касается ориентации на правовые нормы, на этот счёт тогда существовали различные мнения. Мне казалось всё это слишком банальным, и я не хотел наследовать эту доску.

После того как я уже возглавлял это ведомство несколько месяцев, ко мне пришёл солдат технической службы, чтобы что-то сделать с телевизором в моём кабинете. Телевизор стоял у стены так, чтобы я со своего рабочего места мог его смотреть. Случайно он был повёрнут так, что был направлен прямо на кресла, где я обычно беседовал со своими посетителями.

Тогда у меня не было никаких подозрений. Однако я всё же

поинтересовался, что этот человек делает. «А что вы там делаете?» - спросил я. Я был удивлён, когда узнал, что он хотел заменить или удалить установленный в телевизоре электронный прибор. Это означало, что кто-то, начиная с моего первого дня в этом кабинете до этого момента, мог прослушивать все разговоры в этом помещении. Я отнёсся к этому как к специфике нашего ведомства, подумал, что так оно, вероятно, и должно быть, и оставил всё как есть. Конечно, я незамедлительно приказал удалить этот маленький технический прибор, возможно, какой-то модуль. После этого прослушивания больше не было. Журналисты, которые беседовали со мной в моём кабинете, могут быть уверены, что эти беседы никогда не прослушивались и поэтому до сих пор остаются доверительными. Они могут быть также уверены, что я никогда не записывал наши телефонные разговоры.

Однажды я отмечал свой день рождения на федеральном балу для прессы. Тогда в качестве шефа МАД для некоторых участников бала я представлял определённый интерес, прежде всего для телевизионных журналистов, например, для Фридриха Новотны («Сообщение из Бонна») и для других представителей старой журналистской гвардии. Эти топ-журналисты всегда были раскованны, но в то же время постоянно держали ухо востро, чтобы получить новую информацию и по возможности до того, как об этом узнают их коллеги. За исключением одного случая, за время моей активной работы я не сталкивался с нечестными журналистами. В начале моей службы в МАД один известный редактор известного журнала «Штерн», господин В. из Гамбурга, пытался установить контакт со мной. Для него это было относительно просто, так как в нашем ведомстве он давно уже был известен как офицер запаса, имеющий особый интерес к спецслужбам. Поэтому я не был удивлён, когда на одном из приёмов он обратился ко мне с просьбой присутствовать на учениях в ведомстве безопасности бундесвера в Кёльне. Было бы особенно интересно, если «вы, господин генерал, смогли бы разместить меня по возможности рядом с вами. Может быть, в вашей приёмной. Тогда я буду в курсе всего происходящего, смогу лучше представить себе вашу работу и затем полноценно изобразить её в публицистическом материале».

Да, я тоже так думал и автоматически подключил своих сотрудников, занимающихся подобными вопросами. Несколько недель спустя мой человек в Берлине сообщил, что господина В. часто видят на Норманненштрассе в Восточном Берлине, где, как известно, находилась резиденция Эриха Мильке, шефа министерства государственной безопасности (Штази)... Когда в 2002 г. я принимал участие в заседании Общества за единую Германию в бундесверовской Академии информатики и коммуникаций, я посетил бывшую резиденцию на Норманненштрассе и сел за стол Эриха Мильке, мне вспомнилась эта история. Сколько журналистов за время существования разделённой Германии смогли проникнуть в верхние эшелоны власти ФРГ, спрашивал я сам себя. Некоторых из них я знал и сегодня знаю, по крайней мере их настоящие имена, других ещё не разоблачили, относительно третьих

у меня были лишь предположения. Во всяком случае, в агентурную сеть министерства безопасности входило гораздо больше журналистов, не только господин В.

В случае с несколькими журналистами, как и с несколькими ведущими политиками, часто не хватало последнего доказательства. А предположения не давали достаточного основания для проведения спецоперации, не говоря уже о передаче дела в суд. Однажды на встрече с главнокомандующим силами СШАв Европе «четырехзвездный» генерал О. спросил меня: «Что ты думаешь о вашем министре Х.?» Я медлил с ответом. Генерал затронул больную точку в моей душе. Что я должен был ему ответить? Имел ли я право открыться и высказать ему мои предположения, не располагая никакими достоверными доказательствами? «Ах, - сказал я наконец, - я знаю, что ты думаешь. У нас с тобой наверняка одинаковые предположения, но у меня нет доказательств». «Да, так я и думал. Жаль! Герд, у нас на Х. достаточно материала! У нас этого хватило бы для вынесения обвинительного приговора. И в твоём сейфе этот материал тоже есть, как я думаю. Но сегодня уже поздно открывать наши сейфы. Мы должны были сделать это десять лет назад. То, что мы этого не сделали, было большой ошибкой. Как уже было сказано, сегодня мы опоздали с нашим достоверным материалом».

Что представляет собой работа спецслужб

Выполняя положения § 2 федерального закона от 11 апреля 1978 г. о парламентском контроле за деятельностью спецслужб, я хочу рассказать в общих чертах о деятельности МАД в целом и о событиях, имевших особое значение, не нарушая моих обязательств по сохранению государственной тайны. При этом я не смогу в рамках этой ограниченной главы дать самую полную картину.

Скрытые в моём сейфе данные на деятелей новейшей истории, которые в нашей стране смогли сделать карьеру до уровня ведущих политиков, эти данные также сохраняются и в моей голове, но их никто никогда не узнает. Однако нельзя замалчивать того, что связано с понятиями допустимости и ответственности, так как однажды эти данные, которые сохраняются лишь в головах немногих людей, будут навсегда утрачены, словно увядший лист на свалке удивительного времени противостояния Востока и Запада, времени «холодной войны», начавшейся после окончания Второй мировой войны. Работа спецслужб, одной из которых была МАД, во времена «холодной войны» имела огромное значение. Меры по противодействию шпионажу, саботажу и подрывной работе имели большое значение для реализации политики.устрашения. Естественно возникает вопрос о том, есть ли необходимость заниматься этим в настоящее время, после окончания «холодной войны». Ответ на этот вопрос прост. Ни одно из государств после 1990 г. не распустило свои разведывательные службы. В каждом посольстве, как это было раньше, работают сотрудники спецслужб. Даже те страны,

которые с симпатией относятся друг к другу, хотят иметь информацию о положении дел в дружественных странах.

Даже в век совершенных технических разведывательных средств и изощрённых систем наблюдения традиционный шпионаж сохраняет своё значение. Многие страны пытаются за счёт обилия информации расширить поле для политических манёвров. Помимо этого, некоторые правительства пытаются с помощью разведывательной информации перепроверить серьёзность и достоверность решений, которые принимают другие государства. Это направление деятельности также не изменится. Таким образом, не существует противоречия между открытым политическим сотрудничеством и деятельностью по сбору информации, характеризующей положение в других странах.

Ни в коем случае не следует недооценивать значение возможностей спецслужб в борьбе с терроризмом. Это противодействие осуществляется на особых уровнях, а сегодня и в глобальном масштабе. Об этом следует рассказать отдельно. Однако в этом контексте кажется уместным изложить соображения по терактам, произошедшим в период с 1974 по 1980 г., и коротко рассмотреть события 11 сентября 2001 г.

Находясь в состоянии глубокого шока от жестоких терактов в США, немецкий бундестаг принял меры по повышению внутренней и внешней безопасности страны. Три миллиарда евро было выделено, чтобы повысить эффективность бундесвера, спецслужб и гражданской обороны против возможных террористических атак. Но этой суммы не хватило. Столько денег было необходимо только для мероприятий по повышению боеготовности бундесвера.

В результате терактов в США также и граждане Германии обратили своё внимание на службы, обеспечивающие их защиту. Предполагается, что были предостережения относительно готовящихся терактов, в первую очередь со стороны израильской спецслужбы МОССАД; но одно обстоятельство кажется непреложным фактом - все спецслужбы западного мира не имели достаточной информации. Они были застигнуты врасплох и с точки зрения времени, и относительно масштабов этих терактов, в результате чего возникает вопрос: как это могло произойти? В период наиболее многочисленных терактов в Федеративной Республике с 1974 по 1980 г. немецкие спецслужбы преодолели имевшиеся в начале проблемы компетентности и хорошо выполнили свою задачу. Это относится к ведомству по защите конституции, МАД и БНД. Тогда МАД в нарушение правил в течение нескольких месяцев почти весь свой персонал бросила на решение общей задачи преследования террористов. Политикам это не нравилось, но они вынуждены были смириться с таким положением вещей, поскольку никто из них не хотел стать виновным в провале операции. Но потом у кого-то всё-таки не хватило терпения, когда МАД во Франкфурте, ведя слежку за одной радикальной коммунистической группой, установила подслушивающую аппаратуру в подсобке одного ресторана. Многим это

показалось сильным перегибом и стало не только причиной отставки министра обороны Лебера, но и вызвало общее политическое недоверие к национальным спецслужбам.

С 1972 г. ситуация обострилась в связи с арестом членов группы Баадер - Майнхоф, которая хотела силой изменить общественно-политическое устройство Федеративной Республики, в том числе организовав взрывы в главном штабе США и в небоскрёбе концерна «Шпрингер» в Гамбурге. В 1974 г. в Берлине террористы застрелили президента камерального суда Гюнтера фон Дренкманна. В 1975 г. 85 разыскивавшихся по решению суда террористов находились в заключении, 100 других - в розыске. После принятия закона о борьбе с терроризмом последовали убийства генерального прокурора Зигфрида Бубака, пресс-секретаря Дрезднер-Банк Понто, а также президента Союза работодателей Ханса-Мартина Шляйера. В конце концов члены РАФ Баадер, Энсслин и Распэ были приговорены к пожизненному заключению.

Подавление и устранение террористов РАФ в Германии было успехом всех силовых ведомств страны. Особая заслуга в этом принадлежит БКА, которое под грамотным руководством президента Хорста Герольда преследовало террористов по всему миру, используя современные методы и оперативнорозыскную методику по компьютерным базам данных, которая шаг за шагом позволяла выявить всех террористов. И хотя ещё случались арьергардные удары, совершались убийства и производились задержания, главную опасность удалось предотвратить. Вскоре возникло недоверие к этим спецслужбам, которые своей совместной работой успешно противодействовали РАФ. Политики опасались, что эти ведомства получат слишком много власти, и начали «регулировать» взаимодействие этих ведомств, в результате чего они были отодвинуты в поле административной работы. Количество контрольных механизмов увеличивалось. Методика розыска по базам данных была предана анафеме, широко внедрялась система защиты данных, заслуженный шеф БКА Герольд был смещён со своего поста, за этим последовали другие кадровые перестановки. Была создана парламентская контрольная комиссия бундестага, и уполномоченный по защите данных старался взять под контроль все операции спецслужб. В результате всех этих шагов недоверие политиков породило недоверие спецслужб к политикам. Новая кадровая политика в результате привела к тому, что на ведущие посты назначалось всё больше некомпетентных людей, например, один адмирач, который позднее сделает карьеру в ПДС. Второй юридический диплом стал важнее, чем опыт работы в спецслужбах. Высшее руководство предложило МАД полковника Иоахима Кразе в качестве шефа контрразведки, позднее он был разоблачён как агент Маркуса Вольфа, руководителя контрразведки ГДР. От высшего политического руководства страны шеф МАД получил задание на каждый доклад у статс-секретаря брать с собой этого полковника. В результате дошло до того, что в ведомствах начали особым образом помечать документы, поскольку никто не знал, кто ещё захочет ознакомиться с ними.

Положение могло бы стать и того хуже, если бы статс-секретарь Манфред Шюлер не вмешался на уровне аппарата канцлера. Но особенно опасным было растущее недоверие иностранных служб к немецкому партнёру.

В конце концов, после восстановления единства Германии все спецслужбы от БНД до МАД подверглись сокращению личного состава, а с точки зрения технического оснащения они также были не на уровне требований времени. Целый уровень управления был расформирован. Ведь мы, как известно, «находились в окружении друзей». Но всё это не может служить объяснением и обоснованием того, почему спецслужбы находились в неведении в отношении планов международного терроризма. Это привело к тому, что кто-то стал осторожнее, а дружественные спецслужбы тоже не всегда могли быть уверены в том, что их информация попадёт в нужные руки, и предпочитали молчать. Не без основания современные террористы пытались базироваться в Германии. Здесь это сделать легче, чем в Норвегии или Англии. Тому есть причины. До сих пор ни в какой другой стране не было таких благоприятных условий для организации логистики для терактов, как в Германии, иностранцы могли легко раствориться в жилых многоэтажках Гамбурга или Кёльна, как при терактах в Германии в 1970-е гг. Германия была интересна не в качестве страны для проживания «кротов», а как место организации подпольных баз, с которых в любое время можно начать операцию. Сейчас снова идёт спор о защите данных и об обмене информацией. Необходимо повысить эффективность работы спецслужб, если не хотите, чтобы и в будущем террористы могли воспользоваться их слабостью.

Отношение спецслужб к политике

Один случай из деятельности МАД заслуживает особого внимания. Здесь среди прочего речь шла о том, в какой степени спецслужба может осуществлять свою деятельности в области большой политики. Ограничений быть не должно. В этой связи один случай имел особый резонанс. Баварский депутат бундестага Франц Йозеф Штраус попал в поле зрения сотрудников МАД, которые занимались наружным наблюдением. При подозрении на деятельность, угрожающую безопасности, наружное наблюдение было, конечно, допустимым. В отношении премьер-министра Штрауса заинтересованные круги искали факты, подтверждающие подозрения. Главным образом речь шла о закупках для бундесвера. Для прояснения этого подозрения МАД начала операцию, в ходе которой за Штраусом велось наблюдение в районе офиса ХСС. К сожалению, сотрудники МАД действовали при этом настолько неловко, что премьер-министр заметил наблюдение уже в самом начале и решил позабавиться тем, что однажды решил раскрыть наблюдавших за ним сотрудников. Какой позор для службы! Штраус обратился к сотрудникам, которые за ним наблюдали, прямо на улице и запретил им заниматься этим в районе Лацаретгштрассе в Мюнхене. Естественно, это вызвало нервозную реакцию на всех этажах МАД, включая руководство.

С тех пор Штраус потерял доверие к МАД, что было неудивительно. Потребовалось определённое время, прежде чем мне удалось восстановить доверие.

О мнимой причастности тогдашнего министра обороны Франца Йозефа Штрауса к сделкам с вооружением ни в каких серьёзных документах спецслужб, включая документы моих тогдашних партнёров в США, не было ни единого доказательства, хотя весь мир это предполагал. Но слух, однажды запущенный в обиход, живёт годы или даже десятилетия. Обвинения против политика Штрауса лишены всяких оснований. Они были придуманы, однако придуманы настолько хорошо, что за кулисами этой кампании чувствуется рука профессиональных служб. В этой связи необходимо сказать о том, что, с другой стороны, были разработки спецслужб, которые могли бы серьёзно скомпрометировать некоторых других немецких политиков. Среди них есть люди, которые в последние годы благодаря поддержке «красно-зелёной» коалиции получили назначения на высокие посты. Позднее, при изучении архивов Штази, были обнаружены новые факты, усиливающие подозрения в отношении некоторых из них. Но даже работа с фактами, подтверждающими подозрения, относящимися ко времени до восстановления немецкого единства, вероятно, не позволит преодолеть неуверенность, так ли оно было на самом деле, как предполагается. Существует опасение, что эти дела навсегда останутся под покровом забвения.

Однажды - было это, пожалуй, в 1983 г. - во время прогулки главнокомандующий силами США в Европе спросил меня, что я думаю о генерале Кислинге. Мне было известно о существовании подозрений. У нас, в штабе НАТО, были уверены, что Кислинг гомосексуалист. Я знал генерала Гюнтера Кислинга ещё с тех времён, когда мы вместе готовились к учёбе на курсах в генеральном штабе. В Ганновере в офицерской школе сухопутных войск мы сидели за одной партой. Мы вели дискуссии, не всегда серьёзно, о проблемах внутренней организации. Во время занятий я часто рисовал карикатуры на наших преподавателей и слушателей, среди которых были будущий генеральный инспектор Юрген Бранд и наш итальянский сокурсник К. Обоим я позднее подарил свои рисунки. Рисунок К. якобы до сих пор висит в его римском дворце. С генералом Кислингом в течение десятилетий меня связывают дружеские и товарищеские отношения.

«Нет, генерал, - сказал я, - генерала Кислинга я знаю очень хорошо, уже много лет, это безосновательное подозрение. Кислинг доказал, что у него нет никаких склонностей к тому, в чём его подозревают. Мне кажется, что его склонности ничем не отличаются от наших, ваших и моих. Он ничем не отличается от нас!» Однако генерал О. остался при своих подозрениях и, как мне показалось, был недоволен моим ответом. Он лишь добавил: «Материал, которым располагают наши люди, в США был бы достаточен для вынесения обвинительного приговора». Затем он спросил меня, ссылаясь на мою работу в прошлом шефом одной из спецслужб, что я думаю о немецком министре иностранных дел. «Мы до сих пор обеспокоены», - сказал я. Если соблюдать

заповедь говорить правду и ничего, кроме правды, тогда мне пришлось бы признаться, что я до сих пор испытывал к этому человеку определённое недоверие, конечно же, не из-за того, что он женился на иностранке из страны тогдашнего коммунистического лагеря! Но это такая ситуация, которую в спецслужбе - я хотел это здесь особо подчеркнуть - необходимо проверять с точки зрения контактов с другими людьми, а именно в направлении тех людей, которые уже были под подозрением в связях со спецслужбами.

Кто был ответственным за возникновение дела К., определить было трудно. Я предполагаю, как, вероятно, и другие знающие это дело, что в этом случае определённую роль сыграло чрезмерное тщеславие чиновника высокого уровня в МАД, который многие годы боролся за то, чтобы, будучи гражданским чиновником, стать начальником отдела. Это был лишь один из эпизодов продолжающейся в бундесвере борьбы между военными и гражданскими за высокие посты. Эта борьба начиналась в кабинетах и также в войсках и заканчивалась на уровне статс-секретаря и генерального инспектора. Но в то время я также считал и другие причины возможными и допустимыми, которые, к сожалению, не имели доказательств и поэтому не могут быть изложены здесь.

Будучи заместителем командующего войсками НАТО (Центральная Европа), генерал д-р Кислинг занимал один из самых высоких постов, которые в руководстве НАТО отводились немецкой стороне. Так как он соединял в себе выдающиеся способности полководца с опытом военно-политической работы на высшем уровне, я считал тогда генерала наиболее подходящим кандидатом на пост генерального инспектора бундесвера. На этой должности он мог бы сделать много полезного для армии. В период моей работы в МАД я однажды высказал это мнение, но оно не было услышано. Многие из его сослуживцев неверно оценили Гюнтера Кислинга. Будучи командиром высокого ранга, он являл собой живой пример того, что руководство персоналом и руководство войсками не являлись противоположными компонентами военного руководства.

Именно в боевых условиях руководство войсками самым тесным образом привязано к реализации принципов руководства личным составом. К сожалению, можно предположить, что до сих пор не каждый командир полностью осознаёт принцип руководства личным составом.

Хотя подчинённые и не боялись Кислинга, но в качестве командира дивизии, к удивлению многих его сослуживцев-ровесников, он обладал большим авторитетом. Он мог командовать и умел добиться выполнения своего решения. Этого критики «управления личным составом» не ожидали. Таким образом, на мой взгляд, Кислингбыл выдающимся военным руководителем, который, подобно немногим, не только мог командовать мотопехотной ротой на поле боя, но и мог стратегически думать, а также лучше разбирался в практике военной службы в условиях войны и мира, чем другие.

Руководитель ведомства и его будни

Солдат всегда должен быть нацелен на выполнение своей задачи, так его воспитывают и обучают. Так и я должен был приступить к выполнению задачи во вверенной мне службе. Задача МАД состояла в том, чтобы «в сфере деятельности министерства обороны путём профилактических и защитных мероприятий обеспечить безопасность личного состава и материальной части от всех возможных и реальных устремлений и действий подрывных сил». Таким образом, МАД является спецслужбой оборонительного характера, которая одна имеет полномочия обеспечивать профилактическую защиту вооружённых сил. Ведение дел не входит в её компетентность. Этого никто никогда и не хотел. Таким образом, МАД является ответственной за три структурных сегмента бундесвера - министерство обороны, вооружённые силы и администрация бундесвера. Конечно же, сюда ещё относится и федеральное ведомство по военной технике и закупкам, другие ведомства и учреждения, а также немецкая военная инфраструктура в командных органах НАТО и в организациях внутри страны и за границей, например, центры военной подготовки в США. Короче говоря, МАД отвечает за всю сферу деятельности бундесвера. Это также означает, что за пределами этой сферы деятельности служба не имеет никаких полномочий. Это уже является компетенцией БНД.

Задача МАД в этой области, которая имеет большое значение для безопасности страны, является объёмной и сложной. Эта задача является трудной, потому что бундесвер подвергался угрозе шпионажа, внедрения подрывных элементов и дезорганизации с момента создания вооружённых сил после войны, а также в последние годы после окончания «холодной войны». И угроза эта всегда имела высокий уровень, как в количественном, так и в качественном смысле. Противодействовать этой угрозе, ослабить её - в этом состоит главная задача МАД. В этом смысле МАД является одной из частей стратегии устрашения. Каждый противник должен бояться быть раскрытым. Так какв нашидни настоящего устрашения, имеющего стратегическое действие, армии, сформированные на призывной основе, могут добиться только тогда, когда внутреннее состояние войск в порядке и для самих войск обеспечивается достаточная безопасность. Особенно если войска задействованы за границей, в Азии или Африке. МАД внесла свой вклад в это обеспечение.

Примером этому может служить нападение на небронированный автомобиль бундесвера в Афганистане. Этой опасной ситуации нужно и можно было избежать. Её можно было избежать, если бы соответствующие службы своевременно приняли необходимые меры безопасности при перевозке солдат, а не только через несколько месяцев после происшествия. Это была ошибка, за которую должно отвечать политическое руководство министерства обороны, так как тогда это руководство, пренебрегая требованиями безопасности, исключительно из соображений экономии, подвергло наших солдат ненужной опасности, в результате чего погибли

немецкие солдаты.

Служащие бундесвера, возвратившиеся из конголезской столицы Киншасы, рассказывали о похожих происшествиях. Это ужасно, что нечто похожее на то, что произошло в Афганистане, теперь происходит и в Конго. И здесь тоже уже в начале операции солдат перевозили на опасных участках в небронированных автомобилях. Об одном конкретном примере сообщил офицер в звании подполковника. В августе 2006 г. три немецких солдата ехали в гражданском автобусе по столице Киншасе, конечно, небронированном. У них была одна единица ручного стрелкового оружия и по пять патронов боеприпасов на человека. На соответствующий запрос их французский командир, бригадный генерал ответил: «Но у них же были при себе слова и кулаки!»

Три человека, одна единица оружия и пять патронов - сегодня это является реальностью в Конго, где немецкие солдаты помогают восстанавливать мир, где на грязных улицах города почти ежедневно вспыхивают беспорядки. Нужно было задать французскому командиру вопрос, сделал бы он подобное замечание подразделению французских солдат.

Немецкий штабной офицер, который сообщил о происшествии, отвечая на вопрос, сообщил ли он об этом происшествии «наверх», пожав плечами, заметил: «Ну что вы хотите, сегодня это уже не единичный случай. Вы думаете, мне в моей карьере нужен такой «прокол»?»

Наш бундесвер пользуется большим уважением и в стране, и среди союзных вооружённых сил. Но некоторые события вызывают всё большее количество вопросов. Частично они относятся к области внутренней безопасности, но и к руководству личным составом тоже. Как обстоят дела с дисциплиной, если возможны такие срывы, как в октябре 2006 г. в Афганистане? Как здесь обстоят дела с наблюдением за прохождением службы, которое обязан осуществлять каждый командир? Точными дозами, явно с целью увеличения тиража в октябре 2006 г. в Германии одна известная бульварная газета почти каждый день печатала новые фотографии немецких солдат в Афганистане, которые позировали в полевой униформе с черепами и конечностями убитых. Вся Германия была возмущена этим ужасным «шоу». Призывы провести дисциплинарное расследование и уволить виновных из бундесвера нарастали с каждым днём. Афганское политическое руководство требовало от командования выводов и жёсткой реакции.

Кто осуждает этих солдат, которые фотографировались с черепами и конечностями убитых, тот должен не только высказывать своё осуждение до завершения расследования этого дела, но и подумать о том, как подобное вообще могло случиться. Он должен задать себе вопрос, было бы возможно такое, безусловно, предосудительное поведение в том случае, если бы афганцы, как положено по правилам их религии, хоронили своих убитых или убитых своих противников. Но афганцы в течение многих лет сваливали их

останки на свалке, мимо которой немецким солдатам приходилось ежедневно проезжать, постоянно подвергаясь опасности быть обстрелянными или даже убитыми. И даже афганские дети играли с ними. Об этом следовало бы подумать.

На просторах России, которые однажды более 60 лет тому назад превратились в поле битвы, близкие немецких солдат ещё сегодня находят скелеты своих отцов и братьев на полях и обочинах дорог, обнаруживают разграбленные могилы. Это тоже было сфотографировано. Однако только некоторые газеты опубликовали эти фотографии. Неизвестно также, чтобы какой-нибудь член правительства или немецкого бундестага возмутился бы по этому поводу. При этом вполне уместно было бы задать вопрос, а не лежит ли часть ответственности за эту отвратительную и мерзкую историю на тех, кто посылает наших солдат на выполнение военной миссии, в которой уже более дюжины немецких солдат были убиты или погибли в результате несчастных случаев.

Нельзя забывать, что эти солдаты во время патрулирования подвергаются постоянным обстрелам из засады, а их лагеря до сих пор обстреливают ракетами. Эта война, на которую посылают наших солдат, - не спортивные соревнования, где действуют честные правила. Она давно уже превратилась в кровавую реальность. Поэтому следует и в будущем добиваться ограничения на применение наших солдат. Мы должны вернуть наших солдат на родину, пока ещё общая стратегическая ситуация позволяет это сделать, не оставлять их там ни одного лишнего дня. В этой связи возникает вопрос о том, служит ли пребывание там бундесвера сегодня безопасности и интересам нашей страны. И моим бывшим солдатам должно быть позволено задать такой вопрос. Проявлять сдержанность в политических вопросах не означает не иметь возможности публично выразить собственное мнение. Недопустимо надевать намордник, если прежний непосредственный командир вступается за своих солдат, которые когда-то находились под его командованием, командир, который свою ответственность за солдат воспринимал как свою высочайшую обязанность. В ответ на клеветническую статью «Штерн» министерство обороны незамедлительно даёт журналу согласие на проведение расследования. И это делается без какой-либо информации о том, что же произошло на самом деле, не выслушав солдата, против которого выдвигались обвинения. Гуманность как таковая не может служить причиной отправления наших солдат в любую страну планеты. Желание наших союзников также является недостаточным для этого основанием. Всякий раз необходимо изучить вопрос, является ли использование немецких солдат необходимым в каждой конкретной ситуации, руководствуясь при этом чувством ответственности перед нашей страной и её гражданами. Возмущаться чьим-то неправильным поведением - это одно дело, а вот выявление ответственных за него - совсем другое.

Конечно, игры некоторых немецких солдат с человеческими черепами можно классифицировать как грубую халатность. Юрист сможет дать более

точную формулировку. Но имеем ли мы в данном случае дело с фактом осквернения места упокоения мёртвых, это необходимо ещё прояснить с юридической точки зрения. Тут наверняка будут приведены аргументы в пользу этого тезиса и против него. Но для меня главным вопросом остаётся следующий: почему эти трупы не были захоронены до прихода солдат бундесвера в этот район? Отговорок будет много.

В результате этого происшествия может возникнуть вопрос, не следует ли здесь усматривать возможное нарушение принципов руководства личным составом. В результате чего на передний план анализа ситуации выдвигается вопрос, были ли эти солдаты соответствующим образом, т.е. правильно и в надлежащем объёме, подготовлены и обучены для отправки в район военных действий. Таким образом, это происшествие действительно следует рассматривать в аспекте основных положений руководства личным составом. Если с мёртвыми противниками обращаются подобным образом, то такое положение дел не может соответствовать немецким основным положениям руководства личным составом.

Воинское подразделение, которое легкомысленно играет в такие игры, можно даже рассматривать как фактор ослабленной безопасности. Такое соединение, в котором подобные происшествия являются нормой, должно быть проинспектировано с целью выяснения, в какой степени ослаблена внутренняя безопасность соединения или в какой степени были нарушены основные нормы. В конце концов всё сводится к вопросу дисциплины в отдельном воинском соединении. Внутренняя безопасность и после окончания «холодной войны» остаётся значительным фактором, определяющим боевую ценность войск. Внутренняя безопасность является важной предпосылкой для любого успешного применения воинского соединения в условиях войны и мира. Самая лучшая оборонительная техника ничего не стоит, если солдат, который должен её обслуживать, не имеет оптимальной подготовки и мотивации. Как можно оценить боевую готовность воинского соединения, если после приказа о подготовке к выезду на задание тридцать из ста водителей вдруг объявляют себя больными, смотровые щели бронемашин забиты смазкой, значительная часть оптических и электронных приборов неисправна. А если при этом, в критическом случае, расположение помещения для подготовки уже известно противнику? И такие случаи уже неоднократно происходили в бундесвере.

Какова степень боеготовности подразделения, если его командир в определённой ситуации не уверен, должен ли он исполнять приказ или лучше отказаться от его выполнения? Какой может быть атмосфера в соединении, если командующий генерал в критической ситуации берёт отпуск и отбывает к своей спутнице жизни в Швецию? Во всяком случае, я, будучи командиром батальона, во время кризиса в Чехословакии в 1968 году, когда советские танковые соединения продвигались в сторону немецко-чешской границы, затем остановились и начали раздавать продовольствие, прервал мой отпуск на прекрасном баварском озере Вагингер, оставил жену с тремя маленькими детьми и незамедлительно кратчайшим путём

направился в свой батальон, который уже занял позиции вблизи границы, и принял командование. Всякие попытки оправдаться тем, что сегодня-де есть лэптопы и мобильные телефоны, с помощью которых можно поддерживать связь, то есть командовать, абсолютно неуместны. Техника не может заменить присутствия командира на месте и прямого общения с офицерами штаба. Тогда я не только считал своё присутствие в батальоне своим долгом, я знал, что нужен своему подразделению. Ему был нужен командир в моём лице. Солдаты должны были видеть своего командира, иметь возможность поговорить с ним и обсудить с ним свои проблемы. Во всяком случае, я не мог командовать своим батальоном на удалении тысячи километров...

Изменение ситуации в области безопасности после 11 сентября 2001 г.

Сегодняшний терроризм предъявляет другие требования к вооружённым силам, чем это было в годы «холодной войны» и противостояния Востока и Запада. В ближайшее время можно не опасаться применения целых танковых соединений в Центральной Европе. Опасности, исходящие от терроризма, хотя и другого рода, но всё же требуют применения сил для отражения его атак, сил, среди которых классическая разведка с применением её скрытых средств должна быть составной частью стратегии. Обнаружить противника до того, как он нанесёт удар, в этом весь смысл. Спутать, нарушить и уничтожить его логистику - является ключевой частью обороны. Террористы тоже используют сложную сеть логистики, если они хотят добиться успеха. Да, им требуется значительно больше времени на подготовку, поскольку большей частью она должна проходить скрытно. Их маленькие группы и эскадроны смерти способны в любое время выполнять задачи, которые могут представлять собой серьёзную опасность для войск. Раскрыть их подготовительную работу и предотвратить их удар является сегодня одной из важнейших задач в условиях изменившегося образа войны. Сколько угодно можно иронизировать над тем, что сегодня мы якобы окружены исключительно друзьями. Действительно, сегодня в Европе уже невозможно себе представить проведение масштабных военных операций. Танковые сражения в Центральной Европе в ближайшее время едва ли состоятся. Однако у какого военного эксперта хватит мужества предсказать политическую ситуацию на следующие десять или двадцать лет? В отделах планирования министерств государств - членов НАТО специалисты стараются сконцентрироваться на периоде в 5 лет. Они думают, что на такой период можно предложить относительно достоверный прогноз. Насколько верны эти прогнозы? Военное планирование необходимо осуществлять на период, как можно дальше уходящий за пятилетний срок.

Для целенаправленного и своевременного предупреждения опасности, возникающей в результате шпионажа со стороны противника, саботажа, действий по нанесению ущерба средствам обороны и подрыва боевого духа, подрывной деятельности, а также терроризма, и сегодня требуются большие

усилия всех тех, кто отвечает за безопасность, прежде всего при применении подразделений бундесвера в Азии или, что в будущем будет происходить чаще, в Африке. Поскольку здесь, в Африке, развитие событий только начинается, в любой момент может произойти взрыв, и тогда станет возможным применение соединений бундесвера. У меня нет сомнений в том, что после того как федеративное правительство демонстративно отказаюсь посылать войска в Ирак, оно будет шаг за шагом усиливать свою активность в Африке, в том числе и военную. Сегодня всё указывает на такую тенденцию. В Африке всё ещё есть спокойные регионы, хотя иногда возникает и обратное впечатление, как это было, например, в течение долгого времени в Малави. Здесь казалось, что у «пожизненного президента» Хастингса Камузу Банды, которому было уже за девяносто лет, очень прочные позиции. А потом вдруг всё резко изменилось. Абсолютно неожиданно и быстро «пожизненный президент» был свергнут. НАТО должен настроиться на то, что в Африке это будет не единичным случаем. Кажущаяся прочной политическая обстановка может быстро измениться без каких-либо предварительных сигналов, если кто-то, находящийся на месте, не предупредит об этом. В этом регионе особое значение имеет система раннего оповещения с применением скрытых военных средств. Предвидеть такое развитие событий является задачей западных спецслужб. Представляет ли это интерес для нас, немцев? Конечно! По крайней мере Центральная Африка находится в сфере наших национальных интересов не меньше, чем Афганистан. Но это ещё не даёт ответа на вопрос, должна ли Германия посылать в эту страну свои войска. Эффективно работающая спецслужба оборонительного характера, основными принципами которой являются правовое сознание, лояльность, самодисциплина и надёжность, является одной из основных предпосылок безопасности бундесвера и нашей страны. Военная контрразведка может быть успешной только в том случае, если она опирается в своей работе на доверие солдат и общественности и если каждый готов сотрудничать с этой службой. Сюда относится также разумное сотрудничество с журналистами. Это будет неконструктивно, если между службами контрразведки и журналистами возникнет непреодолимая пропасть «отказа от сотрудничества». Общественная дискуссия вокруг МАД в конце 70-х гг. и в 2006 г. в некоторых сферах нанесла ущерб этому доверию и явилась причиной значительных осложнений в работе служб. Сегодня в таком объёме речь об этом не идёт. Кажется, что в нашей стране разум усиливает свои позиции.

О пользе и вреде контрразведки

Самой интересной частью моего повествования для моего потенциального читателя будет, вероятно, та часть, которая посвящена шпионажу и контрразведке. Это та тема, которая в последнее время часто заполняла телевизионный эфир на целый вечер и по которой было написано много книг, удачных и не очень. Особенно запоминающимся образом эту тему разработал гамбургский режиссёр Юрген Роланд. Во время работы над

одним из фильмов его серии «Место происшествия» я имел возможность выступать в роли его консультанта. Вместе с продюсером мы до утра сидели в моём доме и вели дискуссии о проекте сценария. В нём, конечно же, содержались некоторые неточные детали, а некоторые моменты не соответствовали или не совсем соответствовали реальной работе спецслужб. Когда Юрген Роланд показал мне первую версию в студии НДР в Гамбурге, всё было идеально. Роланд, с которым в процессе работы у меня сложились дружеские отношения, вручил мне по этому случаю вставленные в рамку мои рукописные заметки. Под моим текстом он написал: «Рукописный текст генерала Комоссы к фильму «Место происшествия». Друг Грегор. Телевидение НДР, весна 1979 г.» На обратной стороне он дополнил: «Большое спасибо и сердечный привет! Ваш Юрген Роланд. Гамбург, 01.04.1979.»

Мой текст на странице, которая теперь помещена в рамку, был следующим: «Технические средства? Прослушивание? Нет-нет. На это мы никогда не получим разрешения. По крайней мере пока. Не по этим данным, подтверждающим подозрения. Вы же не собираетесь утверждать, что в этом случае имела место угроза для существования Федеративной Республики. Выкиньте это из головы. В этом я не хочу участвовать даже при составлении запроса». «Если говорить честно, мы так и думали», - сказал тогда Юрген Роланд.

И сегодня (2007 г.) существуют многочисленные указания на то, что те опасности, которым подвергается бундесвер, принципиально не стали меньше. Туристы и деловые люди, посетившие Минск и Москву, рассказывали о своих впечатлениях. И даже наш союзник по ЕС и НАТО Польша продолжает содержать свою тайную сеть сотрудников на немецкой территории. Этого нельзя отрицать. Почему же тогда эти страны должны распускать свои разведывательные службы? «Знание - сила» - этот постулат Ленина, насколько мне известно, ещё не списан в архив. То обстоятельство, что в последнее время акцент в разведывательной работе противника сместился с военного шпионажа на промышленный, является естественным результатом политических изменений в Европе. До мирной революции в Европе спецслужбы стран Варшавского договора, и в первую очередь спецслужбы ГДР, своими интенсивными шпионскими действиями представляли реальную и постоянную угрозу для нашей военной безопасности. Они действовали с применением больших кадровых, финансовых и технических ресурсов и при этом осознанно и беззастенчиво использовали все возможности нашего свободного правового государства.

Контрразведка МАД не всегда была готова к этому. Невозможно рассматривать собственную работу изолированно от других. Сотрудничество с ведомством по защите конституции и с партнёрскими иностранными спецслужбами является обязательным и, конечно же, поддерживается сегодня в мировом масштабе в особых условиях террористической угрозы. В области контрразведки за время моей работы благодаря тесному и доверительному сотрудничеству с американскими и французскими

спецслужбами, а также с австрийскими коллегами было проведено несколько успешных операций. Мои поездки во Францию, в Австрию, Италию и США способствовали информационному обмену. Наряду с Австрией мы, естественно, плодотворно сотрудничали со Швейцарией, с Люксембургом, Швецией, Англией и Израилем.

Кроме этого, контрразведка, конечно, использует всю имеющую отношение к её работе информацию из БНД, из судебных органов и от уполномоченных по безопасности бундесвера в соединениях и гарнизонах. Особенно интенсивным было сотрудничество с БНД. Это сотрудничество было в высшей степени тесным и успешным, естественно, в то время, когда ответственные посты в руководстве БНД занимали генералы. Мы знали друг друга ещё по совместной службе в бундесвере, некоторые личные связи установились ещё во времена вермахта, что, разумеется, существенно способствовало нашей кооперации. Те данные, которые, например, получала МАД от солдат после их поездок в ГДР, я, разумеется, незамедлительно направлял в БНД. И наоборот, президент БНД в срочном порядке информировал меня об особых происшествиях. И это было вполне закономерно. Критика такого положения вещей сегодня явно не служит интересам безопасности государства. Общеизвестно, что деятельность спецслужб и в прошлом, и в настоящем постоянно подвергается критической оценке, и публицисты ищут формальных признаков каких-либо нарушений. Основываясь на своём опыте, могу позволить себе констатировать следующее: в нашей разведке и контрразведке работают высококвалифицированные люди.

По случаю смены последнего военного президента БНД, которая произошла в мою бытность шефом МАД, я устроил ужин в Бад-Годесберге. Это было традицией ещё со времён Рейнхарда Гелена (1902-1979), первого президента БНД (1956-1968). Мне, как старейшему шефу контрразведки, надлежало произнести хвалебную речь в адрес президента. Казалось логичным, что я должен был стать его преемником, поскольку других подходящих кандидатов не было. И я считал себя готовым для этого, особенно после того, как один знакомый депутат бундестага дал мне информацию о том, что между депутатами были соответствующие разговоры. Однако канцлер Гельмут Коль хотел, как мне было доверительно сказано, принять политическое решение. А уж профессиональные навыки придут сами собой, так считал канцлер. Конечно, Клаус Кинкель был безукоризненной личностью, и не могло быть возражений против того, что выбор пал на него. И вот меня в качестве гостя пригласили в Пуллах на мероприятие по случаю вступления Кинкеля в должность руководителя БНД, кстати, бывшего шефа немецкой контрразведки на такое мероприятие больше уже не приглашали. Преемники Кинкеля упразднили эту традицию. Это стало новой чертой боннской политики. Если раньше это считалось доброй традицией - по особым случаям приглашать предыдущих руководителей ведомства, то преемники Клауса Кинкеля сочли эту традицию ненужной. В своей вступительной речи президент Кинкель обозначил новые

акценты своей стратегии: не конфликт между Востоком и Западом имеет сегодня приоритетное значение, а конфликт между Севером и Югом. И в этой сфере сегодня находится наш, немецкий, интерес - такое мнение высказал президент. Было очевидно, что Клаус Кинкель, да простит он мне это моё суждение, не обладал особыми знаниями, необходимыми для такого специфического задания, как руководство внешней разведкой, имея при этом, несомненно, большой политический опыт. Мои знания тогдашнего главного противника охватывали период с военных лет, к тому же я знал русский язык, который шесть лет учил в школе в Хоэнштайне в Восточной Пруссии и в котором практиковался при любой возможности во время моего пребывания в России с 1943 по 1949 г., что позволило мне глубоко проникнуть в русскую душу и русский менталитет.

Для руководителя такой службы это было бы большим преимуществом. Однако я ни в коем случае не хочу конфликтовать с канцлером, хочу лишь показать, как канцлер Гельмут Коль тогда в Бонне проводил свою очень своеобразную кадровую политику. Он принимал решения, исходя из партийных и политических интересов. Тогда ему показалось целесообразным предложить этот особенный пост СвДПГ в качестве подарка, теснее связывающего коалиционные партии.

Как уже отмечалось, его решение не причинило мне особых страданий, но понять такое решение канцлера я не мог. После этого мы ещё раз случайно встретились в лифте в Бонне. Один присутствовавший при этом депутат посчитал, что должен представить меня, однако канцлер прервал его жестом руки. «Конечно, я знаю генерала Комоссу», - сказал он. Он, вероятно, помнил нашу короткую беседу в бундестаге, когда я хотел информировать руководителя фракции ХДС/ХСС о ситуации в области обеспечения безопасности, такой доклад я до этого уже сделал Герберту Венеру и Францу Йозефу Штраусу. Но в отличие от Венера и Штрауса Гельмут Коль после краткого дружеского приветствия доверительно направил меня к Филиппу Йеннингеру. Вероятно, у депутата д-ра Коля не было времени выслушать доклад шефа военной контрразведки или его просто не интересовали эта сфера деятельности и результаты работы МАД.

Я не намереваюсь здесь критиковать тогдашнего депутата, а позднее канцлера. Для Германии он многое сделал удачно, кое-что - менее удачно. Но главное, он слишком долго хотел оставаться на этом посту. Когда я думаю о Гельмуте Коле, невольно возникает сравнение с Конрадом Аденауэром. Однако мне не хотелось бы их сравнивать, поскольку воспоминания о Конраде Аденауэре связаны с воспоминаниями о моём тесте, д-ре Артуре Рупперте, который, будучи главным редактором «Гельзенкирхенер пайтунг» и издателем партийной газеты ХДС в Рурской области, находился в тесном контакте с рейнским отделением партии. В ходе коммунальных выборов в Эссене на одном из больших митингов я обеспечивал личную безопасность Конрада Аденауэра. Конечно, мне не довелось увидеть Аденауэра «без пиджака», но я почувствовал в нём человека исторической значимости. На его тонких губах не было ни тени лживой улыбки, он не пытался дешёвыми

приёмами сорвать аплодисменты, он не пытался понравиться, не хотел блистать, он хотел жить и работать на благо нашей страны, до тех пор пока Господь давал ему на это силы.

В деятельности этой личности также можно искать ошибки, но отыскать их можно немного. Одна из немногих его ошибок состояла в том, что он слишком долго верил в то, что он незаменим для Германии. Позднее то же самое произошло с Хайде Симонис и Герхардом Шрёдером, да и с некоторыми другими ведущими политиками, которых, однако, нельзя сравнивать с Конрадом Аденауэром... Однако хочу вернуться к теме - к работе МАД по обеспечению противодействия шпионажу. Это, в сущности, могла бы быть хорошая тема для диссертации. Жаль, что, когда я после 1985 г. при поддержке профессора Лотара Боссле получил место преподавателя в университете Вюрцбурга, я не сделал соответствующей заявки. Боннское налоговое ведомство сделало практически невозможной мою преподавательскую деятельность. Так как с самого начала я отказался от оплаты за преподавательскую деятельность, моя работа не была признана в качестве позиции для снижения «налогооблагаемой базы». В результате я должен был из своего кармана оплачивать все возникающие в этой связи расходы, в том числе немалые затраты на железнодорожные билеты из Бонна в Вюрцбург дважды в неделю, а также оплату гостиницы, когда в результате моих лекций и семинаров со студентами я задерживался и в этом возникала необходимость. Ректор университета выдал мне письменное подтверждение, что после завершения испытательного срока мне будет выплачена компенсация моих затрат. Однако я был вынужден капитулировать после того, как налоговое ведомство настояло на том, что я не имею права отказываться от оплаты моей преподавательской деятельности. Таким образом, после четырёх семестров я прекратил преподавание. Тогда мне следовало бы не только читать своим студентам лекции по Иммануилу Канту, но и предложить им интенсивный курс лекций по теме «противодействие шпионажу», что было бы, как я уже отмечал, в духе великого философа и уважаемого мной моего восточнопрусского земляка, полёт мыслей которого распространялся за пределы Европы и который предвидел даже образование сегодняшней ООН. Хочу ещё раз напомнить его тезис о «службах дьявола, без которых тем не менее нельзя обойтись».

Не могу отрицать, что руководство одной из таких «служб дьявола» доставляло мне удовлетворение, а иногда даже удовольствие и радость. И всё-таки мне следует быть благодарным Создателю за то, что после работы в спецслужбе он снова вывел меня на обычный путь немецкого солдата. Нас, «нормальных солдат», согласно решению федерального конституционного суда от ноября 1995 г. всё ещё можно обзывать «убийцами». И государство, и его правительство разрешают делать это и в наши дни, в 2007 г., и при этом, не задумываясь ни минуты, отправляют немецких солдат, внуков того истерзанного Второй мировой войной поколения, на опасные задания в Азию и Африку, в Афганистан, да ещё и в Конго, а завтра, может быть, ещё и на

Голанские высоты. А если в этом будет необходимость, то и в другие страны нашей планеты, где террористы угрожают миру. Странно при этом то, что если сегодня встаёт вопрос об отправке немецких солдат в другие регионы мира, то почти все депутаты бундестага очень легко дают своё согласие.

Но мы уже достигли той предельной черты, когда вопросы можно решить военными средствами. И для урегулирования ситуации на Ближнем Востоке правительство не должно было отправлять туда ни единого солдата. Здесь особенно велика опасность того, что Германия невольно может оказаться втянутой в конфликт значительно большего масштаба. Имитация атаки израильских боевых самолётов на немецкий военный корабль является поводом для озабоченности. Имитация атаки как следствие недоразумения? Кто может быть настолько глуп, чтобы поверить в это? То сопротивление, которое пришлось преодолевать, те ограничения, которыми было обставлено применение наших военно-морских подразделений, должны были послужить аргументом для того, чтобы не отправлять корабли кливанскому берегу. Но их всё-таки отправили туда с благословения немецкого бундестага.

Успешные встречные операции

В контрразведывательной деятельности спецслужб мы говорим о встречных операциях (ВО) в тех случаях, когда предпринимаются целенаправленные попытки установить связь с разведслужбой противника. Это сегодня широко известно и не противоречит правилам соблюдения секретности. Разработка встречных операций и руководство ими имели в деятельности контрразведки во времена «холодной войны» основополагающее и даже решающее значение для получения общей картины положения дел. По моему мнению, они имели приоритет. Для этих целей во времена моего руководства службой в моём подчинении находились блестящие офицеры, среди которых было отдвухдо пяти подполковников высочайшего уровня квалификации. Проблемы руководства встречными операциями заключаются, помимо уже упоминавшихся рисков провала, в том, чтобы обеспечить необходимую оперативную безопасность и соразмерность передаваемой собственной информации (материала для игры) в целях получения сведений о противнике. Возникают одни и те же вопросы: что я могу передать противнику, что я могу ему предложить, чтобы это выглядело правдоподобным, и что он не должен узнать ни при каких обстоятельствах?

Обеспечение оперативной безопасности является ключевым вопросом любой встречной операции и таким образом определяет успех контрразведки против шпионажа противника. Мой человек должен быть абсолютно уверен, что в любой ситуации он при необходимости будет как можно скорее выведен из зоны опасности. Если у него возникают сомнения, то он не будет работать в полную силу. У меня есть тому некоторые примеры.

Оперативная безопасность означает исключение любой возможности разоблачения собственных секретных сотрудников одновременно с

предотвращением вмешательства в операцию со стороны разведки противника. Если это произошло, то «контрагент» (СМ - агент иностранной разведки, засланный на территорию противника с целью получения и передачи информации о его действиях), выражаясь профессиональным языком, «сгорел». Юрген Роланд смеялся, когда он в первый раз услышал этот технический термин у меня дома далеко за полночь и после многих выпитых бутылок пива. «“Сгорел” - это звучит достаточно необычно», - смеялся Роланд. До сегодняшнего дня МАД удавалось так обеспечивать оперативную безопасность, что ни одному секретному сотруднику при встречах за пределами ФРГ не был причинён какой-либо вред и они даже не арестовывались. Я здесь говорю, конечно, только о времени, когда я отвечал за контрразведку. Несмотря на то что несколько опасных ситуаций возникало, мы вместе с нашими друзьями успешно выходили из положения. Я никогда не смирился бы с угрозой оперативной безопасности моих сотрудников и не стал бы этим рисковать. Когда такая ситуация однажды чуть не стала реальностью, я своевременно вывел сотрудника нашей службы на месте из зоны опасности. Разведслужба противника этого сначала не заметила, однако потом не смогла найти своего собеседника в прекрасном Инсбруке.

В поисках иголки в стоге сена

Выявление истинных фактов, которые позволяют обнаружить разведывательную деятельность или вмешательство спецслужбы иностранного государства либо подтверждают подозрения в шпионаже, является важнейшей задачей аналитической деятельности контрразведки. Её значение в особой степени проявляется при постановке задач встречной операции. Это означает нейтрализацию сил противника, получение доказательств или исключение шпионажа и выявление важнейших рисков и пробелов в обеспечении безопасности. При этом операции разведслужб зачастую напоминают известные поиски иголки в стоге сена. Аналитическая работа в контрразведывательных операциях, таким образом, подразумевает, во-первых, раскрытие действующих агентов, доказательство их шпионской деятельности с целью их последующей нейтрализации через соответствующие органы уголовного преследования. Если разведслужба в каком-либо случае совершила ошибку, то она обязана приложить все силы для всеобъемлющей реабилитации подозреваемого. На том, кого подозревали в шпионаже, но не доказали его вины, не должно оставаться ни одного позорного пятна. Это основной принцип правового государства.

Мимо заинтересованного читателя не должны пройти хотя бы некоторые действительно интересные результаты контрразведывательной деятельности, которые имели особое значение и выходили за обычные рамки.

Это прежде всего касается контрразведывательной операции «Менеджер», которая в своё время вызвала большой общественный

резонанс, однако при этом никогда не освещалась во всех своих деталях. Некоторые СМИ использовали операцию для полемических атак на МАД. Задачей этой контрразведывательной операции было разоблачение и доказательство участия или даже организации незаконной торговли оружием и товарами, подпадавшими в то время под эмбарго, со стороны спецслужб противника.

В этом случае чётко проявились вся проблематика деятельности спецслужбы и применение имеющихся в её распоряжении средств. Спецслужба всегда действует на стыке между отражением угрозы со стороны антиконституционных сил или противника и соблюдением собственных принципов применения только тех средств, которые одобряет и предоставляет ей правовое государство. При этом, конечно, нельзя не принимать во внимание, какие средства применяет разведка противника. Собственная служба должна быть в состоянии в любой момент эффективно отразить эти атаки. Это является обязательным требованием к политике, которая несёт полную ответственность за созданный ею контрразведывательный орган. Однако, к сожалению, многие политики не отдают себе в этом отчёта.

В МАД я особенно отчётливо понял смысл закона Мэрфи: «Всё не так просто, как выглядит, и длится дольше, чем задумано. Если может случиться неприятность, то она случается». Ни на одной другой своей должности я не нашёл таких чётких доказательств этого закона, как на должности руководителя военной разведки. И строгое следование девизу МАД «За правое дело стой смело», который мне никогда особо не нравился, так как он декларирует само собой разумеющееся, никого не защитило от несправедливых нападок на спецслужбу и её сотрудников. Наше стремление исполнить свой долг перед нашей страной, действуя в рамках боевой задачи или же в рамках правил игры, не останавливает тех, кто подозревает и обвиняет нас в недобросовестности, превышении власти, относится к нам с подозрением и клевещет на сотрудников. Тому есть множество примеров также и в наше время. Мы должны с этим смириться. Это не повод для пессимизма. Это трезвое осмысление опыта работы руководителя секретной разведслужбы. Но есть и опыт, который определяет моё позитивное отношение к спецслужбе: солдату на службе в военной разведке следует прилагать все усилия для обеспечения безопасности нашей страны. В том числе и сегодня. К сожалению, некоторые публицисты вполне определённых СМИ, включая иллюстрированные журналы, страдают странной болезнью, которую можно обозначить как «синдром безопасности». Не имея ясного представления, они танцуют танго «Мания преследования», забыв о том, что всего 15 лет назад балалайка наигрывала нам совсем другие мотивы.

«Леопард II» - вожделенный объект

Когда немецкий боевой танк «Леопард II» под особым покровом секретности выехал из цехов фирмы «Краус-Маффай», это произвело

сенсацию. После выдающихся немецких танков Второй мировой войны, таких как «Пантера», «Тигр» и «Королевский тигр», теперь «Леопард II» оказался в центре общественного внимания и, естественно, был взят на прицел специальной оптики разведслужб. Любопытство в отношении танка было в Москве не менее велико, чем в Вашингтоне. Особый интерес проявлялся ко всем тактико-техническим характеристикам, его весу, вооружению, запасу хода по шоссе и на поле боя, но особенно к двигателю, который имел доселе невиданную мощность и представлял собой революционный прорыв в танкостроении. Взоры экспертов с Востока и Запада с вожделением обратились на танк «Леопард». Из этого можно извлечь кое-какую пользу, думали мы про себя в нашей штаб-квартире в Кёльне.

В начале 1973 г. управление безопасности бундесвера неожиданно получило сведения, что пражская фирма OMNIPOL заказала среди прочего один двигатель к истребителю-бомбардировщику «Мак-Доннел - Дуглас Фантом» и один двигатель к боевому танку «Леопард II». Якобы эта военная продукция, подпадающая под условия эмбарго, должна быть поставлена одной ливийской торговой группе, занимающейся вооружениями. В действительности нам тогда уже было известно, что советский КГБ с помощью международных торговцев оружием и с участием чешской внешнеторговой фирмы OMNIPOL пытается завладеть двигателем от «Леопарда II». Легко можно себе представить, что этот двигатель представлял особый интерес для советской спецслужбы прежде всего потому, что позволял скопировать столь высокотехнологичное изделие для советских танковых армий, сэкономив при этом время и расходы на разработку, что значительно повысило бы тактические возможности советских вооружённых сил. Поэтому мы исходили из того, что на совершенно секретный двигатель и в дальнейшем будет направлена разведывательная деятельность противника. Мы стали этим руководствоваться и создали компетентную команду.

По этой причине мы в МАД начали контрразведывательную операцию с единственной целью - путём принятия соответствующих мер противодействия противнику сорвать либо по крайней мере существенно затруднить не только эту конкретную попытку, но и дальнейшие усилия по получению образцов оружия из Германии. Компетенция МАД в этом вопросе нами не подвергалась сомнению, так как данная поставка ставила под угрозу военную безопасность ФРГ. Итак, мы занялись делом о поставке двигателя к «Леопарду II». В ходе этой операции очень скоро выяснилось, что под прикрытием гражданско-правового договора поставки действует спецслужба противника.

Для нас было важно раскрыть всех действующих лиц и методы чешской разведслужбы, которая принимала участие в этом, что опять-таки потребовало применения разведывательных методов со стороны МАД, чтобы не навредить проведению операции или даже не провалить её, раскрыв раньше времени её контрразведывательный характер. При этом, естественно, применялись методы и обычаи нелегальной торговли оружием,

такие, как ценовое соглашение и произведение оплаты. С согласия Федерального ведомства уголовной полиции один из его сотрудников обеспечивал осуществление этой сделки под прикрытием МАД, поскольку у нас не нашлось подходящего военнослужащего. Таким образом, с двумя торговцами оружием противоположной стороны были начаты «переговоры о заключении договора», которые завершились заключением соглашения о передаче двигателя к «Леопарду II» и части денежной суммы в оплату за него.

Взаимный обмен должен был состояться вблизи швейцарской границы, недалеко от города Констанц. Наши офицеры из МАД очень быстро превратились в прожжённых бизнесменов. Торговцы оружием были уверены, что речь идёт об украденном двигателе к «Леопарду II», который был задекларирован как корабельный мотор, из-за чего эта сделка и была окружена ореолом секретности и связана с большим риском. Естественно, наши операции могли привести к успеху лишь в случае участия в них фирм «Краус-Маффай» и «Рейнметалл». Кроме членов правлений обеих фирм, основной вид деятельности которых заключался в производстве вооружений, среди моих знакомых был председатель правления фирмы «Маннесманн» господин Овербек, который, будучи блестящим офицером вермахта, особенно проникся нашими планами и поэтому оказал нам большую помощь в установлении необходимых контактов с немецкой оборонной промышленностью. Однажды, когда я командовал 12-й танковой бригадой в Амберге, что в Верхнем Пфальце, он прочитал очень интересный политико-экономический доклад на офицерском собрании 124-го танкового батальона, командиром которого был тогда подполковник Хеннинг фон Ондарца, впоследствии занимавший должность инспектора сухопутных войск. Овербек ещё тогда зарекомендовал себя другом солдат и настоящим боевым товарищем. В тот вечер мы с ним вдвоём долго спорили за франконским вином о политике и экономике, просидев так почти всю ночь. Овербек был выдающимся экономистом. В своих воспоминаниях фронтового офицера он никогда не умалчивал о походе в Россию, что создавало наилучшие предпосылки для доверительного сотрудничества экономики, промышленности и бундесвера. Разговор был товарищеским, и он явно чувствовал себя в своей тарелке среди военнослужащих в нашем офицерском собрании.

Срок передачи двигателя к «Леопарду II» переносился несколько раз по техническим причинам. Но вот наступил наконец этот день. Наши офицеры, подполковники Ш. и Ф., стояли на стоянке для грузовиков и нервно курили одну сигарету задругой. К ним присоединились два господина из Федерального ведомства уголовной полиции в Висбадене. Никто не проронил почти ни слова. Подполковник Ш. сделал несколько ироничных замечаний вроде того, собираются ли партнёры действительно забирать двигатель, хватит ли им «рубликов» и пройдёт ли вся операция с оплатой «наличностью» - в нашем случае речь шла о сумме в 150 000 немецких марок наличными. В то время для офицера МАД, который получал оклад по тарифу

оплаты военнослужащих 15-го разряда со скромными надбавками за службу в МАД, это были большие деньги. Вся группа облокотилась на грузовик фирмы MAN, на платформе которого, под плотным тентом, находился предмет, действительно похожий на корабельный мотор. Тент был плотно обмотан и обвязан. Маскировка была отличной.

Потом появились покупатели с Востока, они прошли через пограничный пункт и направились прямо на стоянку. Казалось, что они хорошо ориентируются на местности. Они явно торопились. Один из мужчин нёс дипломат, в котором, очевидно, находились деньги. Все встали с той стороны грузовика, которая не просматривалась с пограничного пункта, чтобы осуществить оговорённые формальности обмена.

После того как на этой встрече 27 сентября 1974 г. в Констанце на озере Бодензее торговцам оружием были переданы ключи от грузовика, а они, в свою очередь, передали 150 тысяч немецких марок в большом плотном конверте и их водитель занял место за рулём, немецкие партнёры неожиданно представились офицерами МАД и сообщили ошеломлённым «партнёрам», что за этой сделкой угадывается одна восточная спецслужба. После этого торговцы оружием по настоятельной рекомендации подполковника Ш. очень быстро покинули ФРГ и кратчайшим путём направились на безопасную швейцарскую территорию. Сумма в 150 тысяч немецких марок была объявлена «денежными средствами противника», как это обычно бывает во время контрразведывательных операций подобного рода, и переведена в федеральный бюджет. Вознаграждения наши офицеры МАД, конечно же, не потребовали. Это было делом чести. Наши сотрудники были счастливы, что операция прошла успешно.

Правда, после этой успешной контрразведывательной операции у нас начались сложности с политиками и судами. Прокурор Констанца возбудил расследование в отношении неизвестных лиц, под которыми подразумевались мы, но быстро прекратил его. Затем, после одной публикации в гамбургском еженедельнике, снова было возбуждено дело в суде в отношении четырёх сотрудников МАД, в ходе которого некоторое время выказывалась заинтересованность в сотрудничестве со мной как с руководителем ведомства, а именно по вопросам подозрения в мошенничестве, превышении должностных полномочий, незаконном лишении свободы и вымогательстве. Таким образом, немецкий журнал обвинил собственную спецслужбу, которая в ходе обоснованной с точки зрения безопасности операции предотвратила нанесение ущерба нашей стране. Дальнейшие следственные действия, в том числе дело, возбуждённое генеральной прокуратурой по подозрению в выдаче государственной тайны и в агентурной деятельности (§§93, 99 УК), были вскоре приостановлены.

Федеральный министр обороны признал затем, насколько мне помнится, требования торговцев оружием, среди которых был и бельгийский торговец оружием В.Д.В., обоснованными и перечислил им конфискованные 150 тысяч

немецких марок, а также компенсацию накладных расходов. Таким образом, всё вернулось на круги своя, а советская спецслужба КГБ осталась в стороне и даже не была ни разу упомянута. Казалось, что она здесь совершенно ни при чём. Ну а Москва хранила молчание.

Однако в руководящих кругах МАД этот случай послужил толчком к переосмыслению правового положения разведслужбы и её деятельности. Ранее я придерживался той точки зрения, что секретные службы типа МАД или ЦРУ нуждаются в большей свободе действий при проведении контрразведывательных операций. А прошедшие особый отбор люди в руководстве должны своими деловыми и личными качествами обеспечивать соблюдение правовых норм и порядка. Я не был готов тогда к принятию специального закона о разведслужбе. Однако в последние годы после моего увольнения со службы я пересмотрел свои взгляды. Если в начале своей деятельности я был против «закона о МАД», то теперь, после этих операций, я требую принятия такового в целях защиты наших сотрудников и сотрудниц. После успеха «Операции “Леопард И”», её последствий и судебного преследования в отношении сотрудников службы возникли опасения, что в дальнейшем разведывательные и оперативные действия МАД и других спецслужб не будут оцениваться и рассматриваться со стороны прокуратуры, как прежде. Очень скоро раздались требования судить секретных сотрудников. Мы же искали решение этой проблемы в том, чтобы всё чаще - при более поздних разбирательствах - использовать в судах «свидетелей понаслышке». Левые в Германии были возмущены.

Неправильное поведение в ходе судебных процессов могло отрицательно сказаться и на сотрудничестве с дружественными спецслужбами внутри страны, т. е. с федеральным и земельным ведомствами уголовной полиции, поскольку они опасались, что их сотрудники окажутся втянутыми в разбирательства с участием МАД, а в этом ни одна служба не заинтересована. Вскоре стала проявляться и неуверенность иностранных спецслужб, которые принялись размышлять, какой же информацией можно обмениваться с немецкими службами. Это было одним из моих опасений. Если основной принцип защиты источника информации хоть раз нарушить, то можно ожидать, что когда-нибудь плотину прорвёт. Неопределённость правового положения оперативных сотрудников МАД только усугублялась судебными действиями, поскольку ни время проведения операции «Менеджер», ни применение впоследствии разведывательных средств и методов со стороны МАД не были однозначно урегулированы на законодательном уровне.

Психологически негативное действие, вызванное тем, что оперативные сотрудники предстали перед судом в качестве обвиняемых с последующим низкопробным освещением этого события в определённых средствах массовой информации, которые алчно охотятся за подобными фактами, должно было сказаться на состоянии персонала МАД и секретных сотрудников. Впоследствии так и случилось.

Однако действительно широкая волна недоверия в отношении всех спецслужб в ФРГ, а впоследствии и в США, Канаде и частично во Франции прокатилась лишь позже. Она проявилась в почти полном контроле над спецслужбами, включая присутствие представителей политических партий в руководящих органах, при том, что лично они ненавидят спецслужбы, как чуму. Вместе с тем они охотно пользуются услугами этих служб, когда речь идёт об их личной безопасности.

Интерес представляет всё, что летает

На основании информации от доверенного лица МАД о том, что один бельгийский торговец оружием пытается получить документы о проекте многоцелевого боевого самолёта «Торнадо» с целью их продажи в ЧССР, мы начали «Операцию К». Эта информация однозначно подтверждала наличие тех же самых следов иностранной разведки, с которыми мы столкнулись во время операции «Менеджер». С июня по конец июля 1976 г. контрразведке МАД - сначала самостоятельно, а затем в сотрудничестве с другими органами охраны государства - удалось собрать доказательства разведывательной деятельности бельгийского торговца оружием Ку и двух немецких инженеров.

В отличие от «Операции “Леопард II”» и не в последнюю очередь благодаря полученному тогда опыту мы на этот раз с самого начала проинформировали генерального прокурора и получили желаемое постановление. Приговоры были оглашены 14 декабря 1977 г. Они подтвердили точку зрения МАД об этой операции. Благодаря её успеху удалось предотвратить нанесение значительного ущерба существующей системе безопасности ФРГ. Однако и здесь обозначились проблемы пределов полномочий, а также возникли вопросы об осуществлении руководства подобными операциями. Речь шла о гражданских лицах, а не о военнослужащих, но дело касалось военной продукции, нелегальной торговли оружием и вооружений для бундесвера. Исходя только из этого, мы установили, что дело находится в нашей компетенции, и принялись за работу. Обе операции имели, конечно, особое значение, и, с моей точки зрения, их успех оправдал действия МАД. Государства тогдашнего Восточного блока постоянно пытались завладеть информацией, документами, компонентами, а то и целыми системами вооружений через торговцев оружием в ФРГ и других западноевропейских странах. Трудно было бы переоценить ущерб от этого для безопасности нашей страны. Страны Восточного блока могли бы сэкономить значительные средства на разработке вооружений. У нас возникло ощущение, что спецслужбы противника обнаружили здесь место стыковки между компетенциями контрразведывательных органов, которая из-за проявлявшегося иногда частичного духа соперничества представляла для них особо привлекательное оперативное пространство.

Шпионаж нарушает гармонию Кильской недели

Особой задачей МАД, которую службе надлежало решать каждый год, было проведение встреч с партнёрами во время Кильской недели. Они должны были служить целям углубления сотрудничества спецслужб. Корабль МАД всегда незаметно держался в составе одной определённой группы кораблей. Точно так же, как во время проведения мероприятия «Рейн в огне» в Кобленце, лодка МАД всегда шла во главе, занимая определённую позицию. Никто не знал, кто находится на борту. Оба эти мероприятия были особенностью немецких разведслужб. В то время как остальные спецслужбы каждый год приглашали своих партнёров на заседания с докладами на специальные темы по разведывательной деятельности и сотрудничеству, администрация земли Нижняя Саксония всегда организовывала воскресные экскурсии, которые завершались после полудня в воскресенье в каком-нибудь особенно живописном уголке этого края. МАД же всегда проводила встречи на воде. Преимущество такого способа заключалось в том, что никто из группы не мог сбежать.

Завершение всего мероприятия на суше было в том же роде. За три дня все сблизились и обещали друг другу впредь сотрудничать ещё теснее. Вечер второго дня в Нижней Саксонии завершился пиршеством с блюдами из угрей в рыбацком домике со всем его традиционном уютом. Занятно было уже только одно то, что жирные угри полагалось поедать руками, а затем ополаскивать их «глотком» ржаной водки. Наутро, в день разъезда, к завтраку вышли не все. По дороге туда я повстречал британского собрата и пригласил его пройтись к столу вместе. Он с ужасом поглядел на меня и, превозмогая себя, пробормотал, похоже, через силу: «О, нет, сэр, нет!» Кажется, у него были проблемы.

Когда начали рассаживаться в служебные машины, чтобы отправиться по домам, походка у многих была весьма нетвёрдой. Объяснение этому просто и естественно. Руководители спецслужб открывали каждое из мероприятий программы чаркой по кругу, а при расставании с удовольствием пропускали ещё по стаканчику «на посошок». У нижнесаксонцев это неизменно ржаная водка. Ну и могли финал быть другим? Это в Нижней-то Саксонии...

Запомнилась с тех пор своеобразная особенность немецких служб. Руководители земельных ведомств по охране конституции из Гамбурга, Бремена, Ганновера, Шлезвиг-Гольштейна и Северного Рейна-Вестфалии были все социал-демократами или по крайней мере были близки к этой партии. Коллеги из земель южнее т.н. Майнской линии тяготели кХДС или ХСС. В памяти не сохранилось, чтобы какие-либо проистекавшие из этого различия тогда сказывались на их сотрудничестве. Потому что все были предельно поглощены решением своих особых задач.

Но вернёмся к кильскому фьорду. Судно нашей службы МАД покачивалось на лёгком прибое. И читатель не ошибётся, если настрой

участников этой необычной регаты оценит как весьма приподнятый, в сущности, не отличавшийся от вчерашнего во время экскурсии. Вдруг из чьей-то лужёной глотки прогремело: «Господин генерал, вызывает Пуллах!» Это мой новый партнёр доктор Клаус Кинкель вторгся в наше наиприятнейшее времяпрепровождение. Казалось, он чем-то встревожен. Что там на этот раз? Мало того, что он отказался принять участие в этой Кильской неделе, так он ещё позволяет себе омрачать её. У Кинкеля оказался перебежчик из ГДР, некий старший лейтенант Штиллер. Он-де может сообщить определённую информацию, в высшей степени интересную не только для спецслужб, но даже главным образом для высокой политики. Но то, что сообщил мне Кинкель, было просто потрясающе. В числе нескольких агентов, которых Штиллер выдал БНД, оказался мой добрый приятель по учёбе в Военной командной Академии в Гамбург-Бланкензее. «Немедленно арестуйте его, господин Комосса!» - потребовал Кинкель. Но сделать это я, в сущности, не мог, во всяком случае, непосредственно. Аресты не входили в круг полномочий шефа МАД. Я дал делу нормальный ход, передав Петрелли полиции. И празднество на борту продолжилось. Уже после того, как мы отвеселились и разместились в славном своими традициями отеле «Кильский купец», я должен был заняться всем этим вплотную. Зигфрид Петрелли, которого я по какой-то глупой прихоти именовал Петрониусом, ничем не выделялся среди слушателей-ген штабистов 4-го выпуска. Он производил впечатление человека довольно замкнутого, скорее серьёзного, чем весёлого, не верхогляда, ничем особенным, например прилежанием, не выделялся. Я приступил к разработке неспешно и вообще был не очень счастлив тем, что это выпало на мою долю.

После окончания академии Петрелли еше какое-то время жил на чердачном этаже многоэтажки, которая в своё время предназначалась под расквартирование слушателей. Уже будучи начальником МАД, я его как-то там навестил. Это было великолепное чердачное помещение, просторное и светлое. Я обратил тогда внимание на его высочайшего класса электронику. Уже в тот раз во мне шевельнулось лёгкое подозрение. На моё восхищённое замечание он ответил: «Ну как же, я ведь заядлый радиолюбитель».

Но поведать что-то поподробнее о своём хобби он тогда не захотел. Что эта техника служила ему для государственной измены, такое в столь прямолинейной форме мне не могло прийти в голову. К тому же я очень не хотел, чтобы обо мне у всех складывалось впечатление как о человеке по натуре своей подозрительном, что, мол, и привело меня на пост главы одной из разведывательных служб. После того как на меня легла ответственность за контрразведку, отношение ко мне многих моих друзей, не исключая и начальства, изменилось. В частности, я нередко не мог отделаться от впечатления, что многие невольно стали держать дистанцию, поскольку не знали, что я знаю, что мог бы или даже должен бы был знать. Ведь известно было, что в распоряжении шефа МАД находятся досье, к которым никто более не имеет допуска и которые хранятся в особо надёжном сейфе. Кроме него, доступ к сейфу имеет всего один человек. Каждое открытие сейфа

протоколируется. Как я уже заметил, Петрониус был ничем не примечателен и мог быть отнесён к середнячкам нашего курса. То, что открылось мне в ходе операции, оказалось просто потрясающим.

Для чего нам нужны «эти чёртовы службы»

Время от времени одна из трёх немецких разведслужб попадает в кричащие заголовки прессы. В мае 2006 г. таковой снова оказалась служба внешней разведки БНД. Когда уже утихли страсти в связи с переездом этого ведомства из Пуллаха в Берлин, общественное мнение неожиданно было взбудоражено известием о возможном его использовании внутри страны, что в принципе запрещено. Что же произошло, и кто нёс ответственность за эту дезинформацию?

Корни того, что выплыло на поверхность весной 2006 г., уходят в поздние 90-е гг. Координатором деятельности всех разведслужб в Ведомстве федерального канцлера был в то время (с 1991 по 1998 г.) Бернд Шмидбауэр в ранге парламентского статс-секретаря. Йорг Гайгер с июня 1996 по декабрь 1998 г. занимал пост президента БНД. Для меня сотрудничество с Шмидбауэром, как ранее доктором Шюлером, было особенно приятным. То, что один из них тяготел к СДПГ, а другой к ХДС, не имело для меня ровно никакого значения. Шла бы работа.

В чём же была суть происшествия, в течение нескольких месяцев 2006 г. так волновавшего умы? В БНД подозревали, что некий его сотрудник через одного журналиста предал гласности информацию служебного характера. Предстояла, стало быть, для установления места утечки операция против журналистского цеха. Попросту говоря, организация слежки. Очень похоже, что с БНД сотрудничало немало журналистов и они, между прочим, просвечивали своих коллег. К сожалению, не так мало журналистов, белые жилеты которых изрядно подзагрязнились. Свобода печати и свобода информации относятся, согласно ст. 5 Основного закона, к основополагающим свободам. Но всегда ли это уважается в полной мере? Нарушают или хотя бы ущемляют это право секретные операции БНД? Установление этого должно бы быть делом соответствующей судебной инстанции.

Естественно, свобода печати никоим образом не нарушается, если кто-то из журналистов во время приёма в Берлине, Брюсселе, Москве или Токио побеседуете сотрудником БНД или МАД. Отнюдь не редкость, когда журналисты очень охотно идут на беседы с сотрудниками БНД. Похоже, что и в данном случае дело обстояло подобным образом.

Между 1993 и 1995 гг. эпизод этот в доверительном порядке неоднократно рассматривался. И вот прошли двенадцать лет. Почему же только теперь он попал в средства массовой информации?

На основании находящихся в нашем распоряжении материалов можно с определённостью утверждать, что операции БНД, вызвавшие дискуссию,

нельзя отнести к собственно сфере задач ведомства. В этом случае они и в самом деле были бы недопустимыми.

Но ведь журналисты работают не в изолированном пространстве, где позволительно всё. И они должны принимать во внимание определённые ограничения, и, как правило, они об этом помнят. Однако некоторые из них не слишком щепетильны при проведении границы между дозволенным и недозволенным.

Немало известно случаев сотрудничества журналистов, по самым различным соображениям, с руководством спецслужб. Но нашей стране определённо не пошли бы на пользу наложение на эту практику какого-либо запрета или создание общей атмосферы недоверия. В каждом случае следует разбираться отдельно. В истории, о которой идёт речь, поводом для сомнений может стать то, что события 1993 г. стали достоянием общественности только в 2006 г., да ещё и с привкусом сенсационности.

В других странах сотрудничество журналистов с отечественными разведслужбами отнюдь не считается грехопадением. Там считается само собой разумеющимся, что журналисты сообщают спецслужбам полученные ими в других странах интересные сведения. Так, в Лондоне будет рассказано, что в Каире или в Берлине получена информация, представляющая интерес для Британского королевства. Это старая традиция, идущая, возможно, из колониальных времён. Взаимодействие прессы и разведслужб - дело здесь вполне естественное. Можно сказать, что это даже дело чести. Впрочем, вслух об этом не рассуждают.

Кричащие заголовки типа «Скандал! Пресса под колпаком!» или «Разгул политического сыска!» вынуждают к проведению тщательного расследования. Разведывательные службы созданы для того, чтобы служить нашей стране. И об этом следует помнить всегда. Поэтому при нападках на спецслужбы следует самым тщательным образом проверять, кто объект атаки и кто за ней стоит.

Позитивный опыт сотрудничества с союзническими и дружественными разведками подтолкнул меня, впрочем, к сомнениям относительно того, насколько разумно при существующем разделении труда в определённых областях всецело полагаться на деятельность наших друзей. Проблематика спецслужб определённо не относится к такого рода областям.

Размышления о возможном разделении труда и его пределах дали повод для дискуссии с тогдашним Федеральным канцлером Г. Колем и его министром обороны Лотаром Рюэ. Я предложил проявить инициативу в ООН в связи со статьёй её Устава «о вражеских государствах», которая предоставляет союзникам право в случае «ненадлежащего» поведения Германии влюбой момент осуществить вооружённое вмешательство. Другим нуждающимся, с мой точки зрения, в пересмотре положением Устава является вопрос о предоставлении Германии постоянного места в Совете Безопасности ООН. Однако федеральное правительство рассудило иначе.

После обмена мнениями я обратился 25 июня 1993 г. письменно к канцлеру Г. Колю и одновременно к министру обороны Лотару Рюэ с предложением федеральному правительству выступить в Совете Безопасности с инициативой по пересмотру Устава ООН с тем, чтобы отменить статью «О вражеских государствах» и потребовать место постоянного представителя в Совете Безопасности. Время для этого было самое благоприятное. Соединённые Штаты Америки рассматривали тогда Германию как самого сильного и надёжного союзника на европейском континенте. В те времена президент США не говорил о «привилегированном партнёрстве», как это охотно в наши дни делает Федеральный канцлер А. Меркель по отношению к Турции. Германия была тогда для американцев «самая-самая», их важнейший форпост против Восточного блока, самый надёжный союзник, ближайший друг. Было самоочевидно, что подобная благоприятная ситуация для такого рода немецкой инициативы появится нескоро. И даже если некоторые члены ООН и проголосовали бы против этих предложений, Германия с предельной отчётливостью увидела, кто же является её самыми верными друзьями в мире. Не было резонов отказываться от подобной инициативы. Ясное дело, что к ней сразу же примкнула бы и Япония.

Я изложил Федеральному канцлеру Гельмуту Колю в том числе и следующие аргументы.

В связи с моими выступлениями по вопросам внешней политики и политики безопасности в последние месяцы, а также в письменных откликах на мои выступления в печати всё чаще затрагивается вопрос, собираемся ли мы, немцы, перед лицом растущих ожиданий мирового сообщества, обращённых к нам, и впредь мириться со статьёй «О вражеских государствах» Устава ООН. Во всяком случае, наш народ выработал в себе настоятельную потребность в справедливости и искренних партнёрских отношениях. Наши друзья во всём мире с пониманием отнесутся к официально выраженному Вами стремлению немцев к равному достоинству и партнёрству без границ, в едином сообществе народов. Положение, о котором идёт речь, может со временем вырасти в преграду.

Ответы канцлера Коля и министра обороны Лотара Рюэ ' были по тексту разными, вероятно, даже не согласованными ими между собой. У меня вообще нередко возникало ощущение, что на самом верху далеко не всегда доходило дело до обмена мнениями по важным, национально значимым вопросам. Оба адресата, впрочем, сходились в том, что постоянное членство Федеративной Республики в Совете Безопасности ООН не обязательно, да и нежелательно, поскольку интересы нашей страны сполна и в любом отношении удовлетворяются нашими друзьями США, Великобританией и Францией. Это надёжно гарантировано. Поэтому будет излишним будоражить ООН из-за «германского вопроса». В то время пересмотр Устава ООН уже был поставлен в повестку дня. Но боннское правительство не проявило никакого интереса.

Когда же красно-зелёное правительство более чем десятилетие спустя

снова поставило этот вопрос, ситуация была уже совсем другой из-за твёрдого «нет» Федерального канцлера Г. Шрёдера американской политике на Ближнем Востоке. Сузился, к сожалению, и круг друзей нашей страны.

Коль скоро мы после 1990 г. и без того находимся в «кольце» друзей, интересы которых, по-видимому, полностью соответствуют нашим, для чего нам вообще нужно право решающего голоса в наднациональных органах? Для чего нужны нам спецслужбы? Не могли бы мы сэкономить, например, на БНД или МАД? Ведь у нас надёжные партнёры, которые в любой ситуации выступят с нами, а в час опасности выложат «немецкую карту». Так для чего нам немецкие службы разведки?

После многолетнего перетягивания каната летом 2005 г. в Нью-Йорке решение было принято: Германия остаётся вне Совета Безопасности. Победители во Второй мировой войне и через 60 лет после её окончания решили оставаться в своём кругу. (См. документ на стр. 306-307.) В итоге под самой чудовищной войной Нового времени не была подведена черта в виде заключённого по всей форме мирного договора. И если возникнет обоснованное подозрение относительно «неправильного» немецкого поведения, что бы под этим ни имелось в виду, то войска держав-победительниц могут вступить на немецкую территорию. Наша безопасность по-прежнему гарантируется друзьями.

В 2006 г. ситуация угрозы со стороны зарубежных разведслужб, как уже говорилось, иная, чем в годы «холодной войны». Дружественные отношения с центрально- и восточноевропейскими странами не послужили им, однако, поводом для свёртывания оперативной деятельности против Германии или хотя бы для перевода своих активных агентов в категорию «законсервированных». Общая картина изменилась, да и методы работы стали другими. Если раньше «разведчики во имя мира» под командой товарищей М ильке и Маркуса Вольфа имели в своём распоряжении швейцарскую «самооткатную» камеру для работы в темноте без вспышки, то сегодня значительный объём наступательной разведывательной деятельности происходит в Интернете. И эта война никогда не завершится мирным договором. Да и у наших друзей есть потребность располагать общей картиной Германии, включая её промышленный и военный потенциал.

И всё это осталось в прошлом, в истории? Преодолено сотрудничеством между Востоком и Западом? И покоем внутри страны? Борьба за души людей продолжается. Определённые силы, которые хотели бы причинить вред нашей стране, находятся в настоящее время в стадии концентрации. В этом их сходство с террористами, ведущими свою подготовку и выжидающими своего часа. Они уверены - этот час для них когда-нибудь пробьёт. И тогда притаившиеся враги проснутся и нанесут свой удар. Есть, таким образом, серьёзные основания всегда помнить о безопасности нашей страны.

Решающим фактором нашей безопасности остаётся бундесвер. А стало быть, он и впредь будет оставаться основным объектом атаки со стороны сил, подрывающих нашу безопасность. Для любых иностранных разведслужб

и для внутреннего врага бундесвер сохраняет приоритетное значение в качестве мишени. И впредь потребуется немало усилий для того, чтобы распознать угрозы для нашей страны и отвратить их. Результатов можно будет добиться только в тесном сотрудничестве всех, кто любит свою страну и готов защищать её. При этом разведслужбы должны находиться под политическим контролем. Но здесь существуют определённые границы. Они естественны, если в таком контролирующем органе представлены личности, в прошлом не единожды оказывавшиеся опасными для безопасности страны и по сей день, возможно, не переменившие своих убеждений, или если такая инстанция предъявляет службам требования, неприемлемые с точки зрения безопасности их сотрудников.

Принятием закона о парламентском контроле над деятельностью разведслужб от 11 апреля 1978 г. впервые было закреплено, что работа разведок должна постоянно и всесторонне контролироваться. В первой своей редакции закон предусматривал, что в составе контролирующего органа должны быть представлены председатели и их заместители из всех трёх партий бундестага. Орган этот именовался Парламентской контрольной комиссией (ПКК). Во избежание путаницы (аббревиатура совпадала с названием Рабочей партии Курдистана) её переименовали в Парламентскую контрольную группу (ПКГ). На основе указанного закона законодательный орган должен контролировать власть исполнительную. У меня свежи в памяти первые заседания этого парламентского органа. Если повестка дня не обещала чего-нибудь интересного, вместо полномочных членов появлялись их заместители. Но был единственный председатель фракции, не пропускавший ни единого заседания. Им был социал-демократический депутат Герберт Венер. Он неизменно появлялся незадолго до начала заседания, усаживался, извлекал из своего потёртого коричневого портфеля блокнот и принимался стенографировать выступления руководителей служб. По тексту закона контрольные функции комиссии адресовались не непосредственно разведслужбам, а федеральному правительству. В то время ключевую роль в контрольном механизме при Федеральном канцлере играл статс-секретарь Шюлер. Собственно, он был серым кардиналом. К нему стекалась вся информация, руководители служб ему доверяли. Как покажет будущее, они могли на него положиться. Он владел искусством молчания. Можно и, пожалуй, следует держать спецслужбы под постоянным контролем. Однако, как уже было замечено, существуют определённые границы, которые во имя эффективности разведработы нарушать не рекомендуется.

Я надеюсь, что немецкая политика кое-чему всё же научилась на собственных ошибках и умеет, исходя из взвешенного понимания реальностей, обращаться с разведывательными службами как с особо чувствительным инструментом ради блага нашей страны. Никакой политик и никакой публицист не в состоянии предвидеть, как будут выглядеть мир и Европа завтра. В последние годы мы были свидетелями ошибочных оценок, дававшихся политическими руководителями. На память приходят,

естественно, Иран, Афганистан или Ирак. Полагают, что в Европе уже невозможны процессы типа ближневосточных. Но кто знает, что будет завтра? Кто мог предугадать в 1985 г., как будет выглядеть Европа пятью годами позже? Кто предвидел крах Советского Союза? В последние десять лет я в области политики не раз убеждался в справедливости слов прусского генерала и военного теоретика Карла фон Клаузевица, написавшего однажды: «Как случается с человеком, не вполне владеющим иностранным языком, что он верную мысль при её формулировании исказит, так и политика часто отдаёт распоряжения, не соответствующие её намерениям».

Роль секретных служб в демократическом государстве

Роль органов безопасности в демократическом государстве нуждается в постоянном новом осмыслении и определении, которые независимо от соотношения большинства и меньшинства в парламенте должны подвергаться проверке в соответствии с общей динамикой ситуации безопасности. Конечно, роль эта сегодня должна определяться иначе, чем 15 лет назад. То есть она должна соотноситься со временем. Что неоднократно происходило и в прошлом.

Речь идёт прежде всего, в сущности, о проведении границы между потребностями безопасности государства и о гражданских свободах. Проблема в том, что меняются представления общества о том, где должна пролегать эта граница. Внутренняя конфликтность таких изменений предопределяется тем, что здесь сталкиваются различные политически фундаментальные воззрения.

Человек консервативных взглядов всегда в неясной ситуации будет склоняться в пользу потребностей защиты государства. Либерал, напротив, будет стремиться скорее к защите ареала свобод индивида и, где это только возможно, к расширению его границ. Либеральная СвД П постоянно это иллюстрирует. Службы безопасности находятся ровно посередине в этом конфликте, да по-другому и быть не может, пока существуют партии с различными целеустановками в области внутренней безопасности государства. И правительственные коалиции в этом ничего не меняют: при согласии по основным направлениям политики они всё равно стремятся к реализации своих партийных целей.

Поучительный пример этому дала одна состоявшаяся августа 2006 г. операция в Великобритании. Британским службам снова удалось на самой завершающей стадии предотвратить крупный террористический акт. В последнюю секунду были сорваны диверсии, в ходе которых над крупными городами Соединённых Штатов должны были взорваться шесть самолётов со взрывчаткой на борту. Был арестован двадцать один подозреваемый. Ими оказались, как сообщили службы безопасности, британские граждане азиатского происхождения. Качественная новизна террористической

практики заключалась в том, что взрывчаткой должна была служить жидкость. Для срыва диверсии в Англии были приведены в готовность силы гражданской обороны. В Германии же, напротив, несколько лет назад само понятие гражданской обороны было отменено, её подразделения, сочтённые излишними, расформированы.

Видные депутаты от СДПГ тут же поспешили предостеречь от «излишней активности». Неужели забылось, что именно Германия, Гамбург, послужила базой при подготовке диверсии сентября 2001 г.?

Германия не может похвастаться преимуществами островного положения. И тем не менее в Германии - непостижимо! - находятся люди, сочувствующие преступникам. При этом забывают, что в любой стране любая часть населения в равной мере, независимо от религиозной или этнической принадлежности, уязвима для террористических акций. Защищённости нет ни у кого. Беззащитен и тот, кто с пониманием относится к таким методам борьбы. Террор не знает избирательности. Угрозы носят всеобщий характер для всех. Вопроо сегодня не в том, произойдёт ли что-то завтра, а только в том, где и когда прогремит следующий теракт.

Спецслужбы могут игнорировать изменения последних лет в характере угроз. С этой точки зрения времена простодушного использования разведывательно-оперативных средств, которое в своё время привело к отставке министра обороны Георга Лебера, миновали. Доверие к разведслужбе в немалой мере зависит от нравственной безупречности любого сотрудника, от его убеждённости в правоте своего дела. Закон даёт лишь общую рамочную основу. Подбор кадров, их обучение, помощь в профессиональном продвижении следует не в последнюю очередь осуществлять под углом зрения критического самоконтроля. «Дело БНД» 2006 г. даёт материал для размышлений на эту тему и в первую очередь ставит вопрос: а всегда ли федеральным правительствам сопутствует удача при назначениях на руководящие посты в службах безопасности?

В государствах тоталитарного типа интересы государства и обеспечение его безопасности представляют собой единственные критерии эффективности деятельности разведки. В условиях демократии интересы разведки наталкиваются на конституционные ограничения. Не существует некоего государственного блага и некоего успеха во имя его, которые бы оправдывали нарушение принципов свободно-демократического строя. К последним относятся безоговорочное уважение достоинства личности и её основных конституционных прав, а также соблюдение духа и буквы правового государства. Ведь в законе о воинской службе закреплён долг солдатского товарищества, которого от полицейских, к примеру, не требуется.

Демократическое правовое государство, допускающее во имя своей безопасности нарушение законов, оказывается в противоречии с самим собой. Ему самому пришлось бы защищаться от себя, в крайнем случае - со ссылкой на право на сопротивление. Говоря без обиняков: сотрудник

разведывательной службы, который в своей работе идёт на сознательное нарушение Основного закона, в сущности, сам становится экстремистом. Он наносит государству больший вред, чем солдат, повесивший в своём казарменном шкафчике портрет революционера Че Гевары. В то же время бесспорно, что для обеспечения внешней и внутренней безопасности иногда приходится прибегать к ограничению личных свобод и к конспиративным мерам на грани законности, но никогда - за её пределами.

Действия разведслужб строго в правовом поле ничуть не снижают их результативность. Напротив. Конечно, при этом им приходится неустанно разрабатывать новые методы защиты безопасности, повышать квалификацию сотрудников и заботиться об инновациях. Необходим творческий подход.

Органы безопасности, внушающие страх населению, насаждают атмосферу неуверенности и недоверия, могут способствовать усилению недовольства государством, радикальных и экстремистских установок. Ясно одно: гражданин будет тем прочнее идентифицировать себя с государством, чем полнее реализация конституционных норм соответствует провозглашаемым принципам.

И разведывательные службы могут в этом отношении вносить свой вклад тем, что они своей повседневной работой доказывают возможность защиты прав и свобод без нарушений Основного закона.

В мирной обстановке разведслужба находится в постоянном контакте с противником. В своей работе она должна ощущать поддержку государства. Её работа зиждется на вере в неё общества в целом и на доверии каждого отдельного гражданина.

Абсолютной защищённости для отдельного гражданина не существует ни в одном государстве. Фраза эта часто повторяется правительствами, когда речь заходит о безопасности. Но степень опасности может быть минимизирована. Для этого нужна усовершенствованная система упреждения и раннего распознавания террористической активности. Чуть ситуация становится поспокойнее, как власти быстренько разоружаются. Так вскоре после тяжёлых силовых столкновений в ходе операций против экстремистов в органах безопасности были снова упразднены методы растрового розыска. А они себя положительно зарекомендовали в разведывательной работе против террористических актов. Не успели изгладиться из памяти последние теракты, как был дан задний ход обмену информацией между разведслужбами Германии. На сей счёт поступили соответствующие инструкции. Просто поразительно, насколько безответственно поступают политики, в чьих руках наша безопасность. Мой непосредственный начальник по армейской линии приказал, например, представить ему список всех оперативных сотрудников контрразведки, не исключая и всех действующих скрытно против террористов - с подлинными их именами! Приказы подобного рода, на мой взгляд, просто скандальны. Понятно, что мой отказ выполнить это распоряжение не пошёл на пользу

нашему сотрудничеству. Но я всё же взял верх.

Многое из того, свидетелем чему я стал, сотрудничая с министерством обороны, было в моих глазах сродни пособничеству противнику. Ведь можно же обменяться мнениями, в частности, относительно подбора кадров в разведке. Для меня кадровая политика во многих случаях была совершенно непонятна. Среди моего начальства было единственное исключение - статс-секретарь Шюлер в Ведомстве федерального канцлера. Мне не раз приходилось прибегать к его помощи в связи с немыслимыми требованиями моего начальства. Надо ли говорить, что такое моё поведение не очень-то (а как же иначе?) способствовало моему карьерному росту?

Одной из самых для меня тогда трудных проблем была очевидная профессиональная некомпетентность многих офицеров министерства обороны. В то же время они были исполнены недоверия к службе, о которой и понятия не имели. И они не знали, что может быть ей известно о них самих. Нередко предпринимались попытки методами кадровой политики заглянуть в неё глубже, чем это было необходимо. Результатом было неоднократное выдвижение на ответственные должности неподходящих кандидатур.

Да и документы вызывали подчас внезапный интерес. Так как при их изучении наверху возрастал фактор неуверенности, имена в бумагах густо замазывались. Безопасность кадров и материалов в Германии, как и в союзнических и дружественных странах, обеспечивается не оптимальным образом.

Ключ к большей безопасности международного воздушного сообщения всё ещё лежит скорее на земле и в меньшей мере - в технических средствах на борту самолёта. Террористов следует обезвреживать на пути к самолёту. Конечно, в последнее время как раз в области безопасности на международных авиалиниях достигнут существенный прогресс. Но здесь же налицо и тот факт, что возможности обеспечения безопасности ограниченны.

Однажды бывший генеральный прокурор республики в разговоре с глазу на глаз сказал мне: «Если террористы нанесут крупномасштабный удар, мы не сможем встретить его во всеоружии». Ему, как известно, пришлось заплатить собственной жизнью за неправильные действия и упущения других.

В прошлом Германия в области своей внутренней безопасности допустила крупные ошибки. После известных терактов 70-80-х гг. мы поспешили дать отбой, хотя угрозы для нашей безопасности отнюдь не исчезли. И по сей день тогдашние террористы продолжают жить неопознанными среди нас. Их преследование прекратили слишком рано, сразу после конца раскола Европы. С развалом Советского Союза наша безопасность явно укрепилась. Многие политики поверили, что отныне и внутри страны отпали всякие серьёзные угрозы. Ошибкой стало низведение наших сил безопасности до уровня их неэффективности. Сокращение вдвое кадрового состава, ликвидация оперативных инстанций в МАД - демонтаж

идёт по всему фронту. Тогда над этим хорошенько поработали. А ведь всякому понятно, что стабилизация сил для укрепления внутренней безопасности - дело небыстрое.

После 1990 г. сильно сократили расходы даже на случай природных катастроф. Медицинское оборудование быстро устарело, равно как и спецтранспорт.

Я знаю - многим читателям подобная правда не по вкусу. Но я пришёл к убеждению, что органы, призванные обеспечивать в Германии безопасность, не соответствуют настоящим угрозам. Сошлюсь только на возможные угрозы со стороны исламских экстремистов. На сегодняшний день их в нашей стране свыше 31 тыс., объединённых в восемнадцать выявленных организаций. У меня это вызывает беспокойство.

Теракт 11 сентября 2001 г. готовился тщательно и задолго. Это была угроза совершенно новых масштабов, которые нам не по плечу. Это недвусмысленно подтвердил в ноябре 2006 г. министр внутренних дел Шойбле. И в войне такого рода особую роль играет фактор внезапности, но его мы вполне способны резко ослабить. Противник должен быть заблаговременно распознан и получить энергичный отпор. Но для этого нужна политическая воля. И в этой войне действует эффект устрашения. Ведётся она в темноте, и внезапность остаётся основным способом ошеломить противника. Как раз в этот момент решающую роль играет человеческий фактор.

Мне вспоминается разговор с одним из моих тайных агентов. Мы сумели внедрить этого молодого офицера в одну из террористических групп. В подобной практике нет ничего чрезвычайного, к ней прибегают все спецслужбы мира. Однако этот молодой сложившийся солдат через несколько месяцев работы в экстремистской группе пережил процесс серьёзных внутренних изменений. Будучи свидетелем бесконечных дискуссий, испытывая влияние мнимых товарищей, он постепенно начал сомневаться в правоте того, что он делал там - в группе, цели которой он должен был выведать. Работа «в образе» очень трудна, её груз может оказаться неподъёмным. Вот почему для работы в разведке годится не всякий.

Взгляд на другую сторону

Непосредственно перед тем, как 9 ноября 1989 г. Гюнтер Шабовский, член Политбюро СЕПГ, сделал на пресс-конференции своё знаменитое заявление и стена рухнула, а народ добился объединения Германии, собравшаяся в здании Рейхстага общественность в который раз адресовала политикам требование о восстановлении государственного единства страны. И вот он настал, в вечерний час, день единства. Председательствовавший профессор Эккехард Вагнер прервал заседание. Его участники покинули зал в Рейхстаге и с криками «Единство! Свобода!» бросились на штурм

Бранденбургских ворот. Так неожиданно, незапланированным фактическим единством народа завершилось то собрание. Это 9 ноября 1989 г. было действительно Днём германского единства.

Среди людской массы, для которой эта ночь безумного счастья никак не хотела кончаться, был один, не способный разделить всеобщую радость и до последнего часа делавший ставку на иной вариант развития. Хотя именно такого поворота событий он издавна опасался. Он, генерал-полковник Маркус Вольф, начальник Главного разведывательного управления Национальной народной армии и заместитель министра государственной безопасности, был событиями этого дня ошеломлён. И какой-то иронией истории станет его кончина в день 17-й годовщины падения стены.

Наряду с начальником Главного разведывательного управления (ГРУ) советского Генерального штаба он был моим прямым противником в войне секретных служб. Именно Вольф вёл на протяжении свыше 30 лет тайную войну против Федеративной республики. Именно на этом человеке лежит ответственность за беды, смерть и нищету людей в годы раскола страны. Можно было ожидать, что 9 ноября 2006 г. многие газеты напомнят об этом враге единства немецкого народа. Но лишь кое-где в этот день было должным образом раскрыто его настоящее лицо, лицо человека, который после воссоединения будет в многочисленных своих писаниях пытаться снять с себя всякую личную вину.

Маркус Вольф за три десятилетия своего безграничного всевластия в ГДР и над ГДР вверг, прямо ли, косвенно ли, более полумиллиона людей в бездну несчастий. Он подстрекал их к изменам и доносительству в отношении соседей и собственных семей. Против противника он вёл жёсткую и беспощадную войну. И сегодня он ещё пользуется уважением многих! Более того, старые его сотоварищи восхищаются им как руководителем одной из самых эффективных шпионских служб. На деле же он был не кем иным, как врагом демократии, беспощадным к своим противникам. При этом в обращении с западными собеседниками и журналистами он умел быть исключительно любезным и светским. А в книгах его не найти и тени раскаяния за совершённое. Да, он там что-то писал о «постижениях и признаниях», но не было там признания своей неправоты. Газета «Франкфуртер альгемайне» (воскресный выпуск) писала о Маркусе Вольфе: в своих книгах он не вспомнил ни о преступлениях, совершённых под его руководством, ни приблизился к «постижениям и признаниям». В 1981 г., когда многим по правую и левую сторону от «внутригерманской границы» всё ещё казалось важным добиться признания ГДР, рассечь Эльбу границей, сохранить улучшенную ГДР, не кто иной, как Вольф, мнивший себя, как и Михаил Горбачёв, реформатором коммунизма и полагавший себя на стороне этих людей, допустил, между прочим, чтобы прямёхонько к палачу отправился один из ближайших его сотрудников, специалист по промышленному шпионажу в ФРГ. И хотя Вольф на исходе «холодной войны» и позднее в своих книгах будет стараться представить себя критическим оппонентом Мильке, он до последнего своего часа останется

последовательным коммунистом, верным красному чекистскому знамени. Не может подлежать никакому сомнению, что и после кончины ГДР он хранил верность своему настоящему хозяину, советскому КГБ.

Свыше сотни наград получил этот «борец за дело пролетариата» из рук Эриха Мильке. Все они просто не умещались на его генеральском мундире. А ведь к этому надо наверняка прибавить награды высоких степеней от советского КГБ. В бытность свою шефом Главного разведывательного управления он, естественно, не мог знать обо всех операциях своей службы. Но все операции шпионской службы Национальной народной армии выполнялись по его директивам (в особенности когда речь шла о вербовке) и в соответствии с его замыслами.

Как-то незадолго до Рождества я стоял у окна моего служебного кабинета и посматривал с высоты третьего этажа на местность перед комплексом наших зданий, на чуть отдалённую опушку леса. На вершинах деревьев снега было мало. В местности вокруг Кёльна зима приходит поздно и снег ложится вообще редко. Так вот, глядя на лесную опушку, я ещё раз подивился легкомыслию наших сотрудников: никому, видимо, не приходило в голову, что оттуда наши помещения при их вечернем освещении просматриваются прямо-таки насквозь. Огромные высокие окна не имели никакой защиты. Гуляющие в лесу могли бы, окажись я у окна, прекрасно наблюдать за мной. Хорошо обученный стрелок, вооружённый снайперской винтовкой, мог бы без труда застрелить задумчивого человека у окна на третьем этаже, прямо напротив. Оконное стекло было самым обыкновенным. Когда речь заходила о личной безопасности АС, его начальство в лице заместителя генерального инспектора бундесвера генерал-лейтенанта Х. и статс-секретаря доктора Х. было единодушно: как можно меньше охраны! В этом они оба отличались от инстанций, вышестоящих по отношению к президентам Ведомства по охране конституции и Федеральной разведывательной службы (БНД). Охрана этих моих коллег была организована оптимально, включая и их квартиры. Мне же было предложено принять некоторые меры безопасности в моём собственном уединённо расположенном доме за свой счёт. По мнению экспертов, уровень моей безопасности был весьма относительным. Да и моей семьи тоже! Но господа, от которых зависело решение, видимо, исходили из того, что начальник армейской контрразведки, в конце концов, солдат, как и все прочие, и должен быть готов к гибели в любой момент. Во всяком случае, я так это сам себе объяснил и на том успокоился. Что степень опасности для руководителя МАД со стороны служб неприятеля была ровно такой же. как и для его коллег из БНД и Ведомства по охране конституции, их не волновало. Казалось, что этих господ ничуточки не тревожило, что угроза безопасности шефа МАД затрагивала и его семью.

Однажды ранним зимним утром ко мне зашёл возглавлявший отдел контршпионажа полковник Кразе, мой «слуга двух господ», и сказал, что у него как раз сейчас находится СМ, которого он очень хотел бы мне представить. Удобно ли сделать это сегодня? Разумеется, мне хотелось бы с

СМ познакомиться. Вообще-то я в основном избегал личных контактов с ВМ или СМ. При проведении операций я предпочитал оставаться в тылу. Позднее, когда Кразе будет изобличён как шпион, я немало удивлялся, что он таким образом информировал меня и даже представил мне одного из СМ. Очевидно, делалось это с расчётом на завоевание моего доверия.

Полковник Кразе доложил мне детали операции, и я попросил привести ко мне этого СМ. Он проинформировал меня о происшествиях на внутригерманской границе и вообще на территории тогдашней ГДР. Случай вполне рядовой, но в каких-то деталях сказанное дополняло мои сведения, к тому же они были получены из первых рук.

На автостоянках шоссейных дорог, ведущих в ГДР, сотрудники восточногерманской разведки или Штази постоянно пытались прощупывать солдат бундесвера насчёт шпионского сотрудничества. При этом солдаты, с которыми завязывали знакомство, часто бывали прямо-таки ошарашены тем, насколько детальными сведениями о бундесвере и его службах располагала противная сторона.

Попытки установления контактов развивались, в общем, по схожей схеме. У машины с западным номером как-то совсем незаметно оказывались двое совершено непримечательной внешности мужчин средних лет и спрашивали, не нужна ли какая помощь с машиной. Рассказывающий свою историю на этот раз был фельдфебелем одной из частей бундесвера. Но чисто внешне установить это тогда было невозможно. Угостили сигаретой, поболтали о том о сём, ну, конечно, и о политике. «Ты ведь солдат, верно?» - спросил один из мужчин. И уже очень скоро разговор пошёл о бундесвере, его вооружении, об удачном танке «Леопард П А5», дальше - больше. «Ну и как тебе нравится этот новый «Лео»?» А затем пошли вопросы о том, по-прежнему ли в лагерях под Мюнстером всё так же уныло в помещениях и в общежитии для унтер-офицеров. Видно было, что затеявшие беседу в курсе. Затем тема переменилась. Новые знакомые сказали, что они тоже солдаты, то есть как бы камрады, стоят под Магдебургом. Там очень даже сносно. Есть всё, продолжали они. И шикарные девицы, понимающие толк в своём деле. Посмеялись, обменялись сальными хохмами. Под конец господа с Востока завели речь о возможностях сотрудничества. Ведь больно смотреть, как Германия погибает, заметил один из них, саксонец. Ведь именно солдаты призваны бороться против войны, она приносит прибыли только капиталистам и империалистам, жиреющим на военных заказах и прежде всего на закупке всё новых и новых вооружений взамен уничтоженных в боях. Они-то сами против войны. «А впрочем, борясь с империализмом, можно и недурственно подзаработать», - заметил один из них. «Ну да, - поддакнул другой, - немножко маслица к солдатским харчам. Плохо ли?»

Под конец распили по стаканчику водки, поржали над «Иваном» и закурили. Вскоре установилось полное взаимопонимание. Мы, камрады, по правде - просто мелочовка. А большие боссы прямо со смеху покатываются и гребут в свои карманы деньги лопатой.

Вот тут-то один из этих очень располагающих к себе мужиков из ГДР неожиданно задал вопрос: «А не поработать ли нам вместе?» Фельдфебель насторожился, понял, что запахло жареным, занервничал. Дал понять, что для таких дел совсем не подходит. Нет, такое он не сможет. Да и опасно это. «Ты всему научишься, - заметил собеседник, - а если заупрямишься, то и помочь можно. Ты и так уже много чего наболтал». При этом один из симпатичных господ очень не спеша вытащил из кармана пальто пакетик с белым порошком и помотал им перед носом солдата. «Знаешь, что это такое? Если не захочешь с нами работать или расскажешь о нашем разговоре подполковнику М. (щеголяли своей осведомлённостью), то мы быстренько в твоём багажнике найдём точно такой же. Да прямо сегодня же. Вот уж не проблема! Проще простого! Ты хоть знаешь, что это? Да чистый героин, без подмесу. Стоит кучу денег. В ГДР полагается за это приличная отсидка. Сам понимаешь. Жене твоей Монике придётся набраться терпения, да и дочурке твоей Юлии - ей ведь сейчас десять? - конфирмацию через четыре года тоже придётся без тебя отметить. Ты, я вижу, удивляешься, что нам всё известно! Ты давай-ка всё обдумай. И мы снова встретимся. Если хочешь, недели через четыре или шесть. Идёт? Впрочем, мы уже хорошо сотрудничаем с одним из вашего батальона. Ну, имени мы тебе, конечно, не скажем. Мы не простаки. Безопасность наших людей стопроцентная».

Бывало, что солдаты бундесвера и попадались на такой примитив, а затем годами мучились последствиями этой первой беседы, которая в результате вела к шпионажу. Служба в бундесвере и работа на министерство госбезопасности ГДР не могли сочетаться. Подчас завербованный страдал от груза обязательств, взятых по отношению к товарищам Эриху Мильке и Маркусу Вольфу, вплоть до впадения в болезненное состояние.

В нашу контрразведку часто после таких попыток вербовки приходили мужчины в полном отчаянии, растерянные, с настоящим расстройством нервной системы.

Но собеседник, с которым я вёл беседу за чашкой кофе в моём кабинете, был не из их числа. По возвращении из Берлина он доложил своему непосредственному начальнику о приключении на парковке в ГДР. Капитан направил его в ближайшее отделение МАД, в конечном счёте, минуя промежуточные инстанции, дело попало в контрразведку бундесвера. Мы гарантировали этому человеку безопасность.

Другой унтер-офицер доложил о попытке подобного знакомства во время своего пребывания в Восточном Берлине. В вокзальном ресторане его пригласили на кружку пива. Завязался разговор, выпили ещё, и знакомство продолжилось на одной известной нам конспиративной квартире в восточном секторе Берлина. Было уже довольно поздно, когда оба мужчины из ГДР (их было опять двое) предложили закончить вечер по-настоящему весело. «В конце концов, мы же товарищи, и это надо отметить! Верно?» - сказал один из них. А в разговоре до этого унтер-офицер бундесвера по легкомыслию уже поведал о некоторых подробностях из жизни своей части,

назвал он и фамилии своих начальников. Развязавшимся языком поведал он и ещё кое о чём, что его позднее очень мучило. Вдруг - время было уже совсем позднее, но, пребывая в прекрасном настроении, они хором спели ещё и песню параш ютистов-десантников - дверь из соседней комнаты распахнулась, и вошла прехорошенькая, едва за двадцать, девушка. Обнажённая и с откупоренной бутылкой знаменитого гэдээровского шампанского «Красная Шапочка» в правой и тремя бокалами в левой руке. Такой способ наведения связей не ограничивался одним этим случаем.

Многие из солдат бундесвера, с которыми пытались завязать знакомства (по большей части это были унтер-офицеры, но иногда и младшие офицеры), по возвращении из ГДР или Восточного Берлина представали перед своими непосредственными начальниками и докладывали о происшедшем. Но были и такие, кто не докладывал и затем годами тяжело переживал это. Бывало, что возникшие осложнения распространялись на семьи, в каких-то случаях вели и к семейным катастрофам.

Это всего лишь два эпизода из многих.. Но у всех был один общий почерк - Маркуса Вольфа, генерал-полковника, начальника Главного управления разведки Национальной народной армии.

Задание выполнено - прощание со службой

21 марта 1980 г. я созвал сотрудников службы, чтобы попрощаться с ними. Помимо всего прочего, я сказал следующее.

После двух с половиной лет совместной работы и совместного служения делу, очень трудно сопоставимому с какими-либо иными задачами в вооружённых силах, я в последний раз стою перед Вами, чтобы попрощаться, но главным образом, чтобы поблагодарить Вас.

Когда я принял руководство службой, я принял нелёгкое наследство. Мне достался отлаженный аппарат с достойной репутацией разведывательной службы. Я радовался тогда предстоящим задачам, ведь я возвращался к той точке моего солдатского пути, где в 1956 г. уже нёс службу по проверке ФМ в подразделении собственной безопасности. Я принял руководство службой с верой в будущее и с надеждой, что мы вместе выполним поставленные перед нами задачи и разрешим все насущные проблемы. И всё это, полагаясь на помощь высшего руководства службы, о которой я просил при моём вступлении в должность, с верой в здоровые силы в подразделениях и звеньях контрразведки, с верой в результативность Службы безопасности бундесвера и её квалифицированных сотрудников. Я предполагал вместе с Вами, опираясь на прежние достижения и успехи, продолжить работу над поставленными задачами. Прежде всего мне было важно вывести МАД из межпартийных споров, укрепить доверие к службе, покончить с бездумным злоупотреблением именем нашей службы в газетных заголовках, углубить наше сотрудничество со службами стран-партнёров и с Федеральным министерством обороны, создать условия для консолидации

МАД и в итоге повысить эффективность нашей службы и привести её в соответствие с изменившимися угрозами.

Я не хотел бы сегодня делать итоговый доклад о том, каких успехов мы добились, и о том, что нам не удалось. Всё же я хочу отметить следующее.

Опасность того, что МАД снова начнёт фигурировать в заголовках газет, сегодня определённо намного слабее, чем два с половиной года назад.

Наша служба вынесена ныне за скобки партийных споров, и все партии относятся к МАД с высокой степенью доверия.

Модернизация МАД для более полного соответствия изменившемуся характеру угроз в основном удалась, если не считать необходимости пресечения попыток саботажа и разложения кадрового состава.

Мы на пути к дальнейшей консолидации службы.

Сотрудничество со службами союзников и партнёров стало более интенсивным.

Я сознаю, что мои заслуги во всём этом невелики. Разумеется, я определял цели, критически обдумывал и корректировал общий курс, но достигнутое - это итог Вашей работы, в которой Вы руководствовались моими соображениями и претворяли их в жизнь. Те серьёзные проблемы, которые перед нами стояли и даже в какой-то мере подрывали нашу веру в себя, ушли в прошлое.

Внутренняя ситуация упрочилась, недавно в министерство обороны мы представили аналитическое исследование и предложения по дальнейшему улучшению нашей ситуации. Если они будут приняты, общая обстановка станет ещё менее напряжённой.

Наша предельно ответственная и рискованная служба не оставляет места для игры честолюбия, в которой важнее чья-то персона, а не дело, она не оставляет места для зависти и интриг, для карьеризма и жажды власти. В разведке не должно быть места для «серых кардиналов». К нашей работе следует относиться с глубочайшей серьёзностью, чтобы любой сотрудник МАД полностью сознавал свою ответственность за общие задачи. Те два с половиной года, что я нёс ответственность за МАД, остались позади. Но они не прошли бесследно. Я с увлечением решал задачи, даже если время было совсем не безоблачным.

Итог этих лет лишён особого блеска. Я не могу похвастаться особыми заслугами, но полагаю, что выполнил свой долг. Как впоследствии будут судить о нашем времени, не знаю. Но я убеждён: никто не сможет ставить под (Сомнение чистоту наших помыслов, никто не посмеет упрекнуть нас в недобросовестности при выполнении наших задач, а также и в преувеличенном самомнении.

Каждое мгновение, каждый отрезок времени - сегодня ещё современность, а завтра уже фрагмент истории.

И время моего руководства МАД теперь уже тоже история. И если настанет такое будущее, в котором этот исторический отрезок будет открыт для всеобщего обозрения (чего я искренне желаю), то мне не о чем беспокоиться...

Здесь уместно ещё раз заметить, что разведывательная деятельность, привлекающая особый интерес граждан, -? очень обширная сфера. Долг молчания налагает ограничения, которые и автор этой книги не имеет права преступать. Но пусть ему будет всё же позволено подчеркнуть, что в его времена МАД располагала исключительными по своей квалификации сотрудниками и сотрудницами. Какую область ни возьми, везде были мастера своего дела.

На стыке политики и дел военных

Вторжение партийной политики в казармы

Взгляд, обращённый назад, может облегчить видение будущего. Кто знает прошлое и научился понимать его, чаще всего обладает и более широким видением настоящего. Прогнозы же на будущее всегда будут включать в себя фактор неопределённости.

Давайте будем осторожны в наших прогнозах на будущее. Тот, кто считает себя способным к предвидению, нередко обманывается.

Вручение Хельмуту Шмидту удостоверения министра обороны ознаменовало вторжение политики в казармы бундесвера. Упрёка за это заслуживает даже не столько сам Хельмут Шмидт, сколько те военнослужащие и чиновники бундесвера, которые ожидали политических перемен общего характера. Развитие в этом направлении началось исподволь. Так, от своего предшественника на посту министра Хельмут Шмидт унаследовал контр-адмирала Требеша из оперативного штаба вооружённых сил, известного активиста ХДС. Он оставил его в здании на Хардтхёэ в ключевой должности руководителя штаба планирования. До конца своей службы Требш подчёркнутой лояльностью демонстрировал свою признательность. Сохранение на ключевой должности приверженца ХДС было ловким ходом молодого министра: никто не мог упрекнуть его в партийно-политических пристрастиях. Нечто подобное происходило и во всём бундесвере. Так, вне поля зрения общественности, в узком министерском кругу, будут приниматься кадровые решения, от которых во многом будет зависеть будущее. Шмидт хорошо знал высший офицерский состав. Ему было известно, что лишь у очень немногих в кармане был партбилет СДП Г. Он умело сыграл на этом. Он обеспечил себе поддержку в офицерском корпусе и одновременно начал осторожные изменения в нём. Я отнюдь не считаю это чем-то чрезвычайным или заслуживающим критики.

Все с одобрением отнеслись к появлению в приёмной министра Лило

Шмарзов, исключительно трудолюбивой секретарши, ловко прибравшей к рукам многие нити. Также всем было понятно, что в группу своих адъютантов министр привлекал людей, которым он лично доверял по политическим соображениям. Для любого на посту министра было бы неприемлемо пребывание в непосредственной близости от себя «крота» из стана оппозиции. Так на ключевые должности пришли молодые люди, которые отличились в рядах молодёжной организации СДПГ «Молодые социалисты» и которые после минимально необходимой выслуги лет смогли пройти путь от майора до полковника, а затем почти автоматически стать и генералами. Возник тип офицера, мыслящего политическими категориями. Как известно, мы к тому времени уже имели высшего офицера с политическими пристрастиями в лице генерального инспектора Ульриха де Мезьера.

В связи с уходом генерала Ульриха де Мезьера в 1972 г. в отставку «Франкфуртер альгемайне» писала, что этот генеральный инспектор был офицером от политики. По отношению к де Мезьеру это, конечно, было несправедливо. Генерал «с политическим кругозором» - так счёл я тогда необходимым подправить это суждение. Чаще всего он сам понимал, чего от него ждёт министр, и умел под это подстроиться.

Приход на командную должность в бундесвере социал-демократа расценивался как особое событие с далеко идущими следствиями. Помимо всего прочего, это было время, когда военной верхушке в определённом смысле приходилось пересматривать свои ориентиры.

При решении кадровых вопросов до этого не нужно было гадать, к какому политическому лагерю принадлежит тот или иной кандидат на генеральскую должность или, точнее, какой партии он больше симпатизирует. То поколение, которое создавало бундесвер и формировало его устои, пришло из батальонных командиров вермахта. Они все прошли войну на фронте, отчасти - как генералы де Мезьер, Адольф Хойзингер и Ханс Шпейдель - послужили в высоких штабах вермахта, вплоть до ставки фюрера. Длительное пребывание на Восточном фронте наложило на них свой отпечаток. С их фронтовым опытом в контексте внутриполитических реалий послевоенного восстановления, перед лицом неприятия социал-демократами созданйя бундесвера это поколение практически не имело выбора, кроме приверженности к ХДС или ХСС. Лейтенант вермахта Хельмут Шмидт никогда не считался выдающимся партийным деятелем СДПГ. Его жизненный путь был сформирован фронтовым опытом. Это ярко проявилось в 1962 г., когда он в одном интервью сказал, что в 1962 г. он поступал так, как действовал бы на фронте. Для него это было куда важнее, чем возиться с законами. Остаётся только сожалеть, что эта крупная народная партия дала, кроме Хельмута Шмидта, так мало политиков подобного формата. В этой связи нельзя не упомянуть Фрица Эрлера, скончавшегося 22 февраля 1967 г. в Пфорцхайме.

Молодой старший лейтенант К. в 1956 г. мирно прогуливался в военной

форме по Гельзенкирхену, когда двое полицейских подвергли его публичным оскорблениям и оплёвыванию как преступника, поэтому он, разумеется, не мог сочувствовать СДПГ. Случившееся было связано с тем, что эта партия не принимала создания бундесвера. В то время, надо признать, Рурская область считалась особенно «красной». Здесь чувствовалась особая, как нигде в Западной Германии, близость к государству СДПГ, разве что во Франкфурте-на-Майне, Гамбурге и Бремене она была выражена не менее сильно. В этих городах солдату бундесвера тогда лучше было не появляться на публике в военной форме. Преступник - и баста!

Уже спустя всего несколько лет в Бонне можно было невооружённым глазом увидеть, как сильно изменился офицерский корпус. Он помолодел. Офицерство наших дней существенно отличается от того, каким оно было в годы становления бундесвера. Офицеру бундесвера пришлось пройти через воспитательный процесс, особенно в том, что касается воинских традиций.

Австрийская карта

Весьма желательно, чтобы руководители разведслужб были лично знакомы и в разумных пределах сотрудничали. Хорошая информированность нужна не только о противнике, против которого ведёшь разведывательную деятельность, но и о дружественных разведках.

Национальный характер различных народов - предмет частых размышлений. Но занятие это довольно рискованное. Вот напористо грубоватые американцы, в которых русские, и не только они, видят успешных дельцов, способных на любую пакость и на любой успех. А вот русские, которых всё ещё продолжают считать унылыми, сентиментальными и жестокими. («Остерегайся, советую тебе, русского, обнимая его. Он так прижмёт тебя к сердцу, что из тебя весь дух выйдет. А если он тебе немного позволит вздохнуть, то ты будешь делать всё, что он пожелает».) Я думаю, что самый национально определённый характер у англичан. Они не ленивы, они - «lazy», не высокомерны, но полны британского достоинства. Они живут в стране, которую именуют не просто Англией, или, как принято в НАТО, Соединённым Королевством, а всего-навсего Великобританией. Помню, однажды я спросил одного английского лорда, как он называет свою страну. «Для меня она Англия, - сказал я, - или, как обычно говорят в НАТО, “Ю-Кей”».

Он просверлил меня таким взглядом, что я испуганно спросил его, не произнёс ли я нечто непристойное? Его лордство ответствовал: «О нет, - мы говорим очень просто, simply, Great Britain. Очень просто - Великая Британия».

Но не будем отвлекаться от вопроса о национальном характере. Вот австрийцы, народ совсем особый. Им следует поставить в особую заслугу, что они в своей истории воевали меньше, чем англичане или французы. Как говорится, они, к счастью, поняли, что лучше заключать браки, тогда как

другие народы занимались драками. Felix Austria! В советском плену австрийские солдаты попробовали, размахивая красно-бело-красным флагом, добиться более раннего, чем немцы, возвращения домой. Но русские не отличали австрийцев от немцев. Да и как это было возможно, если русские, особенно в подпитии, всё время громко приказывали оркестрику из военнопленных играть немецкие вальсы, такие как «Венская кровь» и «На прекрасном голубом Дунае». Да, русские и в самом деле очень ценили немецкие вальсы. А те из них, кто нёс службу во время оккупации в советском секторе Вены или в Зальцбурге, непременно щёлкают языком, и лица их просветляются. Как видно, образ жизни венцев не оставляет равнодушными другие народы.

В круг должностных обязанностей начальника разведки, естественно, входило сотрудничество с союзническими и дружественными народами. Не иначе обстояло дело и с Австрией, несмотря на то что эта прекрасная, роскошная, благословенная страна и приняла статус нейтралитета на все времена. Впрочем, нейтралитет этот продержался не слишком долго. Требовалось особое искусство сотрудничества разведслужб, чтобы ни у кого и мысли не могло зародиться, что немецкая и австрийская контрразведки обмениваются информацией.

Справедливости ради следует отметить, что это совсем иное дело, чем совместная работа немецкой и британской спецслужб. Как только речь заходила о делах разведки, англичане, совершенно не понимая, о чём речь, устремляли взоры куда-то в простирающийся ландшафт. О! А что, в самом деле существуют британские разведслужбы?

У австрийцев всё было не так. У Австрии была компактная разведка во главе с генералом, который всё знал, всё умел и ничего не рассказывал. Так мой первый официальный визит к австрийскому партнёру оказался исключительно приятным. Я намеревался обсудить как можно больше проблем, для чего и изготовил целый ворох записочек для памяти. Но мой австрийский коллега сразу же после приветствия предложил использовать мои три дня для знакомства с Веной. Может быть, память мне изменяет, но мне кажется, что я тогда так и не нашёл время для обсуждения профессиональных вопросов.

Было общеизвестно, что МАД не вела оперативной работы в Австрии, не имела на это права, а когда однажды такое всё же случилось, она немедленно принесла свои извинения за эту оплошность. Вечер первого дня моей командировки завершился поздно за распитием молодого вина.

Столько нужно было увидеть и столько деликатесов перепробовать! Конечно, мясное ассорти на вертеле от Захера, и знаменитые захеровские пирожные, и много всего прочего, вкусного и замечательного. А придворная испанская школа верховой езды! А дворец Шёнбрунн, а парламент! Ну как, позвольте вас спросить, при такой программе можно выкроить время для серьёзных разговоров о разведывательных операциях? Сами эти операции отошли куда-то на задний план, в далёкое прошлое... Но впечатление о

невероятно симпатичном народе навсегда запало в душу официального визитёра. О ты, счастливая Австрия!

Усаживаясь по завершении командировки в свою служебную машину и прощаясь с генералом Б., я твёрдо знал, что в Вене у меня появился очень симпатичный друг. Наши последующие встречи были примерно в том же роде, став по-дружески непритязательной повседневностью. А когда однажды оперативное сотрудничество столкнулось с трудностями, то и это прошло без сучка, без задоринки, незамеченным средствами массовой информации. Мы обменялись нашими секретными телефонами и псевдонимами, так что достаточно было звонка для выяснения важных для операции вещей. Если на свет выплывала всё же какая-то секретная операция, то мы торжественно заявляли, что едва знакомы друг с другом. Если же это была односторонняя операция, - что всегда может случиться - то она проводилась без ведома руководителей, и они немедленно приносили свои извинения за своеволие подчинённых.

Немецкая карта

После Байройта я дважды побывал в Зальцбурге. Может быть, чтобы восстановить душевное равновесие после вагнеровского фестиваля? Меня влекла туда опера Моцарта «Все они таковы». Сначала несколько отпускных дней я вместе с семьёй провёл на берегу озера Вагингер. А затем провёл уик-энд у моего приятеля Р. во Фрайлассинге, с тем чтобы оттуда отправиться на машине в Зальцбург. Отправились мы на двух машинах, впереди R, за ним, несколько отставая, я. Зальцбург - это всем впечатлениям впечатление! Чего стоит постановка оперы Моцарта под открытым небом, в потрясающих естественных кулисах! Но не менее ярко и навсегда в моей памяти останется поездка в автомобиле через Гуггенталь на гору Гайсберг. Горы производили колоссальное впечатление своим мощным величием и красотой, тем не менее эта поездка осталась в памяти сына равнин сплошным кошмаром. До неё я немало поездил по Австрии, через её горы и долы, мимо отвесных скал; много раз любовался я по пути из Зеефельда к Мезерскому озеру видом на Цирль и лежащий за ним Инсбрук, но поездка на Гайсберг оказалась тем ещё приключением. Крутейший подъём, всё время у самой правой кромки дороги. Но когда я наконец оказался там, на самой вершине, и окидывал взглядом раскинувшийся подо мной город, я позабыл все муки пути и мог только благодарить Господа за наслаждение этой панорамой, за этот миг.

Поездка в Зальцбург имела и ещё одну цель. Мой приятель Р. организовал встречу с одним, как он сказал, старым русским приятелем. Его зовут Грегор, и он имеет отношение к советскому посольству в Вене. Или консульству? Он этого точно не знает. Не может он мне и определённо сказать, чем он там занимается. Может быть, он имеет отношение к экономике. А может быть, и к культуре, он необыкновенно интересуется австрийской культурой, постоянно бывает на зальцбургских фестивалях и превосходно владеет немецким. Ладно, посмотрим. Если русский дипломат

интересуется культурой, то скорее всего сфера его подлинных интересов должна лежать достаточно далеко от неё. В ресторане при первом же взгляде на «старого знакомого из Фрайлассинга» выяснилось, что это скорее мой старый друг, чем Р.

Грегору не было нужды показывать свой паспорт, так как он наверняка был на чужое имя, как и мой собственный, если я по делам службы находился в Австрии. За несколько лет до этого Грегор был не Грегором, а Олегом К., и, как помнит благосклонный читатель, гостил он у меня в Гельзенкирхене. И Олег К. не был дезертировавшим из Советской армии капитаном, а ко времени нашей встречи в Зальцбурге был по меньшей мере полковником. Был ли он Олегом К., Грегором или ещё кем-то? Кто это может знать? Среди моих приятелей тех лет было немало таких, чьи имена не имело смысла запоминать - они наверняка были вымышленными. И тогда, когда я впервые повстречался с этим человеком, он интересовался не столько культурой, сколько политикой. В то время он выступал в Федеративной Республике с лекциями для немцев о советском коммунизме. В войну он якобы оказался в плену у немцев и осознал всю ошибочность большевизма. Вся история показалась мне весьма странной: знакомство, затем исчезновение на годы из поля зрения и снова случайная (?) встреча, а за ней ничего.

Прощаясь, Грегор сказал: «...мы противники, но вы мне как-то симпатичны». В этой связи мне вспомнилась партия в карты с моими американскими и французскими друзьями в Мангейм-Зеккенхайме. Были ли мы друзьями? Или даже товарищами по оружию? Я никогда бы не смог пристрелить фронтового друга, ни за что на свете. А Боб Данн, тогдашний мой товарищ, думал совсем иначе. Если бы на то был приказ, то он бы меня расстрелял, не мешкая ни секунды, так сказал он сам. И я действительно в этом не сомневался. Это стало для меня уроком, толчком к долгим размышлениям. Приказ и повиновение - вот ключевые понятия.

Когда в марте 1945 г. на пустоши Тухель на моих глазах два служащих полевой жандармерии вздёрнули без всякого разбирательства фельдфебеля с рыцарским крестом под полевой курткой, дрогнувшего перед атакой русских, повесив его на придорожном дереве менее чем в ста метрах от моего наблюдательного пункта, тогда и рухнула во мне вера в заповедь боевого братства, в правосудие и справедливость. Ну нельзя же было просто так повесить солдата, отмеченного столь высокой боевой наградой! Заметив у него еше какие-то признаки жизни, жандармы вынули его из петли, заставили его сделать несколько шагов и пристрелили. Как было это пережить 20-летнему солдату?!

Но всякие дальнейшие размышления были тут же вытеснены тем, что происходило прямо перед нашими позициями. Всего в каких-нибудь 300 метрах вверх по холму медленно ползли три русских танка Т-34, очень неспешно. Стволы их орудий поворачивались слева направо и снова налево в поисках цели. Времени на размышления о справедливости и законности не

оставалось. Надо было отступать. И мы отступили не менее поспешно, чем кавалер ордена рыцарского креста. Полевую жандармерию было уже не видать. А чуть поодаль лежал в снегу немецкий солдат, незадолго до того верно и мужественно исполнявший свой долг. «Что напишет ротный его родственникам?» - думал я. В местной газете, наверное, появится траурное извещение: «В тяжёлом оборонительном бою на Тухельской пустоши пал за фюрера, народ и отечество обер-фельдфебель Х.» В то время смерть звала каждого из нас. И многие повиновались её призыву, уходя один задругам. И сегодня по ночам я ещё слышу этот клич, призыв к «каждому», с раскатистым эхом. Каждый! Каждый! И каждый должен был на него откликаться. День за днём! Что же это за солдатское братство, когда по приказу расстреливают боевого товарища?

Олег К., или Грегор, или как там его ещё звати, был одного поколения со мной. Он был солдатом, прошёл фронт, попал в немецкий плен. И постарался после него выжить, что ему неплохо удалось. Ему повезло больше, чем его товарищам, с которыми в Советском Союзе разговор был коротким. Какими-то обходными путями он после репатриации попал в министерство внутренних дел, МВД. Владение немецким языком помогло ему. В оккупированной Германии такие кадры были тогда нужны.

На одном из семинаров в университете им. Юлиуса-Максимилиана в Вюрцбурге обсуждалось стратегическое значение Эгейского моря. Я должен был выступить там с основным докладом. В числе участников оказались и мои добрые знакомые. Например, Свен Эрик Берг, шведский книгоиздатель, а также зять заместителя председателя Госсовета ГДР Вилли Штофа. Зять, как и я, читал в то время лекционный курс в университете Вюрцбурга.

С Олегом К. мы встретились еше раз на приёме в Таунусе, который устроила некая средней руки фирма и на котором присутствовали и русские бизнесмены. Мой знакомец представлял фирму, интересовавшуюся размещением заказов на трубы и ёмкости из пластика. Переговоры не дали тогда положительного результата, потому что у немецкой стороны были завышенные ожидания, а русская сторона, по-видимому, не имела поля для манёвра или подлинные интересы бизнесменов из России лежали где-то в другой области. Мы поприветствовали друг друга как старые знакомые. Так же и расстались после трёхдневных переговоров.

Игра краплёными картами - предложение стать атташе в Москве

Настало время вернуться летописцу к собственно цели этих воспоминаний о последних десятилетиях и о плотно вписанных в них событиях, которые имели определённое значение, но до сих пор остаются неизвестными заинтересованному читателю.

В один прекрасный день у командира 12-й танковой бригады бундесвера в Амберге, в казарме императора Вильгельма, неожиданно появился

генеральный инспектор бундесвера адмирал Армии Циммерман. Чего-то чрезвычайного в этом не было. Генеральный инспектор частенько наведывался в части, чтобы составить себе личное о них впечатление. Но это посещение имело и особую цель. На полигоне адмирал отвёл меня в сторону и спросил: «А не хотели ли бы вы стать атташе в Москве?» Вообще-то я к этому вопросу был подготовлен приятелем из Управления кадров и поэтому отвечал без размышлений. «Нет, благодарю вас. Москвы я не пожелал бы ни себе, ни моей семье. Жизнь под постоянным присмотром, контролем, в стране, где мне пришлось столько пережить? Нет, благодарю».

Мне показалось, что адмирал даже испытал некое облегчение, причины которого тогда мне были непонятны. Возможно, принимая во внимание мою службу в войсках, он присматривался ко мне для выдвижения на командную должность. Но тогда он ничего больше не добавил. Ещё до этого в Бонне уже подумывали о назначении меня военным атташе в Вашингтон, но и тогда это не состоялось из-за моего желания служить в войсках.

В министерстве обороны, естественно, испытывали трудности с замещением поста в Москве. Кроме меня, кажется, не было офицера в генеральском звании, который учил бы русский ещё в школе, а потом и четыре года на нём разговаривал. В конце концов выбор пал на командира 10-й воздушно-десантной бригады в Вайдене. Когда на учебном полигоне в Графенвёре я поздравил его с этим интересным назначением, он не выглядел особенно счастливым. Желая несколько приободрить его, я заговорил по-русски, но он только отмахнулся. «Нет, я не говорю по-русски, - ответил полковник В., - и не собираюсь его учить. В атташате всегда можно обойтись английским». Но только не в Советском Союзе, подумал я и сказал ему это. Потому что твёрдо помнил: в России знание языка играет очень существенную роль. Когда меня в своё время представляли главному инженеру целлюлозно-бумажного комбината, это выразилось в его возгласе: «Да он говорит по-русски! Это наш человек». Был в этом какой-то очень непосредственный отзвук русской души: он наш, он говорит на нашем языке.

Надо сказать, что полковник В. чувствовал себя в Москве не слишком комфортно, хотя это и была очень заманчивая должность для офицера бундесвера. К сожалению, он рано умер. Я действительно не претендовал на этот пост, что, возможно, было ошибкой.

Генерал Кнырков: противник и друг одновременно?

Стоп-кадр из прошлого. Конец 70-х гг. Скучноватый рутинный приём в Бонне. Свыше двух часов на ногах, непрерывное перемещение по залу с бокалом шампанского в руке. (Участвует только очень узкий круг в небольшом помещении.) Разговоры. Официальные приёмы по незначительным поводам не имеют ничего общего с рейнским менталитетом.

Шеф службы безопасности бундесвера наблюдал за советским военным

атташе генералом Кнырковым, который явно старался привлечь к себе его внимание. Как бы случайно он всё время оказывался недалеко от шефа, но, казалось, тот не замечал русского. Не стоит, полагал он, затевать беседу здесь. Разумеется, ему было известно, что советский генерал всего два дня как вернулся после доклада из Москвы. Знал он (не будем строить догадки, как и от кого), что русский генерал Кнырков получил указание вступить в разговор с новым шефом. Похоже, однако, что сегодня вечером генералу это не удастся. Шеф считал, что ему не следует здесь, на глазах у всех, вступать в разговор с русским генералом. Поэтому он избегал даже случайного обмена взглядами с русским и находил всё новых собеседников. Но русский знал своё дело - недаром он столько лет прослужил в ГРУ. Внезапно он оказался перед супругой шефа службы безопасности и попытался завязать с ней разговор. Он представился: «Сударыня, разрешите представиться. Генерал Кнырков, советский военный атташе». И спросил: «И как вам нравится здесь, в Бонне?» Шефу ситуация показалась абсурдной. Он обернулся к генералу и спросил того по-русски: «А вам, генерал, как нравится в Бонне?»

Русский выглядел удивлённым. Вряд ли до этого ему приходилось встречать немецкого генерала, владеющего русским, что он и сказал. Как где-то выше уже отмечалось, в бундесвере не придавали значения владению русским языком на генеральском уровне, полагая, что вряд ли он сможет пригодиться.

Отношения Германии и России в ближайшие годы будут становиться всё более значимыми. Германия, которая как раз к началу нового столетия сформулировала свою стратегию, будет вынуждена уже в самом скором времени её менять. Это вытекает из современной ситуации в регионах активных действий НАТО. Мы включены в систему договоров и не можем просто игнорировать требования, вытекающие из этих договоров и относящиеся к Германии. Как, например, в ноябре 2006 г. в связи с Афганистаном. Какое-то время мы можем пренебрегать требованиями США и других партнёров по НАТО. Но долго так продолжаться не может. «Немцев на фронт!» - этот клич будет всё громче звучать в наших ушах. НАТО ждёт немецкие войска на юге Афганистана. Наша подпись под договором даёт ей на это право. Военное планирование в рамках союза входит в компетенцию НАТО, сколько бы мы тут ни пытались отвертеться. Потому что альтернатива только одна - союз начнёт крошиться, что совсем не в наших интересах.

«Солидарность» - прекрасное слово. Но уж слишком часто его используют в определённых целях. Всего лишь вопрос времени, и немецким солдатам, рядом с американскими и британскими, придётся закапываться в землю под огнём противника.

Насколько я понимаю, немецкая внешняя и оборонная политика весьма скоро начнёт всё сильнее влиять на политику внутреннюю.

В области экономической Россия уже развёртывает свои порядки на подходе к Германии. Русских всё сильнее влечёт в Германию, гораздо более

привлекательную, чем Польша. Кто задумывается над тем, что в Германии уже свыше трёх миллионов переселенцев с российских просторов? У кого болит голова при виде самого настоящего вторжения русского капитала в Германию? Он скупает виллы в Баден-Бадене, а футбольный клуб «Шальке 04» не нарадуется появлению русского спонсора. Сырьевой экспорт при нынешнем уровне цен позволяет русским оказывать влияние на нашу экономику. Особенно значимо их присутствие в энергетических концернах и в металлургии. Русские нередко осуществляют крупные сделки через третьи фирмы. В этом им очень хорошо помогает бывший германский канцлер. И не важно, в какой области бывший федеральный канцлер даёт свои советы, в любом случае он усиливает российское влияние в Европе. Наблюдатель этой игры не может не восхищаться российской стратегией в этом сражении без оружия. Примеров успеха этой стратегии сколько угодно.

В последнее время Россия пытается протиснуться и в крупный европейский концерн по производству вооружений EADS. Если это удастся, русских можно будет поздравить с удачным «гешефтом». Разве в Западной Европе позабыли, что EADS не просто крупный концерн вооружений, но и особенно масштабно сотрудничает в том, что военные стратеги в своё время окрестили стратегической оборонной инициативой (СОИ), т.е. в развёртывании космического оборонительного щита? Ведь это настоящий прорыв в совершенно новые, глобальные масштабы оборонительной политики. И нет второй такой фирмы, кроме EADS, которая столь интенсивно работала бы над программой «звёздных войн».

Президент США и Генеральный секретарь Михаил Горбачев подписали 21 ноября 1985 г. на саммите в Женеве, 22 года тому назад, заявление, в котором оба государственных деятеля провозгласили своей целью «.. .воспрепятствовать гонке вооружений в космосе и положить ей конец на Земле, а также ограничить потенциал ядерных вооружений и их количество».

Для России не может быть сегодня на Западе более привлекательного проекта!

Германия и Россия - вот тема, которая должная нас занимать гораздо больше сейчас, чем в недавнем прошлом. Проблема эта затрагивает не только немцев, но и всю Европу, и довольно непосредственно.

Сотрудничество под скрещёнными знамёнами

Взаимодействие с французскими вооружёнными силами было совершенно лишено каких-либо трений. Генералы обеих армий относились друг к другу с обоюдным уважением, Можно утверждать, что сотрудничество во всех областях было особенно доверительным. Отношения с французами (в отличие от отношений с американцами, канадцами и британцами) хотя и совершенно незначительно, но всё же затруднялись обоюдной слабостью знания языка. Лишь ничтожно малый процент

выпускников Военной командной академии в Гамбурге выбирал в качестве изучаемого языка французский. Большинство делало выбор в пользу английского. Но желание сотрудничества с французами было очень сильным.

Ещё будучи командиром 12-й танковой дивизии, я приложил немало усилий для углубления сотрудничества и заложил основы официального партнёрства с 5-й танковой дивизией. Сотрудничество было закреплено после совместных полевых учений построением обеих частей и речами командиров. Когда я вышел вперёд, по колонне пробежал гул: порыв ветра всколыхнул и переплёл наши национальные флаги. Это было всеми воспринято как своего рода символ. Это парадное построение после совместных учений было и впрямь символом нашей сплочённости. Мы присягали братству по оружию и скрепляли его.

В дальнейшем прошло много встреч, прежде всего на батальонном уровне. Обмен идеями между командующим территориальной группой войск «Юг» и верховным командующим французскими вооружёнными силами в Германии, одновременно командовавшим и их 1-й армией, не превратился во что-то повседневное и рутинное, но с обеих сторон стал гораздо более интенсивным.

В связи с визитом в Бонн начальника французского генштаба и его встречей с генеральным инспектором бундесвера генералом де Мезьером я вписал в памятку последнего для беседы требование «привилегированных отношений» между вооружёнными силами обеих стран. И меня очень порадовало, что канцлер Хельмут Коль впоследствии перенял эту формулу и возвысил её до постулата.

Примеру, поданному тогда в Гейдельберге частями территориальной группы «Юг», последовали нижестоящие командиры. Всегда особенно сердечно проходили встречи в Страсбурге, в 1-й французской армии. Тем не менее существовал один пункт, на котором дальнейший разговор всегда пресекался. Это было неоднократно высказанное мной пожелание согласовать с моим французским партнёром вопросы применения ядерного оружия в моём секторе ответственности. Я находил просто невыносимым, что внутри союза НАТО определённый элемент боевых действий не мог стать предметом обсуждения двумя военачальниками высокого ранга. Всякий раз моя попытка заговорить при встрече на эту тему пресекалась замечанием с французской стороны: «Это вопрос политический. И обсуждать его надлежит не солдатам, а в Париже и Бонне». О французскую стойкость расшибались остатки моего восточнопрусского упрямства. Конечно, у меня было общее представление о потенциале французского ядерного оружия. Знал я и самое для меня важное: радиус полёта ракет средней дальности покрывал южный регион Федеративной Республики, а именно он и был сектором моей ответственности.

Когда в Страсбурге я прощался по случаю моего убытия на новую должность и после особо торжественной (во французском духе) церемонии мы с французским генералом де Л. уединились за чашечкой кофе от наших

делегаций, я с лёгкой улыбкой заметил, что так и не утратил интереса к французским ядерным планам. И генерал не может этого не понимать.

Он понял. Последовавший за этим разговор над картой Центральной и Южной Европы я не могу расценить иначе, как знак огромного доверия. Теперь я был в курсе. Но и по сей день на моих глазах и моих губах печать. Впрочем, в Бонне интерес к национальному французскому ядерному планированию был не столь велик, как могло бы быть полезным.

Мои проводы в Страсбурге прошли с церемониальной пышностью, как если бы я был немецким верховным главнокомандующим в ранге «четырехзвездного» генерала. Французы всё никак не могли взять в толк, насколько скромно звание соответствующего им по должности немецкого военачальника. Они и представить себе не могли, чтобы партнёром по переговорам с их «пятизвездным» генералом мог быть генерал «двухзвездный». Они этого просто не понимали. И выправить этот недостаток высшие военачальники старались этикетом, обращаясь с немецкими сотоварищами, как если бы они были равны по званию.

Первые шаги к примирению - новое начало и новые аспекты

Два года на русском фронте, хотя и с двумя краткими перерывами для продолжения военного образования, оставили по себе глубокую память. Плюс четыре года плена - настоящая школа войны для солдата, едва достигшего 20-летнего возраста. Прежде всего необходимо было избавиться от искажённого образа русского человека, навязанного солдату вермахта. Это же относилось в равной мере и к образу немца, каким его рисовало русским людям их начальство. Впечатления молодого солдата 20-25 лет глубоко врезались в его сознание и уже не отпускали на протяжении всей жизни. Вот и сейчас, через десятилетия, во мне оживают встречи с такими русскими, как Кнырков, Болонин, инженер Радченко и Павлюченко.

Эти русские всплывают из глубин памяти и не хотят меня оставить. Уж очень глубоко врезалось в сознание всё пережитое на фронте и в плену. Его следы остались и в подсознании.

Разговор с генералом Кнырковым вдруг как-то сразу стал политическим. Сначала он очень темпераментно посетовал, что федеральный канцлер всё ещё не ответил на недавнее письмо Председателя Президиума Верховного Совета, хотя оно уже недели три как лежит на его столе. Это просто неслыханно и совершенно не соответствует дипломатическим стандартам. Может ли он сообщить в Москву, что ответ последует скоро? Мой собеседник меня заинтересовал и не только в служебном плане.

Довольно быстро я заметил, что военные атташе США, Англии и Франции отнюдь не случайно начали ходить вокруг нас. Я услышал, как американец шепнул англичанину: «Они говорят по-русски, ничего не понятно. А вы что-то

улавливаете?» И в самом деле, беседа с генералом Кнырковым уже растянулась более чем на сорок минут, и это бросалось в глаза.

Вдруг Кнырков совершенно неожиданно задаёт мне вопрос: «А ведь то письмо в 1953 г. вы не просто так сами написали, верно?» «Какое письмо?» - вопросом на вопрос ответил я, напряжённо соображая, что генералу вообще может быть известно о том письме. Я действительно написал после смерти Сталина письмо на русском языке на имя тогдашнего Председателя Президиума Верховного Совета Булганина. В июле 1953 г., пока ещё не распалась «тройка» Булганин - Хрущев - Маленков, я в подробном письме предлагал открыть новую после опустошительной войны главу в германо-советских отношениях. Настало время, рассуждал я, установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германией, а Советскому Союзу пора отпустить на родину немецких военнопленных. Возможно даже установление дружеских отношений. Как известно, некоторое время спустя из Москвы поступило приглашение канцлеру Конраду Аденауэру посетить столицу СССР для переговоров о восстановлении дипломатических отношений.

Не получив тогда из Москвы никакого ответа, я предполагал, что письмо было перехвачено БНД или Ведомством по охране конституции. И сейчас, разговаривая с генералом Кнырковым, я едва мог поверить, что письмо дошло до Кремля и Булганина и сыграло некую политическую роль. Но получалось, что это так и произошло.

В том 1953 году это было не единственное письмо, отправленное мною в Советский Союз. Я уже упоминал, что во время пребывания в 1945-1949 гг. в лагере для военнопленных в городе Тильзит между мною и начальником по производству тамошнего целлюлозно-бумажного комбината старшим лейтенантом Болониным и инженером Радченко установились почти дружеские отношения. Для того времени это было достаточно необычно. Предпосылкой для этого послужили моё знание русского и присущая обоим совершенно необычная для русских официальных лиц открытость в общении с военнопленным. Мы с Радченко нередко полёживали на полянке за фабричными корпусами, курили и вместе размышляли над тем, какими станут немецко-русские отношения, когда затянутся раны войны. Оба мы верили в прочное примирение обоих народов. Скоро к нашему мнению присоединился и старший лейтенант Болонин. Вот сблизились же немецкий офицер и русские. Как только позволяли обстоятельства, мы пускались в очень серьёзные разговоры.

Скоро Болонин стал приглашать меня домой на чашку чая. Однажды он обратился ко мне с просьбой давать его 17-летней дочери уроки игры на фортепиано. К сожалению, из-за убогости моих навыков я не мог заняться её музыкальным образованием. Всё моё искусство исчерпывалось бойким наигрыванием двумя пальцами простеньких вещиц вроде «Полевой розочки» или «Песни немцев». Когда я вынужден был признаться юной даме в слабости моей квалификации, она совсем близко подошла ко мне и начала

колотить меня своими нежными кулачками в грудь, всё сильнее и сильнее, Болонин, поглядывая на это, только похохатывал, а затем вышел из комнаты. Тут Тамара, нежная девушка с чёрными волосами и тёмными огненными глазами, уже всерьёз разъярилась. Я пробовал отстранить её руки, очень осторожно, бережно, не причиняя боли. Её грудь тесно прижалась к моей, я чувствовал её. Она нежно тёрлась об меня. Что было делать? Попробовать успокоить её, как успокаивают молодую лошадь? Левой я пытался схватить её руки, а правой гладил по волосам. Может быть, мне не стоило этого делать. Я чувствовал совсем близко её горячее дыхание, биение её сердца. «Боже мой!» - стучало у меня в висках.

Сегодня я спрашиваю сам себя, позволительно ли описывать такой эпизод, такое мгновение, такое интимное сближение двух людей, делать его достоянием других? Можно ли, как делаю я сейчас, посвящать в это читателя? Не лучше ли промолчать о переживаниях или даже чувствах двух молодых людей? Молоденькой женщины, ещё почти ребёнка, 17 или, возможно, всего лишь 16 лет от роду, и немецкого военнопленного. Летописец, полагаю я, имеет право и даже должен излагать всё правдиво при соблюдении той границы, за которой ущемляется человеческое достоинство. Мне думается, что мой долг поведать эту историю. Разве она не обогащает привычную картину жизни пленных в чужой и враждебной среде, как бы начисто лишённой чувств? А если прочувствовать эту ситуацию с позиции девушки? Молодая русская, которую всё убеждало, что всех немцев, фашистов можно только ненавидеть? Война разрушает всё. Но даже она не в состоянии убить в человеке самые естественные глубокие чувства.

Жизнь неожиданно сводит молодого военнопленного и девушку из неприятельского стана, их чувства внезапно, без включения какой-либо, выражаясь по-современному, системы раннего предупреждения, бурно взрываются. Сейчас только не поддаться безумию, думаю я. Не потерять голову. Наконец выдавливаю из себя: «Нет, Тамара, так нельзя. Мы не должны это допустить. Поймите, пожалуйста!»

Она резко вырвалась, изо всех сил оттолкнула меня. Я заглянул ей в глаза, и мне стало страшно: не полыхала ли в них снова ненависть? Та ненависть, которая шла рядом с нами, солдатами, до самой Волги? Бушевало ли в ней оскорбление? Обида юного существа, чьи чувства не приняты всерьёз? Всё случившееся было невероятным, ни с чём не сравнимым. Я думал только, что, как бы я ни поступил, в любом случае всё будет ошибкой. Я только слышал, как она крикнула мне и раз, и два, и три: «Дурак! Дурак!»

По пути в лагерь, проходя домик охраны, я почувствовал кровь на верхней губе. Мне вспомнилась моя школа в Нидерзее до войны, учитель, которого мы наградили не очень приличным прозвищем. Он явно невзлюбил меня; чаще, чем другим, давал подзатыльники. Как-то раз он заставил меня боксировать с сыном рабочего-лесника, здоровым парнем, возвышавшимся надо мной на целую голову. Он тогда здорово избил меня, после чего на губе у меня остался рубец. Дорога домой вела через речку, наверное, это был

просто ручеёк, в котором мы, мальчишки, нередко устраивали рыбную ловлю с самодельными гарпунами, длинными палками с приделанными к ним обычными столовыми вилками. Вот и в тот день мы разожгли небольшой костёр и жарили на нём рыбёшек. В зеркале лениво текущего ручейка я разглядывал свою физиономию и смывал с губ кровь.

Слава Богу, далее ничего не последовало. Мне пришлось найти для Тамары в нашем лагере учителя музыки. С задачей успешно справился один наш приятель Г. из Эшвайлера.

В тех обстоятельствах беседы втроём с Болониным и Радченко носили характер почти что заговора. Чистосердечно глядя мне в глаза, они уверяли меня, что оба коммунисты. Но это как-то не очень убеждало меня. Шли месяцы, Радченко регулярно снабжал меня сатирическим журналом «Огонёк», изданием в своём роде единственным. Если инженер меня не заставал, он оставлял журнал дежурному офицеру с просьбой передать его мне как можно скорее. Некоторые статьи мы потом долго обсуждали. У них было некое единое видение мировой ситуации. Вторая мировая война была давно закончена, уже три года тому назад. Американцы - в этом у них не было ни тени сомнения - рвутся к мировому господству. Но у них, русских, свои представления на этот счёт. «Война - капут!», она осталась позади. Через три - пять лет у Германии будет своё правительство, а её значение в мире будет из года в год возрастать.

Они в несколько завуалированной форме передавали через меня своего рода послание на родину: тесное сотрудничество Советского Союза и Германии пойдёт на пользу обоим народам. Они часто говорили: «Приходите снова друзьями». Это же, впрочем, нередко повторяли простые русские в разговорах с военнопленными. Ненависть военных лет растворялась в надеждах на совместное будущее. Вновь и вновь слышалось: Россия и Германия в союзе - это изменит мир, будет на пользу всему миру.

Временами у меня складывалось впечатление, что они даже доверяли мне своих дочерей и даже позволили бы увезти их в Германию, всё равно кого, настолько пришёлся им по нраву я, пленный офицер, который так хорошо владел их языком и был почти одним из них. Но может быть, в тогдашнем моём положении это было лишь ошибочное, совершенно неправильное представление? Может быть, надежда на то, что всё когда-то хорошо закончится, в том числе и этот плен?

Когда в начале марта 1949 г. солнце побаловало север Восточной Пруссии первым теплом, а мы снова пили чай втроём у Болонина, оба всерьёз взялись за меня. «Ты скоро снова будешь в Германии, - сказал Болонин. - Тебе надо выполнить поручение. Ты не дурак. Если у вас снова будет правительство, тебе надо будет рассказать о впечатлениях, которые ты у нас получил, о своём личном опыте. Тебе надо это сделать, рассказать правду - это в интересах твоей страны. А мы хотим мира с вами, сотрудничества, дружбы, понимаешь ты, как у нас здесь! Дружбы. Ты должен попытаться связаться с теми, кто у власти, и сказать им, что необходимо в интересах

наших стран». «Но, - возразил я, - я ведь не коммунист». «Ну что ты за чушь несёшь? - сказал Болонин. - Ты должен приехать к себе на родину демократом. Не надо тебе становиться коммунистом, дубина ты этакая!» «Чёрт возьми!»

Разговаривая с советским генералом в Бонне, я думал и об этих встречах со своими русскими друзьями Болониным и Радченко в Тильзите. А вернувшись потом домой, я пытался добиться примирения с Россией. Я искал пути к нормализации отношений с Россией.

Так я в 1953 г. связался с Болониным и Радченко и написал обоим письма по-русски. Хотя я и боялся, что мои письма не дойдут без проблем до Москвы и Новосибирска, но теплилась всё же и какая-то надежда, что кто-нибудь смог бы счесть интересными мысли бывшего военнопленного немецкого офицера и передать послания в Кремль. Ведь Сталин умер. Но ни из Москвы, ни из Новосибирска ответа поначалу не последовало.

Вернёмся, однако, ненадолго к генералу Кныркову, атташе, становившемуся всё дружелюбнее. Он вёл себя даже вполне по-товарищески, ведь мы оба, по его словам, бьши солдатами, и приглашал меня к себе домой - закусить и выпить чаю. Его жена, говорил он, превосходно готовит, и у меня будет случай в этом убедиться. «Приходите, пожалуйста!» Да и верно, надо было обязательно прийти. Признаюсь, что искушение принять это приглашение было велико. Мне были бы очень интересны дальнейшие беседы. Но имел ли я право следовать профессиональному любопытству? Не будет ли это уже чем-то сродни измене родине? Нет, я понимал, что конспирация - один из важнейших методов разведывательной работы. А если с её помощью можно достичь пользы для своей страны, следовало идти особыми и необычными путями. Долго думал я над тем, что же следовало делать в столь нестандартной ситуации.]

О честных солдатах и чёрных овцах

В ходе моего назначения на должность руководителя Службы военной разведки была изменена система субординации начальников управлений МАД. Министр Лебер сначала подчинил службу непосредственно себе, затем статс-секретарю, а незадолго до моего увольнения - даже заместителю генерального инспектора бундесвера. Система субординации никогда не была ни удовлетворительной, ни целесообразной, поскольку не учитывала особенностей разведывательной службы.

Организационные нововведения казались министру необходимыми, исходя из его опыта спецопераций МАД с применением средств прослушивания, проведённых до моего вступления в должность. Я был абсолютно уверен в том, что пользовался особым доверием министра Лебера.

У руководства проявлялось недоверие в отношении службы в целом и, очевидно, в отношении руководителя службы в частности. Впоследствии это

привело к тому, что статс-секретарь Хиле отдал мне приказ обеспечивать на моих докладах о шпионской деятельности присутствие начальника 3-го отдела полковника Йоахима Кразе. Естественно, я усмотрел в данном требовании признак недоверия ко мне. С сегодняшней точки зрения, конечно, приходится только удивляться такому распоряжению, поскольку Кразе, как выяснилось позже, помимо своего жалованья в бундесвере, оплачивался ещё и Маркусом Вольфом из ГДР.

Это был явный случай государственной измены, и я до сих пор задаюсь вопросом, кто в то время был кукловодом. Полковник Кразе, ранее служивший командиром одного из подразделений МАД, а при моём вступлении в должность - руководителем отдела Управления безопасности бундесвера, был, скорее, малозаметным офицером, которого мне в прямом смысле слова навязал главный штаб вооружённых сил после увольнения на пенсию моего прежнего заместителя полковника Гласмахера. В начале нашей совместной работы Кразе показался мне очень рассудительным и необыкновенно сдержанным человеком, уровень образования которого по сравнению с другими командирами, состоявшими на службе, был ограничен. Он был одним из немногих офицеров бундесвера с незаконченным средним образованием. Обнаруженные пробелы в знаниях он пытался восполнять самообразованием, а в беседе всегда старался употреблять иностранные слова.

Статс-секретарь Хиле, будучи доверенным лицом министра, очень его ценил, равно как и заместитель генерального инспектора бундесвера Х., осуществлявший военный контроль над деятельностью службы. Генерал-лейтенант Х. не скрывал своего отвращения к занимаемой им должности. Каждый раз, когда я приходил к нему с докладом, генерал заставлял меня ждать у себя в приёмной по полчаса. Видимо, это входило в его принципы.

Когда я бывал готов приступить к докладу, он имел привычку просить меня подождать одну-две секунды, с тем чтобы подготовиться к записи. Меня удивляло, что генерал заносил мои рассуждения в протокол. Когда он однажды не успел записать их, то попросил меня повторить фразу. Наверняка генерал был абсолютно корректным и скрупулёзным офицером, осознававшим свой долг. Он принадлежал к той группе тогдашних генералов, которые научились исполнению приказов и послушанию в гитлерюгенде и, вероятно, в одном из так называемых национально-политических учебных заведений (Napola) и имели призвание к выполнению особых заданий в бундесвере; он был предельно пунктуален и надёжен в исполнении приказов. Это был человек совершенно иного рода, нежели его непосредственный начальник, генеральный инспектор Бранд, с которым я учился на четвёртом курсе Академии главного штаба сухопутных войск в Гамбург-Бланкензее. Тот не разделял моих опасений, изложенных в моём докладе о текущей обстановке, в котором я предостерегал руководство об участившихся случаях проникновения агентов России и ГДР через Восточный Берлин и попытках Вольфа внедриться в руководящие органы бундесвера. Бранд только рассмеялся: «Получается, что русские знают, что мы для них не

представляем никакой опасности. Так это же хорошо, или как?»

Я не считал, что это так уж хорошо, но генеральный инспектор не проявлял никакого интереса к предмету. Он предпочитал делиться воспоминаниями о нашем совместном времяпрепровождении во время учёбы в Академии главного штаба, когда мы, будучи приятелями, совершали необдуманные поступки и наслаждались вином на солнечных берегах Рейна. И впрямь: эти шесть месяцев подготовки в Академии главного штаба, связанной с поездками по нашему прекрасному Отечеству, относятся к самым приятным воспоминаниям.

Генерал-лейтенант Х., который стал моим непосредственным начальником, когда Георг Лебер счёл целесообразным создать промежуточную инстанцию между МАД и Федеральным министерством обороны, был по своему характеру полной противоположностью генеральному инспектору бундесвера. Я никогда не видел его смеющимся. Наверняка он на всякий случай записал все мои рассуждения дословно в свою тетрадь коротким и безупречно заточенным карандашом. Возможно, генерал считал, что ему нужно себя обезопасить. Кроме того, было очевидно, что он, практически не имея представления о разведывательной работе и в силу этого относясь с подозрением ко всему, что попадало на его письменный стол из этого ведомства, всегда испытывал неуверенность в вопросе о том, какие действия он лично должен предпринять или не предпринимать после доклада начальника Службы военной разведки.

К тому же его военный советник по вопросам МАД был человеком, который стремился получить мою должность, что ему впоследствии и удалось, правда ненадолго, пока его не сменил адмирал. Последний поначалу сошёлся с женой подчинённого ему офицера, что в то время ещё считалось предосудительным и подлежало дисциплинарному взысканию, позднее он совершил ещё и некоторые уголовно наказуемые деяния и был предан суду. Очевидно, это были не самые лучшие времена в истории немецкой разведки. Наверняка было бы интересно заняться исследованием вопроса, почему эти офицеры были назначены на должности именно в военную разведку. Их неспособность исполнять свои должностные обязанности была известна многим, но только не статс-секретарю Хиле, в ведении которого находилась служба, и не ответственным господам из Федерального министерства обороны, которые оба оказывали на меня давление, с тем чтобы я согласился на назначение своих преемников на эту должность, что мне представлялось нецелесообразным. Тем не менее мне пришлось в конце концов подчиниться статс-секретарю и заместителю генерального инспектора в вопросе назначения Кразе, чтобы избежать моего увольнения на пенсию. В то время я ещё хотел этого избежать.

Я уже тогда часто удивлялся тому, что контрразведка нашей службы не всегда достигала ожидаемых результатов. Часто я получал информацию, которая была мне уже известна из других источников, например, от американской военной разведки. Относительно надёжности полковника

Йоахима Кразе и достигнутых им выдающихся успехов в области контрразведки у меня неоднократно возникали некоторые сомнения. Как я уже писал, он считался чрезвычайно успешным специалистом. У меня возникали сомнения, однако я не хотел выказывать недоверия в адрес моего ближайшего окружения. А репутация Кразе в МАД и в особенности в главном штабе вооружённых сил считалась безупречной.

В своём кабинете, в сейфе, доступном только мне - лишь у моей секретарши госпожи Нордхофен в запечатанном конверте хранился дубликат ключа для исключительных случаев, - я хранил особо секретные документы, как, например, специальную информацию об известных политических и военных деятелях. К ним же относились документы, оправдывавшие тогдашнего министра обороны Франца Йозефа Штрауса в так называемом деле «Локхид».

25 января 1978 г. я был вызван в Ведомство федерального канцлера на совещание с координатором разведывательных служб при федеральном канцлере, госсекретарём д-ром Шюлером. После моего возвращения на службу я был проинформирован госпожой Нордхофен о том, что во время моего отсутствия полковник Кразе потребовал открыть мой сейф, поскольку ему понадобилось срочно ознакомиться с важными документами. В этой связи полковнику были выданы три папки, которые он, однако, уже успел вернуть на место. Сотрудники службы безопасности сделали об этом следующую запись:

25.01.1978 г. в 11.30 по распоряжению начальника 3-го отдела полковника Кразе был открыт сейф начальника управления офицером подразделения Г 3. В присутствии начальника 3-го отдела и офицера Г 3 госпожа Нордхофен передала папки полковнику Кразе. Перечень документов, содержащихся в папках, госпожа Нордхофен оставила у себя. Дубликат ключа и комбинация кода были возвращены в запечатанном конверте в сейф подразделения Г 3.

Я был удивлён, однако меня отвлёк на ближайшие несколько часов другой очень важный вопрос. Тем не менее я подумал: а не успел ли Кразе при помощи сканирующей камеры, показанной мне ранее начальником нашего отдела спецтехники в хранилище изъятых улик, сделать несколько фотографий для Маркуса Вольфа? Однако я это подумал не всерьёз. Тем не менее эта история впоследствии показалась мне очень странной, что подтверждается моей рукописной записью. Я записал: «В 13.20 вернулся из Бонна» - и добавил свой личный номер «Ко 25./I.». Всё же это был странный случай, требовавший объяснения. Почему я в конечном счёте не занялся расследованием этой истории, сейчас уже не могу сказать точно.

Это был очень странный случай. Очень хотелось бы знать, какую роль в нём сыграли отдельные участники событий. В особенности для меня до сих пор остаётся загадкой роль статс-секретаря.

В этом месте я также считал бы интересным провести научное

исследование причин поведения политического и военного руководства.

Данные события были, насколько это возможно, скрыты от заинтересованной общественности. Тому должны были быть причины. Вместе с тем они повлияли на сотрудничество со спецслужбами союзников, в частности со спецслужбами Франции, Канады и США.

В то время я задавался вопросом, насколько восточным спецслужбам, прежде всего советскому ГРУ и спецслужбам ГДР Эриха Мильке и в особенности Маркуса Вольфа, удалось внедриться в руководящие круги бундесвера.

Примечательно, что эти мысли о МАД и предателе Кразе впервые посетили меня во время беседы с советским военным атташе. Генерал Кнырков неожиданно задал мне вопрос, где я прохожу службу в бундесвере, он этого якобы не знал, так как раньше, к сожалению, со мной никогда не встречался. Я же тогда ещё не хотел ему говорить, что являюсь руководителем Службы военной разведки, и поэтому ушёл от вопроса.

Я его спросил: «Вы же наверняка знаете, господин генерал, военное ведомство в Кёльне? Вот там я и служу, в этом большом комплексе». Ответил я обтекаемо, хотя это более или менее соответствовало действительности, и я, таким образом, отвлёк его от его вопроса.

Когда мне потом показалось уместным закончить нашу беседу, за которой продолжали наблюдать офицеры союзников, генерал Кнырков повторил своё приглашение и добавил, что мы можем, конечно, встретиться и на каком-нибудь теплоходе, идущем по Рейну, или в другом месте: «Как пожелаете, господин Комосса». На прощание я пожал ему руку. «Разговор был очень интересным, - сказал русский и после короткой паузы добавил: - А вы, наверное, довольны вашим новым назначением в Вюрцбург?»

Здесь нужно разъяснить следующее. За несколько недель до этого в прессе было опубликовано сообщение о том, что я получил назначение от министра на должность нового командира 7-й мотопехотной дивизии в Унне. Лишь за четыре дня до встречи с русским министр ввиду событий, связанных с генералом Тёртом Бастианом, который отдал свои симпатии партии «зелёных», отменил своё решение и назначил меня командиром 12-й танковой дивизии в Вюрцбурге вместо Бастиана, то есть бросил меня, так сказать, на преодоление кризиса.

Министр Лебер однажды уже бросал меня на преодоление кризиса в МАД, где я, очевидно, справился с поставленной задачей ко всеобщему удовлетворению политической верхушки. О новом назначении в Вюрцбург сообщений в прессе ещё не было. Ей ещё не передали эту информацию. Советский атташе генерал Кнырков, таким образом, дал понять, что советская сторона прекрасно знает, с кем он так долго беседовал на том приёме в Бонне. Нельзя сказать, чтобы я был удивлён, поскольку знал линию Востока: сосредоточение всех усилий на внедрение разведывательных служб в руководящие органы государства и бундесвера. Однако кто же были их

агенты? - спрашивал я себя. Какие должности они уже успели занять? Мне уже давно было ясно, что у них имелись свои «кроты» и в Федеральном министерстве обороны, и в министерстве иностранных дел, и прежде всего в министерстве внутреннихдел и в министерстве экономики. Но где они сидят, в каких приёмных, в каких креслах? Карлу Винанду, руководителю парламентской фракции СДПГ с марта 1967 по август 1974 г., я не доверял, как и некоторым другим. Но их пора тогда ещё не настала. Кстати, 26 июня 1996 г. Винанд был приговорён к двум с половиной годам заключения и денежному штрафу в размере одного миллиона марок ФРГ за шпионаж в пользу ГДР.

Русские владели внутренней информацией министерства обороны, это было очевидно, и они, к моему удивлению, давали это понять. Они знали своё дело, в которое в том числе входила задача показать противнику, что они по всей стране имеют свои невидимые форпосты вплоть до высших руководящих органов. Зачастую для руководителя службы разведки был велик соблазн дать понять это и другим. Однако и руководитель службы должен признать, что он сам нередко вёл игру с противником краплёными картами. Возможно, это одна из предпосылок успеха в ремесле, столь же древнем, как проституция.

Это было одной из причин того, что руководитель службы назначался на срок, позволявший при наличии опыта добиться успеха. При этом следовало бы в момент назначения на должность устанавливать срок запланированной смены руководства. На примере политиков мы знаем, что длительные сроки службы не только приводят к рутине, но могут привести и к соблазнам, не относящимся к сфере их полномочий. Коррупция - это только одно из возможных негативных последствий длительных сроков службы в политике.

Кстати, мне тоже предлагались в то время через вполне солидныхи, казалосьбы,невинныхлиц разные приятные вещи в обмен на «особого рода информацию». Не в последнюю очередь моя вера запрещала мне предательство. Сегодня я задаюсь вопросом, что бы было, если бы не было веры, заповедей, например, пятой, седьмой или десятой? Что бы тогда являлось мерилом всех ценностей для человека? Для убогого? Для слабого? Для того, кто не верит, что во имя справедливости не должен совершать зла, что бы он ни подразумевал под злом со своей субъективной точки зрения.

Хронист сообщает, повествует о том, что с ним приключилось в различных экстренных ситуациях. При этом он придерживается принципа, сформулированного Фомой Аквинским. Я, молодой немецкий офицер, вёл беседы с русскими, духовно стоявшими выше господствовавшей у них системы, проявлявшими ещё неизвестную там духовную независимость, которую им приходилось скрывать от своих соотечественников. Болонин и Радченко были людьми, уверенными в том, что сталинские времена закончатся. Возможно, у них были друзья из круга, который в то время ещё не должен был стать известен.

Советский атташе генерал Кнырков, может быть, их знал. Знал ли он о

моём письме Председателю Булганину? Знал ли он, что после своей отставки я писал письма на чистом русском языке в Советский Союз? Отказалось бы МВД в то время от перлюстрации этих писем? Кто знал об этом, и как эта корреспонденция была расценена в Москве? То, что моя корреспонденция была задержана и изъята БНД, представляется невероятным. Было ли моё письмо Булганину расценено МВД как акция сумасшедшего немца, который на самом деле верил, что оно может попасть в руки советского руководства? Кто знает методы работы советских спецслужб, не поверит в то, что такое письмо из и мпериалистической державы - к тому же написанное на безупречном русском языке - не было передано в вышестоящие инстанции.

Возможно, за всей этой историей стоял старый лис Аденауэр, попытавшийся неофициальным путём прозондировать перспективы, которые могли открыться для германо-советских отношений после смерти Сталина. Возможно, требовалось сдвинуть с места маленький камень, с тем чтобы он покатился в сторону Москвы?

Советы имели в то время полную картину происходящего в Федеративной Республике Германии. Было ли для них секретом, что «отправитель письма» действовал при помощи своего тестя, д-ра Артура Рупперта, который в то время, как я уже писал, открыл для ХДС восточное бюро с сотрудниками в центральной части Германии, тогда ещё называвшейся советской оккупационной зоной или попросту «зоной».

В то время было несложно отправлять этих сотрудников в качестве курьеров с Запада на Восток и с Востока на Запад. Насколько тесно здесь переплелись нити? Что знали русские о связях отправителя с Конрадом Аденауэром? Были ли эти связи теснее, чем предполагалось? Не готовилась ли посредством использования определённых обстоятельств и связей, которые здесь не могут быть раскрыты из соображений безопасности, некая важная инициатива?

«Письмо Булганину» вряд ли обнаружится в архиве БНД. Вопрос в том, где оно оказалось. Вперёд, уважаемые немецкие и русские историки, вот вам непаханое поле для научных исследований. Возможно, придётся заново переписать главу о послевоенной истории начиная с 1953 г. Тот, кто добьётся успеха в своих исследованиях, напишет новую главу о германосоветских отношениях, в основу которых, может быть, легло письмо бывшего военнопленного немецкого офицера, неверно интерпретированное советским Политбюро.

И у дружественных государств есть спецслужбы

Между разведывательными службами, конечно же, существует соперничество, в том числе и внутри одного альянса. Обмен результатами работы здесь уже стал рутиной.

Они посещают друг друга, иногда встречаются в определённом месте, как, например, на военном корабле во время Кильской недели. Такие встречи

- в частности, с руководителями гражданских подразделений, как например, Федеральной разведывательной службы, Федерального ведомства по охране конституции и его самостоятельных земельных управлений - являются своего рода биржей для разведок. Сотрудничество спецслужб чаще всего протекает гармонично, однако сильно зависит от личности того или иного руководителя.

Англичане, как правило, ведут себя в совместной работе спецслужб сдержанно. Естественно, они принимают участие в общих мероприятиях, однако предпочитают оставаться незамеченными. Британцы располагают собственными секретными разведывательными службами, но это - даже в НАТО - остаётся делом каждого государства. На первый взгляд может показаться, что британские спецслужбы практически бездействуют. При этом они, равно как и израильская спецслужба, работают чрезвычайно эффективно. Имена британских руководителей спецслужб почти неизвестны. Одним из них, сыгравшим особую роль во Второй мировой войне, был сэр Стюарт Мензис, о котором ходили анекдоты. Руководитель британской спецслужбы был создан для занимаемой им должности. У него было много достоинств. Его наивысшее достоинство заключалось, несомненно, в скрытности по отношению ко всем, даже к монарху. Защита источников информации является одним из важнейших правил спецслужбы, на соблюдение которого вынужден полагаться агент разведки, засланный на территорию противника. О Мензисе рассказывают, что король Георг VI в шутку потребовал от него выдать ему детали деятельности британских разведывательных служб. «Мензис, - обратился к нему король, - что бы случилось, если бы я спросил у вас имя нашего человека в Берлине?» Мензис ответил: «Я вынужден был бы ответить вам, сир, что на мои уста наложена печать». - «Хорошо, Мензис, а положим, я тогда прикажу вам отсечь голову?» - «Что ж, сир, тогда моя голова покатилась бы с запечатанными устами».

В отличие от Германии руководитель британской разведки мог быть принят своим хозяином в любое время. В Германии было иначе. Гитлер не доверял собственной разведывательной службе. Это зашло так далеко, что он в течение двух лет отказывался принимать в своей штаб-квартире её руководителя адмирала Канариса. Канарис знал, что Советы до начала своего зимнего контрнаступления 1941 года сосредоточили под Москвой более тридцати дивизий. Гитлер отказался верить таким «паникёрским донесениям» о силе советских войск и поэтому более не вызывал Канариса к себе на доклад, пока, в конце концов, не стало известно, что адмирал Канарис является участником заговора против Гитлера. Это послужило смертным приговором Канарису, который был казнён 9 апреля 1945 г., за месяц до окончания войны. Совершенно точно известно то, что руководитель германской разведки в ходе войны с Россией сумел создать превосходную шпионскую сеть на занятых немецкими войсками территориях и владел детальной информацией о противнике. На этой кадровой основе, состоявшей из секретных сотрудников, генералу Гелену уже вскоре после окончания Второй мировой войны удалось создать весьма эффективно работавшую

Федеральную разведывательную службу Германии (БНД).

Подобно Мензису, Канарис был дотошным специалистом, который мог полагаться на свою интуицию. Компьютеров он не знал - их развитие тогда ещё находилось в зачаточном состоянии, - а изучение бумаг у него, скорее, вызывало отвращение. Он больше доверял качеству информации, получаемой от людей, - область, которой в наше время всеми разведывательными службами уделяется недостаточное внимание. Одной из причин тому сегодня, вероятно, являются недостаточные знания иностранных языков. К этому стоит добавить проблемы с разработкой новых источников информации в арабских странах. Там готовность к сотрудничеству с западными спецслужбами крайне низка. Канарис обладал незаменимыми для этой профессии качествами охотника. Всё, что было связано с администрированием, он недолюбливал.

О Мензисе Черчилль как-то сказал: «Выдающееся качество Мензиса заключается в том, что он содержит своё ведомство на гроши». Мензис имел здравые взгляды на финансовые вопросы и талант к общению с другими учреждениями и политиками. Его бывший сотрудник рассказывал: «Мензис был мастером в общении с другими учреждениями». Здесь следует добавить - и мастером в общении с другими людьми. Это, разумеется, очень важно в разведывательной работе, если учесть, что большинство людей ведут себя очень сдержанно при встрече с сотрудниками спецслужб.

Мензису приписывают прежде всего особое качество, незаменимое для руководителя разведывательной службы: он умел внушить своему политическому руководству, что оно с ним никогда не ввязывается в «ненадёжные дела». Это важно потому, что деятельность разведки и контрразведки ввиду необходимых мер защиты источников информации вызывает у политиков и чиновников, как правило, довольно сильное чувство неприязни. Им нужны результаты, они благодарны за службу, но политики не желают вникать в детали. Мне часто приходилось слышать от политиков в Бонне замечание: «Это можно опустить». Я понял, что политики хотят знать всё, но ничего определённого, из-за чего они могли бы стать соучастниками. Это был важный фактор, который я учитывал в общении с политиками. Они ни в коем случае не хотят иметь неприятностей и больше всего опасаются парламентских комиссий по расследованию. Политик хочет при помощи соответствующих «агентств» получить преимущество в знаниях. Черту он подводит там, где он может разделить ответственность.

Руководитель разведывательной службы всегда имеет преимущество в знаниях перед политиком. Он вынужден это использовать очень осторожно и ни в коем случае не должен своё превосходство использовать в ущерб своему политическому партнёру.

Сотрудничество со спецслужбами США, которых достаточно много, осуществляется на абсолютно нормальной, частично даже дружеской основе. В «семье», как правило, знают друг друга уже несколько лет и друг другу доверяют. Французы общаются со своими немецкими партнёрами

всегда на взаимной основе и выказывают готовность к сотрудничеству, если видят, что и партнёр готов к тому же. В противном случае общение ограничивается общественными связями. «О да, у нас есть такая организация. Конечно», - говорит в таких случаях британец и заводит разговор о погоде («А не прохладно ли для этого времени года?» - «О да, конечно».) или о футболе.

А потом есть ещё нейтралы, которых в качестве руководителя спецслужбы регулярно встречаешь на посольских приёмах в Бонне, а теперь и в Берлине. С ними, конечно, сотрудничать сложно. Однако разговора не избежать, что, в конце концов, было бы бестактным и абсолютно недипломатичным. Иногда такие встречи проходят и там, где «вечный нейтралитет» был обязательным. Там тоже каждая беседа со спецслужбами нейтральных стран проходила ко всеобщему удовлетворению. Стороны вежливы, а сотрудничество приятно.

В рамках НАТО сотрудничество, как уже говорилось, как правило, осуществлялось без трений. Однажды глава ЦРУ, правда, спросил руководителя МАД, даст ли он своё согласие на опубликование в США принятого незадолго до этого соглашения между двумя спецслужбами в рамках новой линии на открытость разведывательных служб. Руководитель управления в Кёльне в ответ на это запросил Вашингтон, о каком соглашении идёт речь. Он о таком впервые слышит. Таким образом, эта проблема была решена в те неспокойные времена всеобщего стремления к гласности, когда даже БНД начертала у себя на фасаде огромными каменными литерами наименование своей фирмы, чтобы теперь уж точно каждый знал, где под грифом «секретно» работает данная спецслужба.

Террор меняет мир. Неужели разведслужбы ослепли?

11 сентября 2001 г. ужасные террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне потрясли весь мир и изменили его. Как же велика должна быть ненависть к целому народу, как же велико должно быть пренебрежение к человеческой жизни, как же велика должна быть воля к разрушению вплоть до самоуничтожения, что она не знает границ! Масштабы этих жестоких терактов превзошли все пределы нашего воображения. Запланировав их с холодным расчётом за много месяцев и незаметно организовав их, террористы нанесли удар, поразив США в самом уязвимом месте. Неспроста весь мир ощутил свою сопричастность.

Этот теракт имеет длительные последствия и является вехой в будущих конфликтах. После 11 сентября на планете не осталось неуязвимых мест. Непреложным представляется, что источники такой грандиозной жестокости следует искать в ближневосточном конфликте. Развитие международной обстановки и последствия этих терактов сегодня ещё невозможно предсказать. Немецкие политики с первых же часов всецело приняли

сторону США и обеспечили им поддержку всех партий немецкого бундестага. Остаётся только надеяться, что государственные деятели выразят не только солидарность, но и будут реагировать на теракты адекватно и координированно с применением соответствующих средств и будут делать всё для того, чтобы организовать розыск преступников, задержать и наказать их по всей строгости закона.

Мы, немцы, 11 сентября вместе со всеми народами мира затаили дыхание и не хотели верить жутким кадрам, показанным по телевидению. Никто не предвидел этой катастрофы, несмотря на то что начиная с 1993 г. и после первого теракта во Всемирном торговом центре спецслужбы неоднократно предупреждали о возможности новых, ещё более масштабных терактов. Мы спрашивали себя, почему некоторые террористы были выходцами из Германии. Утверждалось, что они здесь долгое время были законсервированы. Однако я с этим полностью не согласен. Они не залегли на дно в Гамбурге, а готовились к терактам. И почему они для своей подготовки выбрали именно Германию?

Наверное, было проще организовать свою штаб-квартиру здесь, нежели в Швеции или в Польше. Здесь возникает целый ряд вопросов. Например, такой: кому выгодна расслабленность спецслужб и политиков? Специалисты давно знают, что сверхактивная деятельность уполномоченного по защите компьютерной информации не приносит гражданам никакой пользы. Неожиданно за ночь созданные органы по защите компьютерной информации захотели знать всё. Причём вовсе не о спецслужбах противника, а о собственной разведывательной службе. Это привело к недоверию всех ко всем.

После того как в США и во всём мире первый шок прошёл, встал вопрос о лицах, ответственных за теракты, а также о том, почему их не удалось предотвратить и почему в конце концов все спецслужбы были застигнуты врасплох точно также, как и мировая общественность.

Что касается ответственности, то вскоре выяснилось, что её несёт мультимиллионер и ненавистник Америки Усама бен Ладен, который в то время скрывался в Афганистане. Он был единственным, кто располагал всеми необходимыми средствами для планирования и организации террористических актов. Он уже ранее доказал, на что способен его фанатизм далеко за пределами Ближнего Востока.

Западные разведывательные службы были действительно застигнуты терактами врасплох. Несмотря на то что средства электронной разведки давали им основания для предположений, у них не было фактов, не было конкретных данных. Тут следует напомнить, что на Западе существуют лишь две спецслужбы, спокойно работающие почти также эффективно, как в прежние годы, - израильский МОССАД и британская разведка. Эффективность американской, канадской, немецкой и отчасти французской спецслужб уже многие годы ограничена контролирующими органами. В Германии ещё не рассеялся дым от пороха после терактов РАФ, как партии

бундестага потребовали тотального контроля над разведывательными службами и добились его в значительной степени после принятия соответствующих законов. Дошло до того, что «политическое руководство» стало требовать от спецслужб письменного перечня всех спецопераций с указанием подлинных имён засекреченных сотрудников. Это была первая попытка демонтажа спецслужб в Германии со времён создания БНД, Федерального ведомства по охране конституции и МАД.

После сказанного понятно, почему при таком раскладе спецслужбы стали чрезвычайно осторожны и не делают многого из того, что могли бы делать, недостаточно внимания уделяют человеческому фактору при получении разведывательной информации из-за угрозы её источникам. Успехи, достигнутые в Германии после окончания Второй мировой войны первым руководителем БНД генералом Геленом, становились всё реже по мере того, как политики вмешивались в сферу деятельности разведывательных служб. После того как бундестаг, исходя из политических соображений, начал ещё и назначать на должности руководителей БНД непрофессионалов, неудивительно, что один вновь назначенный президент при вступлении в должность сообщил своему коллеге из МАД, что, следуя новым указаниям о сотрудничестве разведывательных служб, в будущем они не смогут так же тесно сотрудничать, как ранее. Так оно и случилось.

Никто не захочет признавать, что эффективность немецких спецслужб в последние годы снизилась и что в этом следует искать причину того, что система предупреждения не функционирует. Однако специалисту в этой области баланс успеха последних лет покажется довольно скудным. Если задуматься о том, как можно было бы реагировать на теракты, то следует обратить внимание на то, что необходимо повысить эффективность наших спецслужб, причём незамедлительно. На пожаре все должны заниматься его тушением, а не задавать вопросы о полномочиях. Пример тому подал Хельмут Шмидт во время наводнения в Гамбурге.

Борьба со шпионажем и терроризмом

Очевидно, и в дальнейшем придётся учитывать, что, несмотря на отсутствие напряжённости в отношениях Востока и Запада, в этом мире всегда будут возникать конфликты между группами государств или государствами. К ним добавляется в настоящее время опасность терроризма, которую нельзя недооценивать. Она затрагивает все страны. Она уже нанесла удары в Америке, Азии и Европе. Террористические акты возможны в любое время и в любом месте на земном шаре. Речь на самом деле больше не идёт о конфликте между Востоком и Западом, но Клаус Кинкель в своём слове по случаю вступления в должность президента БНД был прав лишь отчасти.

По этой причине, как и прежде, требуются превентивные средства и меры в целях предотвращения или ограничения будущих конфликтов. По-прежнему требуется научно обоснованное изучение процессов социального,

экономического и политического развития, которые могут привести к крупным, а также мелким террористическим актам. Без научно обоснованных знаний о противнике меры противодействия будут оставаться эпизодическими иди могут быть приняты слишком поздно.

Для борьбы с терроризмом сегодня необходима систематическая и свободная от идеологии научная работа союзных государств. Здесь между Востоком и Западом уже не может быть железного занавеса. И здесь спецслужбы могут извлечь урок из опыта «холодной войны». В то время часто удавалось отвести удар от отдельной страны, поскольку контрразведка оказывалась в состоянии разоблачить определённых лиц и обнаружить их явки. Это можно показать на примере некоторых спецопераций и в нашей стране. Нужно лишь исследовать успешно проведённые операции нашей контрразведки незадолго до окончания «холодной войны».

Вот одна из многочисленных таких спецопераций. В 1970-х и 1980-х годах некоторые случаи шпионажа стали известны широкой общественности: помимо дела Гийома, которое привело к отстранению от власти Вилли Брандта, это было в первую очередь дело Лутце, получившее широкую огласку. Раскрытие этой шпионской операции стало хорошим примером успешной разведывательной работы МАД. В данном случае превентивные средства персональной проверки, проводимой при назначении на должность, требующей гарантий благонадёжности, не могли дать результатов, поскольку при приёме обоих лиц на службу в бундесвер не имелось никаких данных, препятствующих такому назначению. МАД была вынуждена исходить из того, что Рената Лутце при её назначении на должность не имела намерения вести шпионскую деятельность. Лишь после того, как она намного позже познакомилась со своим будущим мужем, который уже успел поступить на службу восточногерманской разведки, оба предложили свои услуги спецслужбе противника в Восточном Берлине. Результаты проверки благонадёжности уже были при этом у них на руках. Этот случай является особо ярким примером, поскольку госпожа Лутце успела получить должность секретаря начальника одного из отделов в министерстве в Бонне.

Однажды МАД получила сведения из министерства, которые дали основания исполнителям проверить послужной список супругов и изучить их образ жизни.

В ходе проверки мои сотрудники установили, что для роскошного образа жизни, наличия собственного дома и дорогих автомобилей, а также поездок в Лондон отсутствовали какие-либо правдоподобные объяснения. Сам по себе факт наличия собственности на дома и земельные участки или дорогие автомобили сегодня не является в боннском обществе изобилия чем-то из ряда вон выходящим. Там встречаются вещи и более необычные. Но тем не менее! Делу был дан ход. В конце концов, в приёмной начальника отдела должна была нести службу женщина, полностью соответствующая

критериям неподкупности, конфиденциальности и благонадёжности. Однако госпожа Лутце в ходе проверки вызвала подозрения.

Начальники госпожи Лутце не могли предполагать, что долгое время имели дело со шпионкой, которая очень прилежно отправляла свои доклады в Восточный Берлин. Когда в конечном счёте факт государственной измены раскрыли, упомянутые начальники были очень неприятно удивлены и в ходе неприятных расследований им пришлось отвечать на столь же неудобные вопросы, которые касались в том числе и их собственного поведения.

В ходе расследований, предпринятых МАД, выяснилось, что оба супруга, воспользовавшись несоблюдением должностных инструкций и крайне вольным толкованием правил внутренней безопасности в самом министерстве, чувствовали себя относительно уверенно и смогли передать практически все сведения, проходившие через их руки. По завершении расследования сотрудники МАД были удивлены возможностями их доступа к секретным документам. Это было более чем легкомысленным.

В ходе расследования, проводившегося МАД, все причастные лица упорно молчали, так что шпионские связи и объём переданной информации приходилось реконструировать на основании имеющихся доказательств и улик.

В этом деле о шпионаже ключевой фигурой был Лотар Эрвин Лутце. Предположительно он был завербован IV отделом главного управления разведки ННА (Маркусом Вольфом) на основании письменного обязательства ещё во время своей четырёхлетней службы в бундесвере. После завершения службы в бундесвере он работал в различных гражданских фирмах и продолжал там свою разведывательную деятельность. Свою жену он сумел вовлечь в свою предательскую деятельность после женитьбы в 1972 г.

Его доходы от этой предательской деятельности после окончания испытательного срока составляли 3000 марок ФРГ в месяц. К этому добавлялись бонусы за «особые заслуги». Несмотря на то что в этом деле, как и во многих других, невозможно было установить весь объём шпионской деятельности, вред был нанесён существенный.

Помимо повседневной секретной служебной информации, супруги Лутце в большом объёме передавали спецслужбе Маркуса Вольфа информацию, состаатяющую государственную тайну. В некоторых случаях эта информация касалась и НАТО. С уверенностью можно сказать, что спецслужба ГДР передавала эти данные в Москву, в КГБ.

Раскрытие дела Лутце не было делом случая. Благодаря систематическому сотрудничеству с Ведомством по охране конституции сначала были задержаны резиденты, супруги Г. Найденные при этом многочисленные доказательства и быстрая реакция МАД привели к сотрудничеству с Федеральным ведомством уголовной полиции в вопросе обнаружения супругов Лутце и их последующего задержания.

Дело Лутце подтвердило старый тезис, гласящий, что абсолютной безопасности не существует. Самым слабым звеном в цепочке превентивных мер является человек. Если следовать существующим предписаниям и распоряжениям и осуществлять тщательный и всесторонний контроль над принятыми мерами безопасности, не впадая в рутину, то потенциальное предательство может быть эффективно предотвращено. В руководстве людьми доверие к сотруднику является основным принципом. Недоверие не может обеспечить безопасность.

Однако естественная бдительность в вопросах безопасности должна культивироваться всеми сотрудниками. Этот принцип распространяется как на борьбу со шпионажем, так и на защиту сферы, требующей принятия мер безопасности.

Киссинджер, в бытность свою государственным секретарём США, однажды сказал: «Устрашение требует силы и готовности ею воспользоваться, а кроме того, возникновения у противника ощущения, что другая сторона располагает и тем и другим». По мнению Киссинджера, устрашение является не суммой названных факторов, а их производной. Если один из этих факторов равен нулю, устрашение становится недейственным.

Этот принцип применим как к «холодной», так и к обычной войне. Отсутствие действенных мер устрашения облегчает борьбу и террористам, потому что без устрашения, которое должно быть реальным, снижается риск для агрессора. Ему удаётся сохранять более широкое поле для деятельности. Из опыта военного противостояния многое можно перенести на противника в лице террористов. Для него фактор риска также имеет большое значение в противостоянии с противником.

Подрывные и конспиративные силы террористов всех мастей, так как и здесь не существует единой и завершённой организационной формы, в настоящее время имеют существенное влияние на все сферы напряжённости в мире. Ничто не находится в абсолютной безопасности.

С учётом качества и количества современных методов ведения войны и систем вооружения, вплоть до малых ядерных боезарядов, такой безопасности уже не может существовать. Поэтому государства должны приложить все усилия к тому, чтобы создать максимум безопасности путём заключения договоров.

Автор позволит себе в этом месте небольшое отступление. Мао Цзэдун заявил в 1975 г. немецкой делегации в Пекине, что его мировоззрение в основном сложилось под влиянием четырёх немецких философов, а именно Гегеля, Маркса, Энгельса и Эрнста Геккеля.

Видимо, Геккель недвусмысленно заполнял некое белое пятно в миросозерцании Мао. Для Маркса и Энгельса история конфликтов на земле завершалась победой пролетарской революции. Конечной целью было построение бесклассового общества.

Геккель, напротив, учил, что в мировом развитии невозможно проследить ни определённую цель, ни определённое предназначение с точки зрения человеческого разума, вследствие чего мир никогда не достигнет конечного состояния.

Мао Цзэдун следовал этой точке зрения. Понимание западного способа мышления ему облегчало то, что Геккель, как и древние китайцы, был последователем монизма. Противоположностью этому учению были иудео-христианские традиции дуализма: здесь - Бог и мир, там - дух и материя.

Уже в 1958 г. Мао заявил, что у коммунистического общества будут начало и конец. Таким образом, Мао в некотором смысле больше является последователем Гегеля и Геккеля, нежели Маркса и Энгельса.

Позволю себе задать вопрос, занялись ли столь молодые науки, как политология и социология (которые, между прочим, устарели, так как относятся к прошлому веку), необходимыми исследованиями вопроса, с тем чтобы выявить это фундаментальное отличие маоизма от ортодоксального коммунизма и применить полученные знания к созданию собственной теории? Думаю, что нет.

Каким бы сторонником комплексного научного исследования я ни являлся, более углублённому изучению и полемике с реальным противником должна сопутствовать более интенсивная кооперация между теми государствами, которым надлежит стать естественными союзниками перед лицом общей опасности. Такую опасность сегодня представляет собой терроризм. Здесь необходима работа по всем направлениям.

В новой Белой книге (2006 г.) о политике безопасности Германии и будущем бундесвера министр обороны изложил точку зрения правительства - Федеральный канцлер Ангела Меркель в духовном единстве с министром написала к ней предисловие - на новую германскую политику безопасности. По мнению канцлера, правительство Германии делает ставку в области политики безопасности на принятие решений путём переговоров и будет пытаться преодолевать кризисы на стадии их возникновения. Эту Белую книгу, несомненно, стоит прочесть, несмотря на то что с точки зрения внутренней безопасности она малосодержательна. Очевидно, внутренняя безопасность является, по мнению правительства, прерогативой Федерального министерства внутренних дел. Остаётся только надеяться, что в минуту наивысшей опасности министр будет располагать достаточными силами для борьбы с терроризмом.

Федеральный канцлер Меркель видит в бундесвере «один из инструментов успешного согласования дальновидной, долговременной и в конечном счёте успешной политики безопасности». Канцлер надеется и желает, «чтобы эта Белая книга дала импульс широким общественным дебатам о том, как Германия сможет обеспечить свою безопасность в условиях мира и свободы, в том числе и в существующих условиях XXI века». Однако солдату было бы приятно, если бы канцлер поблагодарила всех

«военнослужащих женщин и мужчин», как это сделал министр обороны Франц Йозеф Юнг в своём предисловии к Белой книге «... за все достижения». А ещё лучше было бы поблагодарить «... всех солдат за то, что они, не щадя своей жизни, стоят на страже безопасности немецкого Отечества». Или это звучит слишком пафосно, а следовательно, несовременно? А может быть, это критическое замечание и неуместно, так как эти слова благодарности наверняка говорит каждый командир вверенным ему солдатам. Солдаты ждут такой благодарности.

Служба военной разведки лишь очень кратко упоминается в Белой книге, как будто она не является одной из важнейших составных частей вооружённых сил. Не называя спецслужбу, министр в этой книге констатирует следующее:

Управление службы военной разведки, управление по работе с персоналом, управление кадрами бундесвера, а также создаваемое управление личного состава бундесвера и военный представитель Германии в НАТО и Европейском союзе ввиду особых задач, стоящих перед ними, находятся в непосредственном подчинении у заместителя генерального инспектора и инспектора объединённых сил обеспечения вооружённых сил.

Поставленные перед ними военные задачи не описываются. Где же здесь, помимо, несомненно, очень важного вопроса управления, роль солдата и гражданского сотрудника МАД?

Для будущей работы спецслужбы было бы полезно уточнение поставленных задач, поскольку там, где военные задачи не определены, очевидно, остаётся возможность для их толкования начальством. К сожалению, такое предположение напрашивается.

В своей статье к Белой книге федеральный канцлер констатирует, что Германия и Европа стоят перед серьёзными вызовами в области безопасности. «Мы должны принять вызов, брошенный международным терроризмом, распространением оружия массового уничтожения, региональными конфликтами и организованной преступностью» - таков её вывод. Здесь можно установить связь с задачами военной разведки. Принять вызов - значит встретить угрозу лицом к лицу. А для достижения успеха сначала следует составить представление о положении дел, для чего необходима информация. Следовательно, требуются разведывательные мероприятия на ранней стадии.

31 марта 1985 г. я был уволен федеральным министром обороны на пенсию. В тот момент я прекрасно сознавал, что этот вечер завершает важный отрезок моей жизни. На последовавшем приёме, на котором я услышал много добрых слов, под самый конец ко мне подошёл представитель советского посольства в звании полковника. «Господин генерал, - сказал он, - мне поручено передать вам большой привет из Москвы от генерал-майора Кныркова. Он желает вам счастья! И ещё сказал, что его приглашение остаётся в силе...» Очевидно, у русских хорошо

информированные спецслужбы.

Карты вновь перетасовываются

Научно-исследовательский центр международной безопасности

После выхода в отставку солдат не перестаёт мыслить как военный. Политика безопасности его страны не снимает с него ответственности за страну, поэтому он принимает участие во всём, что происходит и после его отставки. Я по-своему продолжал заниматься политикой безопасности, основав при университете в Вюрцбурге научно-исследовательский центр международной безопасности и проработав его директором в течение шести лет. С момента создания Общества за единство Германии я вносил посильный вклад в восстановление единства нашего Отечества. Уже в 1999 г. ('имеется в виду 1989 г. - Примеч. пер.) к нам впервые присоединились в качестве активных сотрудников граждане тогдашней ГДР. Сегодня количество членов Общества из новых федеральных земель составляет более 50 процентов. В президиуме заседают и гармонично взаимодействуют представители старых и новых земель. С момента основания Общества за единство Германии мною были подготовлены и проведены во всех федеральных землях - в Северном Рейне-Вестфалии и Мекленбурге-Передней Померании, в Баварии и Саксонии, в Тюрингии и в Берлине - 73 конференции по вопросам германской политики и политики безопасности.

Автор не прекращает заниматься тем, что он вот уже на 83-м году жизни воспринимает как свой долг. Поэтому он продолжает свою деятельность по завершению объединения Германии, начатую в 1985 г.

О войне или военных операциях современности, безусловно, можно спорить. Это касается правомерности военных операций без объявления войны и, конечно же, об их смысле и неизбежности. По этим вопросам различные мнения существуют и в Германии. Несмотря на то что после создания большой коалиции доложение дел существенным образом изменилось в лучшую сторону, оно остаётся слишком серьёзным, чтобы эти войны современности использовать в партийно-политических целях. Мы, немцы, совершили бы огромную ошибку и навредили бы самим себе, если бы, полностью отказавшись от участия в военных операциях и от сотрудничества с западным блоком, разрушили наши до сих пор хорошие отношения с США, чтобы найти свой собственный путь. Такой путь неизбежно заведёт в тупик.

Никто в Берлине не обязан давать президенту США согласия на проведение им военных операций. Можно его критиковать, как за несколько десятилетий до этого критиковали президента Никсона. США за всю свою историю виноваты во многих ошибках. Но осуждать сегодня Буша и оправдывать других, - как в своё время иракского президента - неуместно, поскольку это не в интересах Германии. Наша страна не вправе

отказываться от средств дипломатии.

Поспешное, тщательно инсценированное заявление тогдашнего Федерального канцлера Герхарда Шрёдера в Госларе по поводу иракской войны имело катастрофические последствия, и в течение долгого времени восстановить прежние германо-американские отношения представлялось невозможным. За то, что президент Буш после заявлений Шрёдера по вопросу войны в Ираке и его категорического отказа от предоставления любой помощи США и ООН долгое время старался избегать его или даже игнорировал, его можно критиковать, но это необходимо учитывать при политической оценке положения. После того, что произошло, и в особенности после того, как это произошло, невозможно было даже представить себе возвращение к нормальным взаимоотношениям между этими двумя государственными деятелями. Слишком глубока была пропасть, и слишком болезненным было оскорбление, нанесённое Соединённым Штатам со стороны их лучшего друга в Европе.

В случае с Ираком было правильным то, что Германия отказалась от участия своих войск в военных действиях. Претензии вызывает неловкая и недипломатичная форма заявления о принятии этого решения. Тем не менее в опосредованной форме имели место определённые и скрытые формы поддержки, прежде всего в области боевой учёбы.

Ситуация в Ираке, напоминающая гражданскую войну, неприглядна. Каждый день приносит новые жертвы. Это вызывает сожаление, и в будущем все страны должны приложить все возможные усилия к тому, чтобы вести войну более гуманными средствами и, если её не избежать, завершить её как можно быстрее. Когда после этого будет установлен новый порядок, Германия не должна оставаться в стороне.

У Германии существуют особые обязательства в отношении Ближнего Востока; это является новым вызовом для нашей страны, на котором мы должны ныне сосредоточить свои усилия. Речь идёт о помощи в восстановлении сильно разрушенной страны и оказании помощи её населению. В своё время Германию будут оценивать по объёму этой помощи людям, а не по числу демонстрантов-противни ков США.

После окончания Второй мировой войны немцам пришлось долгие годы жить в крайней бедности. Утрата одной четверти территории государства, нужда, которую испытывали более 15 млн. беженцев, разрушенные города и демонтированное заводское оборудование - всё это было бременем, которое не нёс ни один народ после окончания войн. Однако если исходить из целей союзников, Германии в то же время повезло благодаря её геостратегическому положению между Востоком и Западом. Сегодня имеются первые признаки того, что такое везение может быть не вечным. Это следует иметь в виду немецким политикам.

У Германии имеются большие внутренние проблемы, и, очевидно, она справляется с ними хуже других стран, оказавшихся в аналогичном

положении. Другим странам, однако, меньше приходилось страдать от последствий войны, и ни одной стране не пришлось пережить разделения её государственной территории на долгие годы. После объединения немцы вновь оказались у разбитого корыта. Радость и ликование, конечно, были велики, но сегодня это уже в прошлом. Кто бы мог подумать, что через пятнадцать лет после восстановления единства Германии в немецком бундестаге будет в качестве заместителя его председателя заседать бывший коммунистический деятель из поменявшей название СЕПГ? Кто бы мог подумать, что сегодня бывшие руководители министерства государственной безопасности ГДР смогут обращаться к общественности и отрицать преступления своего ведомства?

Мир находится в процессе больших перемен глобального характера. К ним добавляются стихийные бедствия. Как и во всём мире, в Европе заново тасуются карты в политической игре. В отношениях между Германией и США начало этой перетасовке карт, как уже говорилось, было положено в речи федерального канцлера Герхарда Шрёдера на рыночной площади в Госларе, когда он абсолютно недипломатично сказал своё «нет» американскому президенту Джорджу У. Бушу по поводу политики США в отношении Ирака. При этом вовсе не было необходимости говорить это «нет» без предварительных консультаций, даже не поставив об этом в известность собственного министра иностранных дел. До этого ведь никто из правительства США не просил немцев выступить на их стороне в войне в Ираке. Это было первой политической ошибкой, за которой последовали другие, негативно отразившиеся не только наличных отношениях между Бушем и Шрёдером. Американцы как нация сочли, что им брошен вызов. Это хуже гнева одного президента.

Сегодня имеются первые признаки того, что крупные военные базы в Европе Графенвёр и Баумхольдер уже не имеют прежнего значения для США. Америка ищет возможность политической замены в лице Польши, в том числе и для проекта системы ПРО.

Круг серьёзных игроков за столом мировой политики расширился, а федеральное правительство этого не заметило. После речи Шрёдера в Госларе в январе 2003 г. своё место за карточным столом заняла Польша, а на её фоне, хотя менее заметно, - и Россия. В игре государств карта Германии в течение десятилетий имела особое значение. А сегодня?

А немецкий солдат? «Лучшие солдаты в мире»? Несколько тысяч немецких солдат в легко бронированных машинах патрулируют дороги в Афганистане, пролегающие между цветущими маковыми полями. На арендованных в России военных самолётах их перевозят из Германии в Афганистан и обратно. С точки зрения боевых качеств и вооружения эти солдаты уж точно ни для кого не представляют угрозы. Так, конечно, и должно быть. Это и есть политика безопасности 2006 г.

Значение внешней безопасности для Германии

При всех существенных проблемах, которые подлежат разрешению в наше время, внешняя политика и политика безопасности по-прежнему имеют большое значение. Министры приходят и уходят, а основные направления немецкой внешней политики и политики безопасности остаются неизменными. По крайней мере до тех пор, пока в Германии существует демократическое правительство. Даже партии «зелёных» пришлось оставить своё представление о Германии в прошлом. Внешнюю политику и политику безопасности практически невозможно изменить. В этой области политики наша страна не может идти своим путём. Карта самостоятельной национальной политики уже не бьёт. К ядерным державам это, возможно, применимо лишь в определённой степени.

Потому что государство, владеющее ядерным оружием, в политической игре имеет козырь.

Значение внешней политики и политики безопасности особенно выявилось в процессе объединения Германии. Союзники, как, например, существовавший в то время Советский Союз, только тогда дали зелёный свет объединению Германии, когда были созданы внешнеполитические условия объединения, а вопросы европейской безопасности, включая ограничения вооружений бундесвера, решены. Это кажется сегодня забытым.

Значение внешней безопасности каждый день наглядно демонстрируется событиями, происходящими на земном шаре. Наше будущее развитие зависит от внешней безопасности в той же степени, как и от трудолюбия людей в нашей стране.

Председательство Германии в Совете Европы в первой половине 2007 г. на длительное время изменило приоритеты и выдвинуло на первое место вопросы европейской энергетической политики. Это явилось следствием актуальных дискуссий о драматических изменениях климата, произошедших за короткий период. Эта дискуссия также сопровождается заботой о международной безопасности.

В начале XXI в. НАТО приняла решение о своей новой стратегии. Стратегическая концепция была приспособлена под новые условия, сложившиеся после роспуска блоков. Оборонная политика организации по-прежнему является приоритетной. При этом собственно вопросы обороны отдельных стран уже давно забыты. Исходя из новой концепции, решающим вопросом является последовательность в решении задач. Одно ясно: НАТО в будущем сильнее, чем прежде, сосредоточится на африканском континенте. На это указывают последние принятые решения. При этом блок не исключает в будущем военные операции без участия США.

При этом важно, чтобы ядро нашей системы ценностей и оборонного союза, а именно трансатлантическое партнёрство и солидарность альянса, оставалось неизменным. Солидарность, преодолевающая национальный эгоизм отдельных государств. А его между тем ещё более чем достаточно.

Вместе с тем контуры европейской политики безопасности и обороны

будут прорисовываться всё более чётко по мере сближения стран Европейского союза.

У Германии есть шанс повлиять на развитие европейских структур безопасности и активно участвовать в их создании. Мы обязаны сделать решительный шаг на пути к долгосрочной действенной стабилизации и безопасности на евроатлантическом пространстве. Сегодня речь идёт не о чём ином, как о сохранении стабильности и обеспечении будущего.

Стабильность, естественно, быстрее всего возникает там, где действуют демократия и права человека, где существуют экономическое благосостояние и социальная справедливость и где соседние государства мирно и плодотворно сотрудничают.

Со времён Второй мировой войны народы знают, что сегодня ни одна страна не в состоянии защититься от всех внешних угроз, будь они явными или тайными. Поскольку правящие круги это поняли, пропасть между странами Европы исчезла, а народы приблизились к единству. Мир изменился и за пределами нашего континента. Это и является истинным прогрессом человечества в наше время. Мы неоднократно слышали, что ни одна страна не в силах обеспечить собственную безопасность в одиночку. Это факт, который должен нас в дальнейшем подтолкнуть к ещё большему единству, а равно и к преодолению всего, что в настоящее время ещё разъединяет народы. Несмотря на то что мы ещё далеки от полного единства, как и от единства Европы, мы должны совершенно серьёзно стремиться к одной общей цели: мир народам через единство!

В лучах осеннего солнца на берегах Эльбы и Эсте

Мир изменился за последние полвека, как едва ли изменялся за всю предшествующую историю. То, что люди ни на Востоке, ни на Западе себе и представить не могли после окончания Второй мировой войны, сегодня стало политической реальностью. Российский президент, в совершенстве владеющий немецким языком, обнимает своего коллегу в Берлине, Дрездене и Петербурге. На место глубокой ненависти пришла дружба. Эта очевидная дружба не является показухой, хотя в дружбе между политиками всегда есть элемент шоу. Однако в отношениях с Россией следует учитывать один фактор, представляющий угрозу безопасности, обнаружившийся при объявленном Владимиром Путиным моратории на соглашение об ограничении обычных вооружений.

Там, где в местечке Кранц в Альтес-Ланд Эсте лениво впадает в Эльбу, сразу за верфью под дорожным мостом через Эсте есть место, где «старый солдат» иногда любит сидеть, смотреть на противоположный берег и мечтать. Слева на другом берегу стоит гора Зюлльберг, у подножия которой расположился район Бланкензее с маленьким маяком. Взгляд скользит от

Шулау через весь берег перед Бланкензее направо и останавливается на насыпях территории заводов «Аэробус». Всё это открывается взору мужчины, сидящего на берегу. Здесь он часто сидит и оглядывается в прошлое. В прошлом веке здесь было два крупных наводнения, унёсших

на дно Эльбы несколько сотен человек; сегодня здесь царит покой. Лишь звуки, доносящиеся с улицы, нарушают идиллию. Время от времени поднимается подъёмный мост, и корабль входит в Эльбу. Изредка встречаются и большие корабли. Это случается только тогда, когда построенный на верфи Зитас новый корабль выходит на ходовые испытания.

Большая война давно закончилась, а новой - по крайней мере в Европе - не предвидится. По крайней мере войны в старом понимании, с применением крупных танковых соединений и тяжёлой артиллерии. Но мир никак не может успокоиться. Катастрофы следуют одна за другой и уносят тысячи человеческих жизней. Война по-прежнему ведётся при помощи оружия, отчасти с большей жестокостью, чем когда-либо прежде. Люди убивают от имени Бога и погибают во имя него. Что же это за Бог, перед которым они падают ниц в своих храмах, чтобы сразу же вслед за этим убивать молодых и старых, женщин и детей и даже самих себя? Ближний, Средний и Дальний Восток никоим образом не превратились в зоны мира. Здесь способны - конечно, не за одну ночь - возникнуть движения, которые могут превратиться в новую угрозу. А был бы мир готов ко всестороннему изменению международного положения?

Пожилой человек на берегах Эльбы не хочет предаваться спекуляциям на эту тему. Но в каком направлении пойдут бригады через пятьдесят лет? Россия и Китай приступили к далеко идущему военному сотрудничеству, которое ещё 20 лет тому назад невозможно было себе представить. Совместные учения всех видов вооружённых сил в большом объёме свидетельствуют о совместных интересах. Всё течёт, так было уже две тысячи лет тому назад, и так будет, по-видимому, и через сто лет.

Германия смирилась со своим положением и со своей ролью в мире. Она состоит в союзах, из которых не собирается, да и не может выйти. Но куда направлен взор этих союзов, НАТО и ЕС? Мечты об особом немецком пути, которым в Германии предаются лишь немногие люди, останутся мечтами, это показали, например, выборы в бундестаг в 2005 г. Важно лишь, выпадет ли Германии в политической игре туз или семёрка бубен.

Бундестаг 15-го созыва (2002-2005), в котором «краснозеленое» правительство получило большинство с незначительным перевесом, казалось, обозначил поворот во внешней политике, чего ведущие политики, видимо, не заметили. Но что же это за политика, если канцлер принимает решения, касающиеся вопросов войны и мира, без предварительных консультаций со своим министром иностранных дел? Следует задать вопрос, как такую политику воспринимают друзья и союзники?

Останется ли немецкая внешняя политика такой же надёжной, какой

она была со времён основания Федеративной Республики Германии? Хельмут Шмидт, в бытность свою канцлером, неоднократно требовал, чтобы немецкая политика была надёжной. В 1990-е гг. друзья и «недруги» так её и оценивали. Эта оценка немецкой политики также должна оставаться неизменной.

НАТО находится в процессе переориентации своей стратегии практически во всех областях. Поскольку положение в мире - не только на европейском континенте - с 1990-х гг. в корне изменилось, стратегия безопасности должна приспосабливаться к этим изменениям.

Перед взором старого генерала на берегах Эльбы вся его жизнь проходит как в кино. Уже много лет он не несёт ответственности за тех солдат, которые в своё время были вверены ему страной. Он не может отречься от своей профессии, потому что «быть солдатом» - это всё же профессия, не похожая на все остальные. Солдаты служат. Несомненно, и полицейские, и пожарные служат обществу. Тем не менее есть разница между солдатом и другими служащими. Полицейские стоят перед порогом, который они не должны перешагивать. У солдата же выбора нет. Только если он правильно поймёт свою задачу как благородную службу своей стране, он будет готов к решающему бою и не пожалеет своей жизни. Он возьмётся, если это неизбежно, за оружие и применит его. В те доли секунды, за которые ему придётся принять решение, у солдата не будет времени на размышления. Он будет стрелять, как заметил в своё время мой американский приятель во время игры в карты в Хэммондс-Бэрраэкс.

С момента основания бундесвера 12 ноября 1955 г. наша страна придерживается принципа всеобщей воинской повинности. При этом всегда существовали противники призыва, однако большинство его поддерживало. В будущем придётся задать вопрос, является ли этот принцип достаточно весомым, если солдат призывается в вооружённые силы не для защиты своей страны, а для направления его, на основании решения, принятого международными организациями, для участия в спецоперациях, проводимых в Африке или Южной Америке, или для стабилизации обстановки в других отдалённых регионах.

Где начинается законная защита собственной страны и где она заканчивается? Тот политик, который требует от юных граждан отдать свои жизни, обязан дать этому обоснование. С начала операции в Афганистане здесь многое придётся наверстать. С политической точки зрения легко утверждать, что мы обязаны защищать свою страну и на Гиндукуше. Но соответствует ли это нашему Основному закону? Если бы безопасность нашей страны без присутствия немецких войск в Афганистане оказалась под угрозой, в этом не было бы никаких сомнений. Население этого региона очень болезненно относится к таким вопросам. Как правило, оно встречает немецких солдат дружелюбно и прикрепляет цветы к их форме. Но вряд ли найдётся народ, который надолго полюбит своих захватчиков и будет просить их остаться в стране на неопределённый срок. Народы этого региона

ничего не ценят так сильно, как свою свободу.

Политикам в Германии сегодня легко предъявлять солдату требования, если это представляется целесообразным. При этом вопрос о солдатской этике почти не поднимается. Не поднимается вопрос и о том, какой нравственной и моральной позиции ожидают или даже требуют от солдата граждане нашей страны. Этого вопроса стараются избегать. Солдат не должен отличаться от финансового инспектора, собирающего налоги с населения. Мужество, храбрость, честь и верность являются, по словам одного известного тележурналиста, добродетелями фашистского прошлого, от которых солдат бундесвера должен отказаться. Здесь обнаруживаются совпадения с решением Федерального конституционного суда, согласно которому в Германии солдат по-прежнему можно обобщённо называть «убийцами».

На берег Эльбы из автобуса высаживается шумная группа молодых людей. Они бегут по улице вниз к берегу. С восторгом они наблюдают, как перед устьем Эсте парусная лодка кренится от ветра и огромный контейнеровоз идёт вниз по течению Эльбы. «Ух ты, ну и корыто!» - восклицает один парень. Этим мальчикам, думаю я, которым, наверное, по 16 лет, вскоре предстоит принять решение, как и мне тогда, в 55-м, на берегу Рейна. С призывной повесткой в руках они будут задавать вопросы о солдатской этике. Как бы я ответил на их вопросы? Они бы даже не стали спрашивать меня, старого солдата, который здесь размышляет о своей жизни. Мне самому сегодня - в нынешних условиях - было бы временами сложно дать им добрый совет.

Хорошо ли быть солдатом? Всегда ли дело в том, хорошо ли быть солдатом? Не следует ли здесь скорее задать вопрос о долге гражданина, который, ощущая ответственность за свою страну, должен защищать её в трудное время, даже не щадя своей жизни? Если ответить утвердительно на вопрос о том, что солдатская этика необходима, то неизбежно придётся признать, что требования к нравственной позиции солдата должны отличаться от требований к водителю автобуса 373-го маршрута. Если от солдата можно требовать, чтобы он защищал свою страну, не щадя жизни, то политику следует указать на пределы его полномочий. Тогда от политика можно потребовать морально-нравственных действий.

Я ещё раз бросаю взгляд на противоположный берег Эльбы. Мой взор скользит от маяка Бланкензее направо, до подножия Овельгённе и до завода «Аэробус» в Финкенвердере, где собирают новый «Аэробус-380». Несколько больших «корыт» плывут по течению. Парусники кружат перед берегом Бланкензее, между ними виднеется несколько яхт и маленьких лодок. На Эльбе течёт своя жизнь. В этот момент, может быть, всё даже слишком оживлённо? Картина меня завораживает. Нужно было бы её написать.

Но затем перед моим взором встают картины из собственной жизни. Такой, какой её видит утопающий. Мне это знакомо, потому что, когда я был ребёнком, несколько мальчишек на озере Нидерзее держали меня под водой,

пока я не потерял сознание. Молодой рабочий с лесопилки Андерс вытащил меня из воды и спас. В этот короткий промежуток времени между моей первой жизнью и возвращением к жизни я увидел перед собой, как при ускоренной съёмке, свою первую, тогда ещё короткую жизнь. Там было озеро Нидерзее среди Мазурских лесов, детство в доме родителей на окраине посёлка... и одиночество, город, где я родился и провёл своё раннее детство. Город, в котором в театре «Тройданк» был выставлен эскиз декорации к 3-му акту оперы «Вольный стрелок», когда мне было 16 лет. Затем снова последовали Нидерзее до окончания народной школы, переход в среднюю школу, школа имени Беринга в Хоэнштайне...

По гребню насыпной дамбы я медленно иду к противоположному берегу Эсте. Сразу за шлюзом на насыпной дамбе Эсте стоит дом моей дочери. Перед домом расположен сад, который к берегу сужается и у самого берега не шире трёх метров. Здесь стоит скамейка, которая в Гамбурге стала моим любимым местом отдыха. Изредка здесь проплывают парусники, моторные, а иногда даже гребные лодки. Это совсем маленький клочок земли. Место, как будто созданное для размышлений. Я наблюдаю редкие корабли на реке, гусей и уток, летящих совсем низко над поверхностью воды, и ощущаю гармонию с миром.

Здесь я и сижу, старый, но совершенно не сломленный человек, впрочем, и не особенно гордый. Я сижу здесь на скамейке, на берегу Эсте, опираясь на палку, которую польский пастух покрыл ручной резьбой; генерал, размышляющий о своей жизни солдата, о солдатской этике и о том, хорошо ли быть солдатом.

Давно прошли те времена, когда солдаты пели песни на улицах своих гарнизонов. Имея за плечами опыт двух мировых войн, солдат уже не может предаваться воспоминаниям о прелестях своей службы. Должно быть достаточно осознания того, что я служу безопасности своей страны. Это достаточно серьёзная задача и одновременно вызов. Полностью осознать это, наверное, может лишь тот, кто на самом деле пережил жестокий огонь войны. К этому, конечно же, добавляется христианская заповедь любить бл ижнего своего, что, очевидно, подразумевает и обеспечение по мере сил его безопасности. Первым человеком, принявшим христианскую веру, был римский солдат, который под крестом понял: «Это, наверное, был сын Бога».

Мир изменился и на нашем континенте, и за его пределами. Это - истинный прогресс человечества в наше время. Ни одна страна в наше время не в состоянии самостоятельно обеспечить свою безопасность, как считалось возможным ранее. Это факт, который должен и впредь вести нас к ещё большему единству, а также к преодолению всего того, что сегодня ещё разъединяет народы. Поскольку мы ещё далеки от окончательного достижения единства в собственной стране и от объединения Европы, это должно стать нашим самым серьёзным устремлением: мир народам через единство!

Стая птиц дугой пролетает со стороны верфи высоко над Эльбой и Эсте

на юго-запад. Всё-таки удивительно, думаю я, в каком великолепном порядке они летят по вечернему небу.

Каждая птица знает своё место и держит дистанцию со своими соседями, которые распределяются равномерно справа и слева, спереди и сзади. Но одна из них летит впереди и ведёт за собой всю стаю. Что будет, если её не станет? Займёт ли тогда другая её место, чтобы повести остальных?

Так кто же определяет курс?.. Кто определяет путь и цель?

Когда солдаты, возвращавшиеся в 1949 г., ехали по мосту через Вислу, они пели хором «Благодарите Бога!». Тогда они верили в провидение и милость Божью.

Приложения

Перечень сокращений

АС (НУ) Начальник управления

AFNORTH Объединённые вооружённые силы Северной Европы

ASBW Управление безопасности бундесвера

ATAF Объединённые тактические военно- воздушные силы

BALTSEA Группа обеспечения безопасности на Балтийском море

BfV Федеральное ведомство по охране конституции

BKA (БКА) Федеральное ведомство уголовной полиции Германии

BMVg Федеральное министерство обороны Германии (Минобороны Германии)

CENTAG Группа армий Центральной Европы

CINCENT Главнокомандующий войсками НАТО в Центральной Европе

СМ Агент иностранной разведки, засланный на территорию противника с целью получения и передачи информации о его действиях

EADS Европейский аэрокосмический и оборонный концерн

GASP Совместная внешняя и оборонная политика ЕС

GI (джи-ай) Название американских солдат-пехотинцев времён Второй мировой войны. Данное сокращение, по-видимому, произошло от надписей на металлических мусорных баках GI (Galvanized Iron - гальванизированный металл). Позднее сокращение GI было перенесено на понятие «Government Issue» (государственное имущество), что послужило прозвищем для американских солдат

GOp Тайная контрразведывательная операция

HVA Главное разведывательное управление Национальной народной армии ГДР

KBW Союз коммунистов Западной Германии

LANDCENT Объединённые сухопутные войска Центральной Европы

LfV Земельное управление Федерального ведом ства по охране конституции

MAD (МАД) Военная контрразведка бундесвера

MFR Высший военный совет министерства обороны Германии

MfS Министерство государственной безопасности ГДР

MOE/SOE Международное сотрудничество в области образования и научных исследований в Центральной, Восточной и Южной Европе

Napola Национально-политические учебные заведения (в период нацизма. - Примеч. пер.) Официальное наименование - NPEA.

NPG Группа ядерного планирования

PKG Орган парламентского контроля, раньше

PKK Парламентская контрольная комиссия

QRA Силы быстрого реагирования НАТО

USAEUR Американские войска в Европе

UvD Унтер-офицер, состоящий на службе

VM Секретный сотрудник контрразведки

WINTEX Учения НАТО, как правило, проводимые ежегодно

БНД Федеральная разведывательная служба

ВЧК Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

ГРУ Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооружённых Сил России

КГБ Комитет государственной безопасности СССР

МВД Министерство внутренних дел СССР

НАТО Организация Североатлантического договора, Северо-Атлантический альянс

ННА Национальная народная армия ГДР

ПРО Система противоракетной обороны

РАФ «Фракция Красной Армии» (леворадикальная террористическая организация ФРГ. - Примеч. пер.)

СНГ Содружество независимых государств

Именной указатель

Аденауэр, Конрад (1876-1967), председатель ХДС, в 1949-1963 гг. - федеральный канцлер.

Алерс, Конрад («Конни») (1922-1980), в 1962-1966 гг. - зам главного редактора журнала «Шпигель», в 1969-1972 гг. - руководитель отдела по связям с прессой и информации федерального правительства и статс-секретарь.

Апель, Ханс (р. 1932), СДПГ, в 1978-1982 гг. - 7-й федеральный министр обороны.

Баадер, Андреас (1943-1977 [самоубийство]), член террористической организации РАФ.

Банда, Хастингс Камузу (1896(?) - 1997), в 1966-1994 гг. - глава правительства и диктатор Малави.

Бар, Эгон (р. 1922), СДПГ, в 1972-1974 гг. - федеральный министр по особым поручениям; в 1974-1976 гг. - федеральный министр по экономическому сотрудничеству.

Бастиан, Герт (1923-1992 [самоубийство]), генерал бундесвера; некоторое время - представитель партии зелёных в бундестаге.

Бектон, Джулиус Уэсли (р. 1926), генерал США.

Берия, Лаврентий Павлович (1899-1953 [расстрелян?]), в 1938-1953 гг. - глава спецслужбы СССР.

Бланк, Тео (1905-1972), ХДС, в 1950-1955 гг. - руководитель «Службы Бланка» (бюро Бланка), которая готовила создание бундесвера; в 1955-1956 гг. - 1-й федеральный министр обороны.

Бойен, Леопольд Герман Людвиг фон (1771 - 1848), прусский генерал.

Боссле, Лотар (1929-2000), нем. социолог и политолог.

Брандт, Вилли (1913-1992), СДПГ, в 1969-1974 гг. - федеральный канцлер.

Брунн, Йоахим фон - полковник бундесвера.

Бубак, Зигфрид (1920-1977 [убит]), генеральный прокурор ФРГ.

Булганин, Николай Александрович (1895-1975), в 1955-1958 гг. - председатель Совета министров СССР.

Буш, Джордж У. (р. 1946), с 2000 г. 43-й президент США.

Вагнер, Эккерхард, профессор специализированного института в Нюрнберге.

Вагнер, Рихард (1813-1883), нем. композитор.

Вагнер, Вольфганг, нем. режиссёр и руководитель фестивалей; внук Рихарда Вагнера.

Вайнштайн, Адельберт (1916-2003), нем. журналист, в течение многих лет - военный обозреватель газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг».

Вебер, Карл Мария фон (1786-1826), нем. Композитор.

Вегенер, Ульрих, в 1972-1979 гг. - командир спецподразделения ГСГ-9.

Венер, Герберт (1906-1999), СДПГ, в 1969-1983 гг. - председатель фракции СДПГ в бундестаге.

Вёрнер, Манфред (1934-1994), ХДС, в 1982-1988 гг. - 8-й федеральный министр обороны.

Вильд, Ханс Вальтер, СДПГ, в 1959-1988 гг. - обер-бургомистр Байройта.

Вирмер, Эрнст (1910-1981), управляющий делами Федерального министерства обороны.

Вицлебен, Йоб-Вильгельм Георг Эрвин фон (1881-1944 [казнён]), генерал вермахта, участник военного заговора против Гитлера.

Вольф, Маркус (1923-2006), в течение 34 лет руководил Главным управлением разведки, Службой внешней разведки Министерства государственной безопасности ГДР.

Вуст, Харальд, в 1976-1978 гг. - 6-й генеральный инспектор бундесвера.

Гайгер, Йорг, в 1996-1998 гг. - президент БНД.

Гевара, Че (1928-1967), настоящее имя Эрнесто Рафаэль Гевара де ла Серна; кубинский революционер, политик и вождь повстанцев.

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831), немецкий философ.

Геккель, Эрнст (1834-1919), немецкий зоолог и философ.

Гелен, Рейнхард (1902-1979), генерал вермахта; первый президент БНД.

Геншер, Ханс-Дитрих, СвДП, в 1969-1974 гг. - федеральный министр внутренних дел, в 1974-1982 и 1982-1992 гг. - министр иностранных дел.

Георг VI (1895-1952), в 1936-1952 гг. - король Англии.

Герольд, Хорст, в 1971-1981 гг. - президент Федерального ведомства уголовной полиции Германии.

Гессе, Герман (1877-1962), нем. писатель.

Гийом, Гюнтер (1927-1995), референт Ведомства федерального канцлера; шпион в пользу

ГДР.

Гитлер, Адольф (1889-1945).

Горбачёв, Михаил Сергеевич (р. 1931), в 1985-1991 гг. - Генеральный секретарь ЦК КПСС; в 1990-1991 гг. - президент Советского Союза.

Грайнер, Готфрид, генерал бундесвера.

Грольман, Карл Вильгельм Георг фон (1777-1843), прусский генерал.

Грасхи, Хельмут, генерал бундесвера.

Дренкманн, Гюнтер фон (1910-1974 [убит]), нем. юрист и президент Апелляционного суда Берлина.

Йешоннек, Герт Густав Пауль (1912-1999), вице-адмирал бундесвера, в 1967-1971 гг. - 3-й инспектор военно-морского флота.

Канарис, Вильгельм (1887-1945 [казнён]), адмирал, в период нацизма - начальник зарубежного отдела абвера [спецслужба] при главном командовании вермахта.

Кант, Иммануил (1724-1804), нем. философ.

Карл I (Карл Великий) (ок. 748-814), король франков, римский император.

Кислинг, Гюнтер, генерал бундесвера.

Киссинджер, Генри, в 1969-1973 гг. - советник по вопросам национальной безопасности Соединённых Штатов, в 1973-1977 гг. - государственный секретарь США.

Кинкель, Клаус, СвДП, в 1979-1982 гг. - президент БНД, в 1992-1998 гг. - министр иностранных дел.

Клаузевиц, Карл фон (1780-1831), прусский генерал.

Кнырков А.В., советский генерал и военный атташе.

Коль, Гельмут (р. 1930), ХДС, в 1982-1998 гг. - федеральный канцлер.

Кразе, Йоахим (?-1988), шпион в пользу ГДР.

Лауритцен, Лауритц (1910-1980), СДПГ, федеральный министр во времена большой коалиции в 1966-1969 гг.

Лебер, Георг, СДПГ, в 1972-1978 гг. - федеральный министр обороны.

Луи Фердинанд, принц Прусский (1907-1994), претендент на германский и прусский трон, с 1951 г. до своей смерти - глава дома Гогенцоллернов.

Лутце, Лотар-Эрвин, шпион в пользу ГДР.

Лутце, Рената, секретарша в Федеральном министерстве обороны, шпионка в пользу ГДР.

Майнхоф, Ульрике (1934-1976 [самоубийство]), член террористической организации РАФ.

Маленков, Георгий Максимилианович (1902-1988), в 1953-1955 г. - Председатель Совета Министров СССР.

Мао Цзэдун (1893-1976), в течение многих лет председатель компартии Китая, в 1954-1959 гг. - Председатель Китайской Народной Республики.

Маркс, Карл (1818-1883), нем. философ и журналист.

Матцки, Герхард (1894-1983), генерал бундесвера.

Мезьер, Ульрих де (1912-2006), в 1964-1966 гг. - 3-й инспектор сухопутных войск; в 1966-1972 гг. - 4-й генеральный инспектор бундесвера.

Мензис, сэр Стюарт (1890-1968), руководитель британской военной разведки.

Меркель, Ангела (р. 1954), ХДС, с ноября 2005 г. - федеральный канцлер.

Мильке, Эрих (1907-2000), в 1957-1989 гг. - министр государственной безопасности ГДР.

Нейтхардт фон Гнейзенау, Август Вильгельм А., граф (1760-1831), прусский генерал.

Новотны, Фридрих, нем. журналист и бывший интендант Западногерманского радио (WDR).

Ондарца, Хеннинг фон, в 1987-1991 гг. - 11-й инспектор сухопутных войск; в 1991-1994 гг. - командующий войсками НАТО в Центральной Европе.

Отис, Гленн К., генерал США; командующий Группой армий Центральной Европы.

Петер, Рольф, полковник, командир одной из групп МАД.

Петрелли, Зигфрид, полковник бундесвера, шпион в пользу ГДР.

Понто, Юрген (1923-1977 [убит]), пресс-секретарь правления Дрезднер-банк .

Путин, Владимир Владимирович (р. 1952), с марта 2000 г. - 2-й президент России, с мая 2008 г. - председатель Правительства Российской Федерации.

Райхерт, Рюдигер фон, генерал бундесвера.

Распэ, Ян-Карл (1944-1977 [самоубийство]), член террористической организации РАФ.

Реемтсма, Ян-Филипп, создатель и председатель Гамбургского института социальных исследований (HIS) и Гамбургского фонда поддержки науки и культуры.

Рейган, Рональд (1911-2004), в 1981-1989 гг. - 40-й президент США.

Роланд, Юрген, настоящее имя Юрген Шеллак, нем. режиссёр.

Рузвельт, Франклин Д. (1882-1945), в 1933-1945 гг. - 32-й президент США.

Рупперт, Артур, бывший главный редактор газеты «Гельзенкирхенер цайтунг», выходившей с 1865 по 1940 г.

Рюэ, Лотар, ХДС, в 1992-1998 гг. - 11-й федеральный министр обороны.

Сталин, Иосиф Виссарионович (1878-1953), в 1922-1925 гг. - Генеральный секретарь ЦК РКП(б), в 1925-1952 гг. - Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), в

1952-1953 гг. - Генеральный секретарь ЦК КПСС

Требеш, Герберт, вице-адмирал бундесвера.

Треттнер, Хайнц, в 1964-1966 гг. - 3-й Генеральный инспектор бундесвера.

Улаф V (1913-1991), король Норвегии.

Фельдмайер, Карл, нем. журналист, многолетний редактор газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг».

Фербер, Эрнст, в 1971-1973 гг. - 6-й инспектор сухопутных войск; в 1973-1975 гг. - главнокомандующий НАТО в Центральной Европе.

Фишер, Йозеф («Йошка»), Союз 90/Зелёные, в 1998-2005 гг. - федеральный министр иностранных дел.

Фома Аквинский (ок. 1214-1274), философ и учёный.

Франко, Франсиско (1892-1975), в 1939-1975 гг. - глава испанского государства.

Фридрих II (Фридрих Великий) (1712-1786), в 1740-1786 гг. - король Пруссии.

Хальштейн, Вальтер (1901-1982), в 1951-1958 гг. - статс-секретарь министерства иностранных дел; его имя носит доктрина Хальштейна.

Хантель, Ульрих, генерал бундесвера.

Харальд V, король Норвегии с 1991 г.

Хассель, Кай-Уве фон (1913-1997), ХДС; в т.ч. в 1962-1966 гг. - 3-й федеральный министр обороны.

Хенгсбах, Франц (1910-1991), кардинал; в т.ч. в 1961-1978 гг. - католический епископ бундесвера.

Хойзингер, Адольф (1897-1982), в 1957-1961 гг. - 1-й Генеральный инспектор бундесвера.

Хонеккер, Эрих (1912-1994), в 1976-1989 гг. - Генеральный секретарь ЦК СЕПГ.

Хрущев, Никита Сергеевич (1894-1971), в 1953-1964 гг. – 1-й секретарь ЦК КПСС.

Хуан Карлос (р. 1938), король Испании.

Хусейн, Саддам (1937-2006 [казнён]), в 1979-2003 гг. - президент Ирака; в 1979-1991 и 1994-2003 гг. - премьер-министр Ирака.

Циммерман, Армин (1917-1976), в 1972-1976 гг. - 5-й Генеральный инспектор бундесвера.

Черчилль, сэр Уинстон Леонард Спенсер (1874-1975), в 1940-1945 и 1951-1955 гг. – брит. премьер-министр.

Шарнхорст, Герхард фон (1755-1813), прусский генерал.

Шляйер, Ханс-Мартин (1915-1977 [убит]), нем. менеджер, президент Союза работодателей.

Шлиффен, Альфред фон, граф (1833-1913), генерал-фельдмаршал кайзеровской Германии, создатель названного его именем «плана Шлиффена».

Шмидбауэр, Бернд, ХДС, в 1991-998 гг. - статс-секретарь при Федеральном канцлере.

Шмидт, Хельмут, СДПГ, в 1969-1972 гг. - федеральный министр обороны; в 1974-1982 гг. - федеральный канцлер.

Шмидт, Ханнелоре (Локи), супруга бывшего Федерального канцлера Хельмута Шмидта.

Шойбле, Вольфганг, ХДС, в 1989-1991 гг. - федеральный министр внутренних дел; с 2005 г. - вновь министр внутренних дел.

Шпейдель, Ханс (1897-1984), генерал бундесвера, в 1957-1965 гг. - главнокомандующий Объединёнными сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе.

Шрёдер, Герхард, СДПГ, в 1998-2005 гг. - федеральный канцлер.

Шрёдер, Герхард (1910-1989), ХДС, в 1966-1969 гг. - 4-й федеральный министр обороны.

Штауффенберг, Клаус Шенк фон, граф (1907-1944 [казнён]), полковник генерального штаба, одна из главных фигур военного заговора против Адольфа Гитлера.

Штойрих, Петер, генерал ННА.

Штоф, Вилли (1914-1999), в 1973-1976 гг. - зам. председателя Государственного совета ГДР; в 1975-1989 гг. - председатель Совета Министров ГДР.

Штраус, Франц Йозеф (1915-1988), ХСС, в 1956-1962 гг. - 2-й федеральный министр обороны; в 1978-1988 гг. - премьер-министр Баварии.

Штрук, Петер, СДПГ, в 2002-2005 гг. - 13-й федеральный министр обороны.

Шюлер, Манфред, СДПГ, во время правления Шмидта - руководитель Ведомства федерального канцлера.

Эльвайн, Томас, нем. политолог и специалист в области администрирования.

Энгельс, Фридрих (1820-1895), нем. политик, предприниматель, философ и историк.

Энсслин, Гудрун (1940-1977 [самоубийство]), член террористической

организации РАФ.

Эгон Бар – (1960-1966) статс-секретарь в ведомстве канцлера и советник канцлера Вилли Брандта.